

A pair of hands is held up, palms facing each other, against a textured red background. The hands are positioned centrally, with fingers spread. The lighting is soft, highlighting the skin texture. The overall composition is symmetrical and centered.

Дженнифер Джекет

ЗАЧЕМ НАМ
СТЫД?

ЧЕЛОВЕК
VS
ОБЩЕСТВО

АНФ

Тысячелетиями присущие человеку чувства стыда и вины служили инструментом контроля общества над индивидуумом. А каково их место в наши дни, когда мало кого останавливает чужое мнение? В этой книге американская исследовательница Дженнифер Джекет всесторонне рассматривает тему стыда и приходит к неожиданному выводу о возрождении его роли в современном обществе. Благодаря социальным медиа информация как об отдельном человеке, так и о целых организациях моментально распространяется повсюду, поэтому стыд вновь становится мощным орудием воздействия. Дженнифер Джекет убеждена: в ситуации, когда человечество стоит перед лицом многих глобальных вызовов, стыд обретает особую значимость. Желание гордиться своими поступками, а не стыдиться их может стать основой переосмысленной по новому личной и коллективной ответственности.

- [Дженнифер Джекет](#)

-
-

- [Глава 1](#)

- [Что мы понимаем под словом «стыд»](#)
- [Чем стыд отличается от вины](#)
- [Когда стыд и вина превращаются в наказание](#)
- [Как действует стыд](#)
- [Что стоит на кону](#)

- [Глава 2](#)

- [Пришествие вины](#)
- [Как государство помогло нам проститься со стыдом](#)
- [Бывает ли абсолютное бесстыдство?](#)
- [Разница между виной, стыдом и смущением](#)
- [Возможности вины](#)

- [Глава 3](#)

- [«Зеленая» вина](#)
- [«Зеленая» вина и отпущение грехов](#)
- [Всемогущая маркировка](#)
- [Вина: удар мимо цели](#)
- [«Зеленый» цинизм](#)
- [Ограниченные возможности «зеленой» вины](#)

- [Глава 4](#)

- [Статистика смертоубийственных распрей {43}](#)
- [Самоуничтожение до победного конца](#)
- [Паршивые овцы и редкие виды](#)
- [Что говорит о паршивых овцах наука](#)
- [Как пристыдить паршивую овцу](#)

- [Глава 5](#)
 -
 - [Что есть норма?](#)
 - [Как формируются нормы?](#)
 - [Кто продвигает нормы?](#)
 - [Стыд можно переживать и на коллективном уровне](#)
 - [Деньги и нормы](#)
 - [Принуждение к соблюдению норм](#)
- [Глава 6](#)
 -
 - [Навык № 1: обращаться к общественности, обеспокоенной нарушением](#)
 - [Навык № 2: стыдиться за значительное несоответствие наблюдаемого поведения желаемому](#)
 - [Навык № 3: стыдиться за то, что формально не наказуемо](#)
 - [Навык № 4: стыдиться нарушителя должен тот, чье мнение для него важно](#)
 - [Навык № 5: обращаться к аудитории, которая тебе доверяет](#)
 - [Навык № 6: нацеливаться на максимальный итоговый выигрыш](#)
 - [Навык № 7: всегда проявлять добросовестность и щепетильность](#)
- [Глава 7](#)
 -
 - [Новый рубеж](#)
 - [Нужна ли нам полная свобода стыдиться кого и за что угодно?](#)
 - [Несоразмерное наказание](#)
 - [Интернет и бесстыдство](#)
 - [Как виртуальный стыд становится реальным](#)
 - [Научим машины краснеть?](#)
- [Глава 8](#)
 -
 - [Игры на внимание](#)
 - [Афера Сокала](#)
 - [Надувные крысы](#)
 - [Как привлечь внимание солидного банка](#)
- [Глава 9](#)
 -
 - [Как не допустить позора](#)
 - [Труба пониже и дым пожиже](#)
 - [Собственная система ценностей и иная ментальность как защита от стыда](#)
 - [Что делать, если уже стыдно](#)
 - [Чем еще чреват стыд](#)
 - [Лучшая защита – нападение?](#)
- [Глава 10](#)
 -
 - [Как найти лучшие мишени для стыда](#)
 - [Как сохранить стыд в качестве оружия общественного воздействия](#)
 - [Давайте спросим зрителей](#)
 - [Почему стыд, а не прозрачность?](#)
 - [Не забывайте о социальном характере стыда](#)

- [Приложение](#)
- [Благодарности](#)
- [Об авторе](#)
- [Об иллюстраторе](#)
- [notes](#)
 - [Сноски](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [Комментарии](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)

- [127](#)
 - [128](#)
 - [129](#)
 - [130](#)
 - [131](#)
 - [132](#)
 - [133](#)
 - [134](#)
 - [135](#)
 - [136](#)
 - [137](#)
 - [138](#)
 - [139](#)
 - [140](#)
 - [141](#)
 - [142](#)
 - [143](#)
 - [144](#)
-

Дженнифер Джекет

Зачем нам стыд? Человек vs. общество

Переводчик *Наталья Кияченко*
Редактор *Наталья Нарциссова*
Руководитель проекта *И. Серёгина*
Корректоры *М. Савина, С. Чупахина*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Дизайн обложки *Ю. Буга*
Фото на обложке *Shutterstock*

© Jennifer Jacquet, 2015

© Иллюстрации. Brendan O'Neill Kohl, 2015

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2016

Джекет Д.

Зачем нам стыд? Человек vs. общество / Дженнифер Джекет; Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

ISBN 978-5-9614-4248-9

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

Стыд – вот чувство, которое спасет человечество.

А. Тарковский, реж. «Солярис» (1972)

Стыд – удел слабаков.

Барон Эдвард фон Клоберг, американский лоббист

Глава 1

Что такое стыд

Совесть – это проклятие богов, которое человек должен принять, чтобы получить от них право мечтать.

Уильям Фолкнер, интервью The Paris Review (1958)

В 1987 году в здание Института «Остров Земля» в Сан-Франциско вошел 30-летний Сэм Лабудде. Он мечтал бороться с вырубкой тропических лесов и получил назначение в Мехико, где ему предстояло стать экологом-наблюдателем. В холле института Лабудде прочел статью о том, как при ловле тунца рыбаки уничтожают миллионы дельфинов. В этом промысле используются огромные сети-ловушки, окружающие целые косяки тунца, а заодно и любую другую живность, оказавшуюся поблизости. Попав в такую сеть, дельфины тонут или гибнут от полученных увечий. Текст статьи производил оглушающее впечатление, но статье не хватало иллюстраций. И вот вместо спасения тропических лесов Лабудде убедил руководство «Острова Земля» выделить ему видеокамеру (дело было в 1980-х, и эти устройства еще не были распространены повсеместно). Он задумал наняться на траулер, чтобы заснять истребление дельфинов.

Лабудде удалось устроиться сначала матросом, а затем коком на панамское рыбачье судно, занимавшееся промыслом у берегов Энсенеды в Мексике. С огромным риском он отснял несколько видеокассет, где показаны мертвые и умирающие в рыболовных снастях дельфины. На основе его съемок «Остров Земля» начал информационную кампанию на национальном и местном телевидении США. В газетах и журналах появились публикации на эту тему, в том числе цикл из трех статей Кеннета Брауэра в *The Atlantic Monthly*. Кампания была направлена на то, чтобы пристыдить виновников и выставить их на обозрение американской общественности. Мишенью стала индустрия добычи тунца, в частности три крупнейшие компании: StarKist, Bumble Bee и Chicken of the Sea.

Примерно в то же время я упростила маму купить мне книгу «50 простых вещей, которые может сделать ребенок ради спасения Земли» (50 Simple Things Kids Can Do to Save the Earth). Следуя совету из этой книги, изданной в 1990 году, я написала запрос в Институт «Остров Земля». Через несколько недель я вынула из почтового ящика нашего дома в глуши Огайо конверт, пришедший из Сан-Франциско, от тех самых людей, с которыми сотрудничал Лабудде. В конверте были в том числе его черно-белые фотографии искалеченных и мертвых дельфинов на палубе промыслового судна. Забыть такое невозможно. Материалы кампании, развернутой «Островом Земля», были призваны заклеить позором рыболовецкую индустрию, а в результате вызвали чувство вины у меня. Что бы там ни думали другие, моя совесть твердила: то, что происходит с дельфинами, – это неправильно (не говоря уже о тунце). Вина – особое чувство, его инициатор и адресат – наше собственное «я», и вызываемый ею внутренний дискомфорт заставляет что-то менять в себе. Вглядываясь в те фотографии, я впервые испытала сострадание к живым существам, которых даже не видела воочию – знала лишь по картинкам в журналах о природе. Это был первый, но не последний раз, когда я почувствовала себя виноватой в том, что ем.

Бездействовать я не могла. Мне было девять, но я уже усвоила новые ритуалы 1980-х, облегчающие муки совести потребителя. Я убедила нашу семью перестать покупать консервированного тунца, и не я одна. Фотографии истерзанных дельфинов потрясли и тронули

множество людей по всему миру и породили массовый бойкот этой продукции со стороны самых обычных покупателей. В результате крупнейшим компаниям, занятым ловлей тунца, пришлось изменить технологию лова. В своем тогдашнем интервью Энтони О'Райли, бывший гендиректор Heinz (корпорации-владельца StarKist), сказал: «Я полагаю, плох тот гендиректор, которому нет дела до мнения своих потребителей. Повальная любовь детей к дельфину Флипперу и чудовищные сцены из съемок Лабудде породили волну критики – прекрасно организованной критики, – и, думаю, это подкрепило растущую убежденность школьников в том, что с прежними методами рыбной ловли мириться нельзя».

Упомянутые школьники и их родители – эта категория потребителей избавилась от мук совести с появлением экомаркировки «Произведено без ущерба для дельфинов». Мы все вздохнули с облегчением и снова стали есть консервированного тунца. Больше 10 лет я и не вспоминала об этой проблеме и не задумывалась о том, что же это такое – экомаркировка. Задуматься меня заставило понимание того факта, что нас провели.

Логотип «Без ущерба для дельфинов», появившийся в 1990 году, был лишь одним из новоявленных рыночных инструментов спасения мира. В том же году правительство США приняло закон об органической пище (хотя первый сертификат экологически чистой продукции был выдан в калифорнийском Санта-Крузе еще в 1973 году). Международный совет по экологически рациональному использованию лесных ресурсов был создан в 1993 году, после многолетних споров о том, какие методы ведения лесного хозяйства могут считаться экологически жизнеспособными. В 1997 году начал свою деятельность Морской попечительский совет – ведущая организация, занимающаяся сертификацией экологически устойчивого рыболовства, а также была создана международная организация этичной торговли Fairtrade International. В дальнейшем появлялись все новые и новые программы и маркировки.

До начала всеобщей погони за экологическими сертификатами публичная огласка и бойкотирование были направлены на фундаментальную перестройку бизнес-деятельности компаний или целых отраслей. Такие активисты, как Цезарь Чавес, инициировавший в 1960-х забастовки сельхозрабочих и потребительский бойкот столового винограда, не удовольствовался бы появлением на упаковке с виноградной гроздью наклейки «Собрано работниками ферм, получившими за свой труд установленную минимальную зарплату». Целью тех акций было не успокоение совести малой части потребителей, а (наряду с прочим) изменение федерального законодательства в части минимального размера оплаты и безопасности труда сельскохозяйственных рабочих. Вскрытие фактов антисанитарии на производствах фасованного мяса в начале XX века также не ставило своей целью разработку этикетки, которая убедила бы равнодушных покупателей, что приобретаемая ими продукция произведена в соответствии с требованиями гигиены. Целью было повсеместное повышение санитарных норм.

Однако к 1980-м идею непосредственного воздействия на поставщика вытеснила идея изменения спроса. На первый взгляд это разумный подход, особенно в условиях экономики свободной конкуренции: с изменением спроса должно измениться и предложение. Ведь это два уравновешивающих друг друга полюса, как мне неоднократно напоминали в течение тех шести лет, что я изучала экономику. Согласно новому плану социальной вовлеченности – поддержанному даже борцами за сохранение окружающей среды, поскольку политический климат начала эпохи Рейгана отличался враждебностью к регулированию, – самым убедительным аргументом в споре с производителем считался кошелек. Эта стратегия оставляла за потребителями пресловутую «свободу выбора» (девиз экономистов-либертарианцев и гуру свободного рынка Милтона Фридмана), а стыдливым потребителям достаточно было сменить покупательские привычки, чтобы избавиться от внутреннего дискомфорта.

Итак, акцент сместился с предложения на спрос, и пристыживание корпораций – как инструмент решения социальных и экологических проблем – ушло в тень, заслоненное пристыживанием потребителей. Росла популярность сертификации, из чего следовало, что отныне ответственность лежит не столько на политическом обществе, сколько лично на покупателе. Попутно идея сертификации распрощалась со стыдом и положила в основу социальной вовлеченности чувство вины. Вину можно использовать для мотивации индивидов, и *только* индивидов – способами, не применимыми по отношению к целым отраслям или к поставщикам. Ведь корпорации – скажем, индустрия ловли тунца – не имеют совести, а значит, не способны чувствовать вину. Целью стало не реформирование той или иной отрасли целиком, а облегчение мук совести определенного сегмента потребителей.

Однако такие проблемы, как использование пестицидов, эксплуатация труда и придонный траловый лов, невозможно решить посредством индивидуального выбора. Даже если лично я ем фрукты и овощи, выращенные без применения пестицидов, пока все вокруг употребляют продукты с пестицидами, эти яды просачиваются в источники воды, которыми пользуемся мы все. Пусть я покупаю исключительно тунца, выловленного без сопутствующего истребления дельфинов, дельфины все равно в опасности, пока окружающие продолжают потреблять рыбу, добытую варварскими методами. Я могу отказаться от авиаперелетов, но, если остальные продолжают летать, выбросы углекислого газа в атмосферу по-прежнему будут расти угрожающими темпами.

Существуют проблемы, требующие коллективных действий, и разрешить их путем изменения восприятия и поведения отдельных людей едва ли возможно. Решение подобных проблем, как правило, сопряжено с масштабными, зачастую структурными, изменениями. Пусть отдельные люди, осознавая вред веществ, разрушающих озоновый слой, и чувствуя из-за этого вину, перестанут покупать соответствующие товары, – этого недостаточно, ведь таких людей меньшинство. Чтобы решить проблему озоновой дыры, необходимо прекратить производство таких товаров – по большей части или полностью.

Сколько стоит на повестке дня проблем, требующих коллективных действий, в особенности в сферах труда и охраны окружающей среды! А нас продолжают привлекать к их решению, апеллируя к личному чувству вины. Привлекать как потребителей, а не как граждан или общественных активистов. И даже не в качестве организованных групп потребителей, способных на масштабные бойкоты, а каждого в отдельности – обывателя, принимающего индивидуальные покупательские решения. Механизмы воздействия на чувство вины ограничены, хотя и могут приносить прибыль тем поставщикам товаров и услуг, которые извлекают выгоду, облегчая нам муки совести. При этом, когда вопрос достигает значимости нравственного императива, решения на уровне индивидуального выбора не достаточно. Так, противникам рабства мало было самим отказаться от владения рабами – они понимали, что необходимо всех и везде лишить возможности иметь рабов.

Наивность – моя и многих других людей – помешала нам эффективно использовать чувство вины. Когда мы, школьники, противились истреблению дельфинов, нами двигало не только стремление успокоить свою совесть – мы хотели спасти этих животных. Но логотип «Ни один дельфин не пострадал» – это еще не гарантия их спасения. (Наверняка и логотип сыграл свою роль, но скорее как толчок к изменению законодательства, а не в качестве самостоятельного рыночного механизма, и уж точно он не являлся панацеей сам по себе.) Какая-то часть пищевой промышленности перестроилась, и на этом мы успокоились. А надо было сосредоточиться на категорическом неприятии того факта, что в остальном эта сфера бизнеса не изменилась. Если бы мы не позволили усыпить свою совесть всеми этими логотипами, сертификатами и отдельными случаями прозрения ретейлеров, то не успокоились бы на этом. И продолжали бы

давить на товаропроизводителей в связи с истреблением дельфинов и множеством других проблем, причем выступая не просто как потребители, а действуя подобно Сэму Лабудде. Мы бы стыдили их.

Эта книга представляет собой исследование стыда, его истоков и его будущего. Ее задача – рассмотреть, как стыд, когда нарушитель подвергается общественному неодобрению, может быть модифицирован, чтобы служить нам по-новому. Мы изучим социальную природу стыда и вины, определим их место в системе наказаний и поймем, как они работают. Мы также попробуем разобраться, как случилось, что на стыд была возложена не свойственная ему задача – почему его пытаются превратить в лекарство от таких серьезных, требующих полномасштабных совместных усилий проблем, как бесконтрольный лов рыбы и изменение климата. Мы убедимся в неразрывной связи стыда с социальными нормами – притом что эти нормы часто меняются. Мы познакомимся с примерами, когда стыд оказывается действенной вины, и с условиями, в которых особенно отчетливо проявляются и ценность стыда, и его смысл. Наконец, мы узнаем, как повысить эффективность и полезность стыда как меры общественного воздействия в современном мире, в котором мы как никогда прежде взаимосвязаны и в то же время отчуждены друг от друга.

Что мы понимаем под словом «стыд»

Пристыдить – фактически означает выставить на всеобщее обозрение, в этом состоит сама суть стыда как воспитательной меры, а переживания человека, поступок которого предан огласке, – одна из важнейших эмоциональных составляющих стыда. Этим и обусловлена связь стыда с репутацией^[11]. И чтобы он сыграл ту роль, что мы ему отводим, необходима аудитория, хотя бы воображаемая. Стыд можно переживать и в одиночку, в глубине души, но наша книга о другом стыде. Мы будем говорить не о той неловкости и внутреннем дискомфорте, которые испытываешь (и еще как!), когда отец семейства приобретает для гостиной надувной диван, а о стыде, который охватит домашних, если эту покупку увидят знакомые. Предметом рассмотрения этой книги является стыд, вызванный тем, что «прегрешение» оказывается у всех на виду. Более того, меня интересовал не столько стыд как личное переживание, сколько ситуация, когда позору подвергают публично.

Стыд порождает стресс и чувство социальной изоляции. Стыд может ранить так сильно, что отзывается реальной, физической болью в сердце^[12]. Но он может и заставить нарушителя исправиться. Половина из 915 взрослых американцев, участвовавших в исследовании 2009 года, вспомнили по крайней мере один визит к врачу, во время которого прониклись чувством стыда – главным образом, из-за курения или лишнего веса. Почти половина из этого числа впредь уклонялись от посещения врача или лгали во время приема, чтобы избежать стыда. Однако остальные были признательны врачу, а примерно треть, по их словам, даже стали избавляться от вредных привычек^[13].

Иным людям не стыдно даже за самые отвратительные преступления. (В 2011 году в Огайо был казнен Реджинальд Брукс, который 29 годами ранее убил троих своих спящих сыновей. Перед исполнением приговора он средними пальцами обеих прикрученных к каталке рук показал «Да пошла ты!..» бывшей жене, матери своих жертв, наблюдавшей за казнью через стеклянную стену.) Встречается и другая крайность, когда невыносимый груз стыда, даже по незначительным поводам, буквально калечит человека. (Писатель Джонатан Франзен считал, что именно стыд, который он испытывал из-за своего первого брака, сексуальной неопытности и незрелости личности, стал причиной 10-летнего творческого застоя. Он признавался, что после каждой мало-мальски автобиографической фразы ему «хотелось принять душ».)^[14] В наиболее действенных своих проявлениях стыд нормализует поведение человека и снижает риск более сурового наказания, напоминая: или ты ведешь себя как должно, или придется расплачиваться. Угроза позора часто порождает страх того, что тебе будет стыдно.

Чем стыд отличается от вины

В отличие от стыда, побуждающего соответствовать общественным нормам, чувство вины удерживает человека в рамках его собственных, индивидуальных норм. В культурах, основанных на индивидуализме, вина превалирует над стыдом, ведь именно способность испытывать стыд заставляет считаться с тем, что думают о тебе другие. Вину именуют краеугольным камнем совести. Ей достаточно единственного оружия – неумолчного внутреннего голоса, который изводит нас, без конца напоминая, как ужасно себя чувствуешь, совершив насилие, кражу или неблаговидный поступок.

Антропологи Рут Бенедикт и Маргарет Мид первыми проследили различие между культурами вины и стыда и заявили, что большинство западных стран исповедуют культуру вины, тогда как в государствах Востока главенствует стыд. В 1946 году вышла книга Бенедикт «Хризантема и меч»^[1] – исследование культуры Японии, в которой автор лично не бывала (помешала война). Бенедикт доказывала, что для японцев стыд является главным инструментом общественного контроля. Позднее к категории стран, где развита культура стыда, был отнесен и Китай, в частности в силу огромного значения максимы «не потерять лицо».

Мы же, люди Запада, убежденно объявляем себя свободными от обременительных рамок стыда. Это утверждение можно хотя бы отчасти считать справедливым, и одна из причин тому – наше восприятие себя. Западная цивилизация индивидуалистична, люди в ней видят себя независимыми и автономными и руководствуются в своих действиях внутренним нравственным компасом, в отличие от восточных людей, воспринимающих себя скорее через призму отношений с другими. В большинстве западных культур отсутствует и жесткая иерархия, по всей видимости характерная для человека в доисторический период и в значительной мере сохраняющаяся в ряде культур Востока, на что указывали такие антропологи, как Бенедикт и Дэн Фесслер. (Не приходится также удивляться тому, что на Западе стыд часто считается уделом бедных, признаком низкого уровня социальной иерархии.) Кроме того, западный взгляд на мир отличается толерантностью – допустимым считается очень широкий спектр поведенческих схем, что мешает договориться, какое поведение следует считать постыдным. Многие западные страны еще и упразднили позорные наказания, в первую очередь те, что были узаконены государством. Очевидно, любой предпочтет жить без страха примерить дурацкий колпак, отведать плетей или быть клейменным раскаленным железом. Возникает соблазн считать стыд таким же атавизмом, как зубы мудрости или пуританство – пережиток трудных времен, более человечеству не нужный.

Однако, как напоминает нам писатель Салман Рушди: «Стыд, мой дорогой читатель, не исключительная принадлежность Востока». Во время визита в США после череды скандалов из-за преступлений сексуального характера в лоне католической церкви папа Бенедикт XVI признался, что испытывает «глубочайший стыд». Провернувший крупнейшую в истории Уолл-стрит аферу Бернард Мейдофф, выступая перед судом, который позднее приговорил его к 150-летнему тюремному заключению, сказал, что «глубоко сожалеет и сгорает от стыда». Рэппер Канье Уэст также сообщал, что «стыдится» своей выходки на церемонии MTV Video Music Awards, когда он отобрал микрофон у Тейлор Свифт, победительницы в номинации «Лучшее женское видео», и объявил, что Бейонсе (выпустившая в том году хит «Single Ladies») записала одно из лучших видео всех времен и народов. Чувствовали ли вину эти культовые фигуры Запада? Трудно сказать. Испытывали стыд? Тоже нельзя судить наверняка, не зная степени их стрессового состояния. Ясно одно: по крайней мере они хотели, чтобы мы так о них думали.

Когда стыд и вина превращаются в наказание

Чувство стыда – его следует отличать от чувства, когда тебя мучает совесть, – является наказанием и как любое наказание используется в качестве средства принуждения к соблюдению общественных норм. Человечество знает наказания, предполагающие лишение преступника жизни, свободы, физической неприкосновенности, ресурсов или репутации (либо те или иные их сочетания), и, когда человека стыдят, мишенью становится именно репутация. Лишение провинившегося чего бы то ни было может носить активный характер – таковы, например, лишение жизни через смертную казнь, тюремное заключение, пытки, штрафные санкции или пикетирование – либо принимать пассивную форму отторжения, поражения в правах, как в случае остракизма или бойкота. (В ходе исследования, проведенного в США, две трети из 2000 респондентов признались, что бойкотировали кого-то из ближнего окружения, а треть сами становились жертвами бойкота.)

Человечество с большой изобретательностью выдумывает наказания, не предполагающие прямого насилия. К примеру, Чарльз Диккенс описывал южноамериканские племена, где «длинные волосы столь высоко ценились как признак красоты, что лишение их считалось ужаснейшей карой». К этой категории относится и одиночное заключение, которое в Америке может длиться несколько десятилетий. Когда мы с братом затевали драку, мама наказывала нас, и пальцем не тронув: просто заставляла 20 минут сидеть в обнимку на лестнице. Наказание стыдом может носить как насильственный, так и – ныне преобладающий – ненасильственный характер. Напомню, что наказывать стыдом в нашем понимании означает выставить на позор – на всеобщее обозрение – или угрожать этим виновной стороне. Это можно проделать и без нанесения физического ущерба, из чего вовсе не следует, что такое наказание не причиняет страданий.

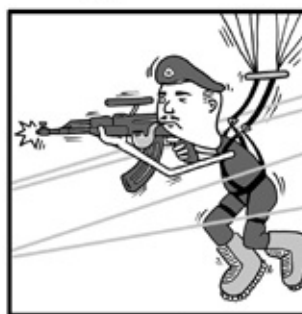
СХЕМА НАКАЗАНИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

влечет за собой

КАКОЕ ОНО?

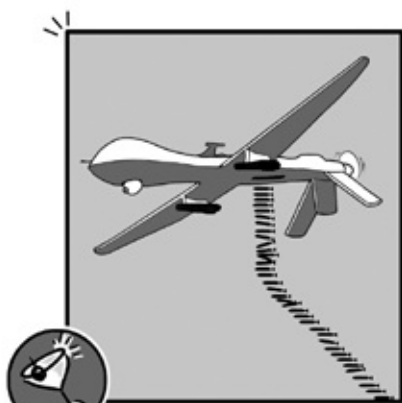

активное

пассивное

БУДЕТ ЛИ ОНО:

дорогостоящим

незатратным

Наказание может налагаться человеком или группой людей, ставших жертвами нарушителя, либо третьей стороной или даже самим провинившимся (средством самонаказания становится вина). Как правило, наложение наказания сопряжено с издержками для карающей стороны, поскольку требует затрат энергии, да и определенный риск ответных мер исключить нельзя. Чем более опасным или рискованным является наказание, тем больших издержек оно требует. Уже в глубоком прошлом люди осознали, что в очень многих случаях вместо физического, зачастую насильственного, отторжения от социальной группы достаточно подвергнуть виновного общественному порицанию. Стыд как мера социальной защиты позволяет наказать его без лишних трат, одним только разрушительным влиянием публичного позора на репутацию:

например, если члены группы решат отказаться от дальнейшего сотрудничества с наказуемым. Наказание стыдом и остракизм тесно связаны, но пристыдить «дешевле», чем подвергнуть остракизму. И в отличие от информационной открытости, прозрачности, которая выводит на чистую воду всех, воздействие стыдом оказывает влияние лишь на какую-то часть людей.

Когда и как возникло наказание стыдом? Первые гоминиды, как многие другие социальные животные, были способны контролировать взаимодействие и разногласия между членами группы лишь путем непосредственного наблюдения. По мере того как группы разрастались, а древние люди осваивали кооперацию, совершенствовалась способность человеческого мозга следить за тем, чтобы каждый человек соблюдал все правила. Согласно гипотезе взаимной чистки, выдвинутой антропологом Робинот Данбаром, мы научились разговаривать вследствие необходимости поддерживать социальные связи, которых становилось все больше, и приглядывать друг за другом. Благодаря языку нашим предкам уже не приходилось непосредственно наблюдать за поведением каждой особи, чтобы узнать, как она себя ведет. Умение говорить позволило людям манипулировать социальным статусом друг друга с помощью слухов, что послужило толчком к дальнейшему развитию системы репутации и стыда. (Вероятно, это не уникальное отличие человеческого вида. По мнению некоторых ученых, воробьиные попугайчики, например, опознают каждого члена стаи по крику и могут добавлять к нему сигнал, выражающий одобрение или неодобрение^[5].) Из этого также следует, что группа, обеспокоенная поведением недобросовестного члена, становилась все больше, ведь теперь антисоциальное поведение не обязательно было наблюдать воочию, достаточно было услышать о нем из чужих уст. Правонарушителя стало возможно опозорить перед другими даже в его отсутствие.

Слухи и неодобрительные отзывы как разновидность наказания стыдом можно считать одним из первых рубежей защиты социума от нарушения общественных норм, и на заре истории человечества они играли столь же важную роль, что и сейчас. По данным антропологов, общение людей на две трети состоит из обсуждения других. Полли Вайсснер пришла к такому выводу по результатам исследования бушменского племени кунг из Ботсваны^[6], а Робин Данбар с коллегами вывели ту же самую пропорцию из наблюдения за посетителями кафетерия британского университета^[7]. Вайсснер отнесла к категории хвалебных отзывов лишь 10 % услышанных ею в разговорах фраз, а остальные 90 % содержали критику, в значительной части в форме выщучивания, сарказма или изображения с помощью пантомимы. Нарушитель или кто-то из его близких родственников (но почти всегда он сам) нередко находился в пределах слышимости, а значит, критика высказывалась в расчете на то, что стыд заставит его одуматься. При обсуждении в негативном ключе часто предполагается, что отзыв дойдет до нарушителя прямо или опосредованно, когда он поймет, что окружающие не хотят иметь с ним дело.

Устная речь стала лишь первым средством распространения слухов. На следующий уровень коммуникация вышла с возникновением письменности. С момента ее появления коммуникационные технологии обогатились, как указывает исследователь Интернета Клэй Ширки, следующими пятью эпохальными достижениями: печатный станок, телеграф и телефон, звукозаписывающая аппаратура, широкоэвещательные СМИ и цифровые технологии, в том числе Интернет. Вместе со средствами коммуникации всякий раз обновлялось и наказание стыдом. Если все начиналось с пересудов между людьми, физически находившимися в одном месте, то теперь обсуждения имеют всемирный охват, разлетаясь по печатным и цифровым СМИ, телефонным сетям, телеэфиру и виртуальному пространству.

С появлением цифровых технологий распространение слухов и обеспечение охвата резко подешевели, а масштаб и скорость передачи возросли. (Незачем обзванивать всех знакомых – один твит, и тысячи людей проинформированы.) Есть даже мнение, что совокупное воздействие

цифровых технологий способно перестроить культуру в той же мере, что и появление речи. Неудивительно, что слухи приобрели небывалую публичность, тем более что это оружие уже не является прерогативой лидеров общественного мнения и государства, а все более переходит в руки рядовых граждан. А значит, всем нам нужно осознать, какие громадные возможности имеет стыд как средство наказания и какую ответственность это налагает.

Вспомните, какой вал критики обрушился через социальные сети на Susan G. Komen for the Cure! В 2012 году эта организация, повсеместно известная своим символом – розовой ленточкой – и неутомимой борьбой против рака груди, объявила об отказе выделить \$650 000 фонду планирования семьи Planned Parenthood на программы выявления этого заболевания и распространения информации о нем. (Planned Parenthood имеет право проводить аборты, и, по мнению многих, отказ Komen от финансирования носил характер политического заявления.) В течение трех последующих дней проект «За качество в журналистике» (Pew Project for Excellence in Journalism) отследил в «Твиттере» 253 465 откликов на это решение: 17 % положительных, 19 % нейтральных и 64 % осуждающих. Через три дня после объявления Komen об отзыве финансирования в *New York Times* и *Washington Post* вышли статьи на эту тему, и количество твитов подскочило до 215 383 за день (по пять сообщений каждые две секунды), причем большинство из них также были негативными. К концу того же дня фонд пересмотрел свое решение. В течение двух последующих дней 64 % твитов на тему Komen по-прежнему были неодобрительными, но количество сообщений снизилось на 85 %. Даже онлайн-обсуждения по преимуществу носят критический характер и являются мягким способом пристыдить отступников, чтобы таким образом удерживать людей в рамках, приемлемых для данной группы (независимо от того, что это за группа).

Поднявшаяся в соцсетях шумиха вынудила фонд Komen продолжить финансирование Planned Parenthood, но это далеко не единственный пример влиятельности слухов. Как сообщалось в статье «Весенние каникулы становятся скучными, поскольку весь мир следит за вами онлайн», вышедшей в *New York Times* в 2012 году, нынешних студентов тревожит, что их художества могут быть засняты и выложены в Интернет. Многие ученые сходятся на том, что повсеместное распространение соцсетей сопровождается уменьшением числа случайных связей во время заграничной практики (студентам не хочется, чтобы дорогие им люди обнаружили в Сети изобличающие фотографии и поняли, что ими не так уж дорожат). Однако воздействие стыдом через Интернет обесценивает это сильное средство, разменивая его на мелочи. Есть и другие проблемы: несоразмерность наказания проступку, переход на личности (перенос фокуса критики с проступка на личность того, кто его совершил) и ущемление человеческого достоинства.

Как действует стыд

В 2010 году мы с тремя коллегами – специалистами по математической биологии Кристофом Хауэртом и Арне Траулсеном и биологом-эволюционистом Манфредом Милински – решили установить, способствует ли сотрудничеству угроза стыда или возможность признания. Студенты Университета Британской Колумбии группами по шесть человек приняли участие в игровом эксперименте, призванном оценить противоборство групповых и частных интересов. Каждый участник в начале игры получал \$12 и во время каждого из 12 раундов имел возможность внести в общий котел доллар или воздержаться от пожертвования. Затем общий фонд удваивался и поровну распределялся между всеми шестью участниками, даже теми, кто не пожертвовал ничего. При этом возникала хорошо знакомая студентам проблема, связанная с выполнением групповых проектов: возникает соблазн «выехать», не напрягаясь, за чужой счет, но, если никто не будет работать, все получают плохую оценку. В нашем эксперименте вклад в общее благо был выгоден для каждого, но никто не был обязан делать его.

Как правило, в экспериментах такого рода сначала пожертвования совершаются охотно, но с каждым кругом их становится меньше. И чаще всего каждый из игроков выходит из игры с меньшей суммой, чем имел бы при условии всеобщего участия. (В нашем эксперименте каждый игрок мог бы получить \$24, но из 60 участников лишь одному удалось «заработать» больше этой суммы, а из оставшихся 59 человек все получили меньше.) У экспериментов этого типа есть ограничения: студенты играют не на свои деньги (собственными они распоряжались бы иначе), причем это не та сумма (в нашем случае \$12), которой будешь особенно дорожить, а все участники – студенты – имеют одинаковый социокультурный уровень. Однако это позволяет руководителям эксперимента плотно контролировать его ход и гарантирует, что все испытуемые руководствуются единообразным опытом. Поэтому можно целиком сосредоточиться на изучаемых переменных (в нашем случае – на одобрении и стыде).

Наши участники могли наблюдать за поступлением пожертвований на экране, где они значились под псевдонимами, оставаясь анонимными друг для друга и для нас. Мы опробовали три разных принципа воздействия: стыд, одобрение и нейтральное отношение (контрольная группа). При тестировании действенности стыда мы сказали студентам, что после 10 раундов двое самых прижимистых должны будут выйти к доске и при всех написать свои подлинные имена под словами «Я пожертвовал меньше всех». При тестировании признания выйти перед группой предлагалось двоим самым щедрым – они должны были написать свои имена под словами «Я пожертвовал больше всех». И то и другое условие сообщалось участникам до начала игры, и любой студент, не желавший оказаться самым скупым или самым щедрым, мог этого избежать. Все шестеро игроков каждой группы учились вместе, а поскольку эксперимент проводился в начале учебного года, последствия для репутации обещали сказываться на протяжении всего семестра. Все игроки контрольной группы, в том числе самые жадные и самые щедрые, на протяжении всей игры оставались анонимами. (На мой взгляд, в контрольной группе тестировалось воздействие вины, поскольку ее участники принимали решения, исходя из своего внутреннего суждения, а не возможных репутационных издержек и мнения группы.)

После эксперимента мы спросили участников, чем они руководствовались, принимая решение сделать пожертвование в очередном раунде или воздержаться. Среди ответов были такие: «Я старался вносить необходимый минимум, чтобы не прослыть худшим», «Мне не хотелось оказаться среди самых жадных игроков, так что моей единственной задачей было не попасть в последнюю пару, а в остальном я старался заработать по максимуму»,

«Все изменилось к пятому-шестому раунду: я стала обращать внимание на то, кто сколько жертвует, чтобы не оказаться среди двоих худших». (То, что не все подходы оказались разумными, не удивит никого, кто представляет себе, как происходят продажи через телемагазин. Были и такие ответы: «Я бросал монетку, и, если выпадал орел, вносил деньги, а если решка, тогда нет». А кое-кто жертвовал «только в четных раундах, а еще в седьмом, потому что это мое счастливое число».)

В других экспериментах было установлено, что прозрачность – когда все участники действуют друг у друга на виду – стимулирует кооперацию. Однако у нас прозрачными были действия лишь меньшей части испытуемых. Тем не менее, судя по нашим результатам, большинство участников оказались чувствительны к угрозе стыда и старались избежать ее, жертвуя больше. В среднем и стыд, и признание на 50 % увеличивали готовность к кооперации в сравнении с контрольной группой, все участники которой сохраняли анонимность. Люди были готовы заплатить, чтобы избежать стыда, а равно чтобы завоевать признание^[8].

Но если прозрачность и признание не менее действенны, зачем писать целую книгу о стыде? Обеспечение прозрачности – более демократичная мера, однако из последней главы вы узнаете, что по ряду причин приемы воздействия стыдом могут быть и милосерднее, и эффективнее. Признание, в принципе, не болезненно и имеет меньше щекотливых аспектов, и в нашем эксперименте, когда пожертвования на общее благо носили добровольный характер, это была разумная стратегия стимулирования кооперации. Но необязательный характер деяния как раз и является слабым местом признания как меры воздействия. К признанию стремятся не все, а вот избежать уколов стыда, потери лица желает большинство из нас. Кроме того, больше всего проблем любому коллективу создают именно люди, наименее склонные к коллективизму.

Возьмем, к примеру, налоги. Всеобщее социальное обеспечение, финансируемое за счет системы налогообложения, является благом для всех и каждого, и большинство американцев платят налоги. Представьте только, что всех добросовестных плательщиков стали бы заносить в особый список, чтобы выразить им признание, – это же абсурд! Мы просто исходим из того, что налоги платит каждый. Но малый процент очень богатых людей предпочитают этого не делать. Они-то – те, за кем числятся самые крупные недоимки, – и требуют общественного внимания. Нежелание вносить свой вклад в общее дело порождает дилемму, описанную на сайте штата Калифорния: «Когда налогоплательщики не платят то, что причитается, бремя добросовестных граждан несправедливо увеличивается. Решение проблемы с собираемостью налогов послужит во благо всем калифорнийцам». Недополученные налоги исчисляются суммой около \$10 млрд – минус \$10 млрд на такие социальные программы штата, как школьное образование, дорожное строительство и медицинское обслуживание. Жертвами налоговых злоупотреблений становятся все калифорнийцы. При этом у федерального правительства имеется система официальных наказаний, вплоть до тюрьмы, для борьбы с уклонистами, но на уровне штата такие возможности фактически отсутствуют.

С 2007 года штат Калифорния ежегодно выкладывает в Интернет список 500 крупнейших неплательщиков – физических и юридических лиц, задолжавших за минувший год более \$100 000. Обратите внимание, что в силу этого ограничения – и, возможно, вопреки нашей интуиции – такая воспитательная мера оказывается более щадящей, чем обеспечение прозрачности. Решая проблему неуплаты налогов с помощью прозрачности, пришлось бы опозорить всех должников без исключения, даже если бы речь шла о самых скромных суммах. Делая ставку на стыд (когда на позор выставляются только циничные уклонисты), внимание общественности привлекают именно к тем, кто в первую очередь повинен в недостаточной собираемости налогов, оберегая доброе имя бедняков. Обнародование списка происходит

дважды в год, и всякий раз его участники заранее получают письмо с напоминанием – возможно, боязнь позора заставит кого-нибудь расплатиться с долгами. Уплатив недоимки, они не попадут в список. На сегодняшний день штату Калифорния удалось таким образом добрать в бюджет свыше \$336 млн – сумму, в сравнении с которой ежегодные затраты на реализацию программы в размере \$131 000 просто меркнут. Поэтому больше двух десятков штатов также запустили на своих официальных сайтах аналогичные программы.

Стимулом для закрытия долгов перед обществом в данном случае выступает не стремление к признанию и не вина, а боязнь стыда. Стыд действительно заставляет считаться с общественными интересами и соблюдать социальные нормы, из чего, однако, не следует, будто людей нужно по любому поводу выставлять на суд общественности. В конце концов, и подкуп по-своему эффективное средство добиться от человека желаемого, но мы же это не приветствуем! Страх стыда часто оказывается более действенным, чем стыд как таковой. Это такое же сильнодействующее средство, как антибиотики, и пользоваться им нужно осмотрительно. Если же злоупотреблять им, как многие злоупотребляют лекарствами, все мы в итоге окажемся его жертвами.

Очевидно, что не любой стыд идет во благо. Каждый из нас согласится, что красть нехорошо, но мы бы не одобрили возврата к таким воспитательным мерам, как вываливание в смоле и перьях или стояние уличенного в краже капусты у позорного столба с кочаном на голове. Столь же неприемлемой была идея Уильяма Бакли, предложившего в 1980-х годах в качестве меры борьбы с распространением СПИДа в обязательном порядке делать всем носителям вируса стандартную татуировку на предплечье и ягодицы. Даже в наши дни находятся судьи, обязывающие преступников носить футболки с описанием их преступления, что у многих вызывает возмущение. Помимо стыда, такого рода наказания сопряжены с унижением, поскольку не ограничиваются выставлением правонарушителя на всеобщее обозрение, а предполагают нечто вроде клеймения. По мнению ученых, наказание стыдом, принимающее подобную форму, лишает того, кто ему подвергается, человеческого достоинства.

Идеальный способ избежать стыда – не попадать в ситуации, в связи с которыми придется его испытывать. Но иногда соответствовать требованиям группы неоправданно трудно или же слишком поздно. Бывает, человек попросту не желает или не может стать таким, как все. Реакция на общественное осуждение непредсказуема и изменчива, и это обязательно нужно учитывать. Да и не каждого страх стыда удержит в рамках – бывают и бесстыжие люди. Впрочем, для того и существуют формы наказания, не ограничивающиеся репутационными издержками. Если бы стыд был идеальным регулятором поведения, человечество не знало бы длинной истории остракизма, физических наказаний, лишения свободы и даже (в некоторых странах) смертной казни. (Впрочем, на уровне штата ни одно из этих наказаний не применимо к неплательщикам налогов.)

Около 1800 года, когда уже вовсю шла промышленная революция, человечество обрело новое качество – оно стало силой, способной менять мир. Началась новая эра, названная антропоценом, характеризующаяся множеством тревожных признаков. Большинство из них на графике напоминают Эверест, рассеченный надвое по вертикали: рост населения, утрата биологического разнообразия, выбросы углекислого газа в атмосферу, нерациональное пользование водой, количество ресторанов сети McDonald's – все эти показатели демонстрируют резкий рост. Во многих случаях, например в отношении изменения климата, мы уже перешагнули все мыслимые пределы и рискуем вызвать катастрофу.

Мечты середины прошлого века о том, что человечество заселит океанские глубины и космическое пространство, оказались иллюзорными. По прогнозам, к 2050 году на Земле будут жить 10 млрд человек. И вопреки ожиданиям, ни один из нас не обитает на дне морском или в космосе. Мы, единственные ныне живущие представители рода Homo, справедливо считаем себя уникальными, но порой грешим завышенной самооценкой. Действительно, наш вид отличается от всех прочих: мы обладаем очень развитой речью, способны к совместным действиям с себе подобными, не являющимися нашими соплеменниками, и сумели колонизировать или в той или иной мере подчинить своему влиянию всю планету. Возможно, мы еще и единственные существа на Земле, осознающие собственную смертность. И мы единственный вид, от которого зависит судьба всех остальных биологических видов на планете.

Новая эра требует новых правил человеческого существования, в разработке и принятии которых нам может очень пригодиться стыд. Мы уже перешли от грубых форм наказания стыдом к более тонким и менее агрессивным. Есть проблемы, во взглядах на которые человечество едино, – это и разрушение озонового слоя, и риск ядерного армагеддона, и распространение инфекционных заболеваний. В таких случаях одна ложка дегтя отравит даже не бочку меда, а жизнь всех и каждого. Применительно к ним стыд может оказаться наиболее приемлемой мерой социального воздействия, поскольку жертвой становится общество в целом, да и альтернатив наказанию стыдом почти нет.

Стыд – это не только чувство. Это еще и инструмент – тонкий, а порой и устрашающий, – которым мы можем воспользоваться для решения серьезных проблем. Наказание стыдом – это ненасильственная форма общественного сопротивления, доступная каждому, причем, в отличие от вины, с его помощью можно влиять на поведение целых групп – стыд применим на разных уровнях. Но обязательным условием является внимание аудитории, а внимание – это палка о двух концах. Так что стыдом, чтобы эффект был максимальным, нужно пользоваться с умом, а что значит «с умом» – как раз и объясняется в этой книге.

Разумная мера стыда неизменно способствует процветанию человеческого вида и помогает так организовать общественную жизнь, чтобы в ней было меньше боли и больше достоинства. Стыд напоминает нам, что все мы в одной лодке. Давайте разумно распоряжаться этим инструментом, и тогда, присматривая друг за другом, что некогда обеспечило нам эволюционный успех, мы уберемся от того, чтобы стереть с полотна жизни другие виды, а в конечном счете – и собственный. Но, по понятным причинам, стыд имеет противоречивую репутацию, и нам важно разобраться почему.

Глава 2

Власть стыда

Разумная доза стыда никого не убьет. Цивилизацию создал именно стыд – крайне недооцененное чувство.

Барак Обама (вспоминая слова матери). Мечты моего отца (1995)

Эдвард Клоберг III родился в Нью-Йорке в 1942 году, когда на улицах в потоке машин еще попадались запряженные лошадьми повозки. Он вылетел за неуспеваемость из Принстона, впоследствии окончил маленький колледж в Нью-Джерси и завершил высшее образование по курсу истории в Американском университете в Вашингтоне, округ Колумбия. Там же он позже нашел не особенно интересную работу в сфере привлечения инвестиций. Но, подобно многим другим американцам, Клоберг был убежден, что заслуживает более завидного поприща. Когда к твоему имени добавляют «третий», это, возможно, звучит впечатляюще, но на самом деле ничего впечатляющего в том, чтобы быть третьим, нет.

В 20 с небольшим он стал называть себя Эдвардом ван Клобергом. А впоследствии заменил датское «ван» на немецкое «фон» и объявил себя бароном. В 40 лет самопровозглашенный барон Эдвард фон Клоберг III открыл фирму по связям с общественностью, среди клиентов которой через 10 лет числились настолько неоднозначные личности, что журнал *Spy* объявил его «самым бессовестным лоббистом в Вашингтоне».

Девизом фон Клоберга было: «Стыд – удел слабаков». А слабаком фон Клоберг не был. Он представлял интересы Саддама Хусейна, заирского диктатора Мобуту Сесе Секо и правителей Мьянмы. Он защищал Ассоциацию производителей одежды Гондураса от обвинений в сексуальном насилии и эксплуатации детского труда, хотя не сомневался в справедливости обвинений. Почему бы фирме по связям с общественностью не работать с подобными клиентами, раз за такие дела берутся адвокаты! Но, если стыд – удел слабаков, возникает вопрос: почему так много сильных мира сего прибегали к услугам фон Клоберга?

Пускай в эволюции человека стыд сыграл свою роль, но, глядя на таких людей, как фон Клоберг, поневоле спрашиваешь себя: сохранил ли он свое значение в наши дни? Психологи Джун Тэнгни и Ронда Диригг объявляют стыд «примитивной эмоцией, в отдаленном прошлом служившей адаптивной функцией нашим дальним предкам, жившим гораздо более примитивными сообществами, что требовало весьма тривиальных мыслительных процессов»^[9]. Так неужели стыд – всего лишь атавизм?

Пришествие вины

Ряд антропологов, ставших родоначальниками изучения стыда, в том числе Рут Бенедикт, считали его более значимым в коллективистских культурах, например в Японии, а также в Китае, Бразилии, Греции, Иране, России и Южной Корее, и менее важным для основанных на индивидуализме культур Запада, где на смену стыду пришла вина как механизм самонаказания. Антрополог Дэн Фесслер провел эксперимент, желая выяснить, действительно ли на Западе стыд не играет большой роли^{10}. В эксперименте участвовали фокусные группы носителей коллективистского сознания из индонезийского племени бенкулу (80 человек) и типичных индивидуалистов из Южной Калифорнии (75 человек). Обеим группам было предложено составить список из 52 самых обсуждаемых чувств и ранжировать их по встречаемости в родной культуре. В списке индонезийцев «стыд» стоял на второй позиции, а у калифорнийцев не только не попал в первую десятку, а оказался 49-м – между «огорчением» и «презрением». Еще одно любопытное отличие: в первую десятку индонезийского рейтинга попал «страх», а калифорнийского – «скука» и «разочарование» (возможно, все дело в лос-анджелесских дорожных заторах?). Что же касается вины, то калифорнийцы отвели ей 32-е место – между «обидой» и «отвращением», тогда как в индонезийском списке из 50 позиций не оказалось ничего, что можно было бы перевести как «вину». Как во многих других азиатских культурах, в их языке вообще не было такого слова.

По большому счету вина считается западным «изобретением». Это чувство чаще наблюдается у западных людей, причем в наше время стало более распространенным, чем в прошлом. В тексте Ветхого Завета слово «вина» отсутствует. У Шекспира оно встречается только 33 раза, тогда как слово «стыд» – 344 раза^{11}. Мы даже не знаем, как вина проявляется внешне. В ходе исследования с участием студентов-дипломников из штата Висконсин, которым показывали фотографии людей, испытывающих разные чувства, вина оставалась неузнанной, в отличие от злости, отвращения, страха и даже стыда.

Тем не менее западные люди утверждают, что часто испытывают вину: по данным нидерландского исследования, в общей сложности почти по два часа в день^{12}. Почему же она стала играть такую важную роль? Возможно, ее значимость возростала по мере того, как мы обретали больше возможностей для отделения от группы, ведь, как утверждается, вина – чувство, переживаемое в одиночестве, без свидетелей. Трудно испытывать интимное переживание, если уединение недоступно. Для сравнения: среднее время одиночества человека из амазонского племени яномами равняется нулю, а в США на сегодняшний день 28 % домохозяйств состоят лишь из одного человека. Херант Качадурьян, почетный профессор психиатрии и биологии человека, полагает, что вина (в его представлении – более осознанная форма стыда) появилась у человечества одновременно с обретением способности к созданию символических объектов, таких как наскальная живопись (древнейшие образчики которой возникли 40 000 лет назад). Наличие такой способности свидетельствует о существовании абстрактного мышления и зачатков новых систем верований^{13}.

Помимо возможности уединения и умения создавать символические объекты укоренению вины в спектре эмоций западного человека способствовало христианство, а в дальнейшем – и философия индивидуализма. В конце XVIII – начале XIX века идея индивидуализма выдвинулась на передний план благодаря таким явлениям, как романтическая литература, придававшая особое значение саморазвитию и самовыражению, американская и французская революции и представление об индивидуе как субъекте политических изменений. Индивидуализм утвердился в качестве принципиальной позиции и политической философии –

особенно в Америке, которая регулярно удостоивается звания самой индивидуалистичной страны мира. «Верь себе! Нет сердца, которое не откликнулось бы на зов этой струны», – написал житель Бостона Ральф Уолдо Эмерсон в эссе 1841 года «Доверие к себе». Но вот один из многих парадоксов американской культуры: несмотря на призывы верить в индивида, она одержима идеей величия – а что есть величие как не оценка, даваемая другими, и статус, определяемый относительно других?

Нынешняя американская культура опирается еще и на идею корпорации – структуры, управляемой преимущественно задачами прибыли и роста. Как это далеко от понятия индивидуального и стремления полагаться только на себя! Аксиома либертарианства – об ограниченной роли государства – опирается на истовую веру в индивида. Тем не менее виднейшие носители либертарианской идеологии – элита Кремниевой долины и высокотехнологичной индустрии в целом – кровно зависят от крупных компаний, технологий и инвестиций, прибыльность которых неотделима от их общественного характера.

Все дело в том, что идея индивидуального, будь оно реальным или иллюзорным, вытесняет идею стыда, который является по своей сути социальным феноменом и в нашей культуре самодостаточности может казаться анахронизмом. Сверхиндивидуалистичное, помешанное на приватности общество вынуждено рассчитывать на вину как на основной инструмент общественного контроля.

Другая, более практическая причина возвышения вины заключается в возможности сделать наказание менее затратным. Если индивид наказывает сам себя с помощью вины, социальной группе или государству этим заниматься не приходится. Вина – самая дешевая мера принуждения. Когда социальная норма глубоко усвоена, личность самостоятельно следит за ее соблюдением. Как говорит об этом биолог-эволюционист Роберт Трайверс: «Такая эмоция, как вина, выработалась у людей отчасти для того, чтобы побудить отступника расплатиться за свой проступок и в будущем вести себя адекватно, что препятствует разрыву отношений, основанных на взаимности»^{14}.

Это ведет нас к другой, более спорной причине господства вины. Существует мнение, что наказание виной не просто менее затратно – оно нравственней. В отличие от стыда, главной мишенью вины становится не личность человека, а его поступок. По крайней мере с XVIII века философы утверждают, что вина – полезное переживание, побуждающее нас брать на себя ответственность за свои проступки, деятельно раскаиваться и восстанавливать порушенные отношения, тогда как, испытывая стыд, мы хотим лишь одного – спрятаться, исчезнуть с глаз долой. Утверждается также, что вина переносится легче, чем стыд, да и вообще это более совершенное чувство, хотя очевидно, что человек может испытывать из-за вины подлинные муки.

Как государство помогло нам проститься со стыдом

Когда церковь и государство превратились в повсеместно распространенные могущественные системы, группы людей делегировали этим властным институтам определенные права: например, право физического наказания. До изобретения тюрем многие наказания, в том числе самые ужасные, носили публичный характер. Такие изуверские казни, как четвертование, при котором человека приковывали к четырем лошадям и отрывали конечности, проводились при массовом стечении народа. По крайней мере с XII века применялось клеймение преступников, не меньшие увечья приносило вырывание ушей или ноздрей. Слово «стигмат», означающее «клеймо», «отметина», появилось в Древней Греции для обозначения символа, выжигаемого или вырезаемого на теле человека в знак того, что он является рабом, разбойником или изменником. По словам специалиста по денежному обращению антрополога Густава Пиблза, клеймо на должнике было древнейшей формой рейтинга надежности. Непременной принадлежностью городской площади служили позорный столб, позорный стул и колодки. Нечистого на руку пекаря могли выставить на поругание с тестом на голове.

Затем многие принятые на Западе наказания отмерли. Философ Мишель Фуко описал роль государства в исчезновении постыдных наказаний в книге «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы»^[2] (1975). С позорными столбами было покончено во Франции в 1789 году, в Англии – в 1837-м. В XIX веке во Франции и в Англии было запрещено клеймение, а во Франции еще и публичная демонстрация заключенных. Нью-Йорк стал первым штатом, запретившим публичную казнь через повешение в 1835 году, и другие штаты последовали его примеру^[15]. Благодаря тюрьмам наказание стало более приватным делом.

Несмотря на повсеместное распространение приговоров к тюремному заключению, которое само по себе сопряжено со стыдом, и отказ от позорных наказаний, государство продолжает использовать стыд, но в более мягких формах. В некоторых штатах судьи приговаривают воров к публичному ношению табличек, сообщающих об их преступлении. В ноябре 2012 года жительница Огайо, выехавшая на тротуар, чтобы обойти полный детей школьный автобус, была вынуждена простоять два часа на улице с плакатом следующего содержания: «Только идиот будет ехать по тротуару, чтобы обогнать школьный автобус». В Китае принято публично водить уголовников с вывешенными на них описаниями их преступлений.

Существует много убедительных доводов против того, чтобы государство использовало стыд для воздействия на преступников. Марта Нуссбаум, специалист по политической философии, является одним из самых непримиримых противников наказаний стыдом. Она убеждена, что главное предназначение государства – оберегать человеческое достоинство и постыдные наказания идут вразрез с этой миссией. Можно возразить, что преступник сам посягнул на человеческое достоинство, но, с точки зрения Нуссбаум, подключение публичной системы права все меняет: «Участие государства в наказании стыдом – принципиальный момент. Люди всегда будут превращать других людей в отверженных, и преступники обречены быть изгоями. Но для государства соучаствовать в подобном унижении означает подрывать самые основы идей равенства и достоинства, на которых строится либеральное общество»^[16]. Другие правоведы замечают, что стыд просто не эффективен в современном урбанистическом обществе, отличающемся мобильностью и анонимностью.

Профессор права Джеймс Уитмэн выступает против наказания стыдом, поскольку обязанность осуществлять возмездие перекладывается при этом с государства на общество. Государство же, по его мнению, не должно использовать стыд, поскольку призвано гасить

в своих гражданах побуждение карать отступников, а не подталкивать их к этому: «Меры взыскания, сопряженные со стыдом, в нашем обществе недопустимы по той же причине, по которой они кажутся нам непозволительными в Китае или в Афганистане под властью Талибана. Они воплощают неприемлемый стиль правления в силу своего воздействия на психологию общества. <...> Постыдные наказания были бы недопустимы даже при совершенном отсутствии какого-либо ущерба для преступника хотя бы уже потому, что представляли бы собой неуместное партнерство государства и толпы»^[17]. В противоположность аргументации Нуссбаум, логика Уитмэна предполагает отказ от наказания стыдом в интересах скорее общественности, чем виновного.

Иными словами, человечество предпочло, чтобы их интересы представляло государство даже в отношении наказаний. И если государство предлагает общественности помочь ему в этом деле – к примеру, обязывая изобличенных воров публично носить на себе подробное описание совершенных ими краж, – то делегирует часть своих обязанностей толпе, которая, по словам Уитмэна, может вести себя «непостоянно и неконтролируемо». Однако, как мы увидим в дальнейшем, бывают случаи, когда стыд, даже в рамках наказания со стороны государства, можно использовать во благо социума, причем сам социум сочтет такие меры приемлемыми.

Бывает ли абсолютное бесстыдство?

Итак, стыд занимает невысокое место в шкале эмоций типичного американца, но, мало этого, его противоположность – бесстыдство – нередко носит ярко выраженный характер (что приводит к появлению книг наподобие «Придурков» Аарона Джеймса). Как установила Рут Бенедикт, для японцев явилось откровением, что захваченные в плен во время Второй Мировой войны американцы не стыдятся положения военнопленных, тогда как в японской культуре это немыслимый позор. В ходе нашего эксперимента по изучению влияния стыда на кооперацию многие студенты боялись оказаться отщепенцами, но нашлись и такие, кого это не волновало. Меня поразило наглое спокойствие некоторых игроков, выставленных на всеобщее обозрение за то, что они не внесли ни доллара в общий котел. Проще всего объяснить проявленную ими неуязвимость врожденным бесстыдством их натуры, но, скорее всего, ситуация несколько сложнее.

Стыд определяется в сравнении с социальной нормой, чем и объясняется изменчивость категории стыда и многообразие ее проявлений в зависимости от культурного контекста. Индейцы из племени бакайри, обитающего в Центральной Бразилии, считают до крайности неприличным есть у всех на виду, а собственной наготы совершенно не стесняются. Вам, скорее всего, станет стыдно за ухажера, не оставившего официанту чаевых, если дело происходит в США, но не во Франции, где давать чаевые не принято. В ряде случаев стыд и связанное с ним общественное порицание вызывают незаслуженно отрицательную реакцию, хотя проблема не в самом стыде, а в той социальной норме, по которой он поверяется. Если врачам слишком стыдно признать или озвучить свои ошибки, зло тут не в стыде как таковом, а в норме, согласно которой врач не может ошибаться и не ошибается (причем, как мне кажется, такая социальная норма порождена страхом судебного преследования).

Отчасти действенность стыда объясняется склонностью человека к негативу – наш мозг неравномерно обрабатывает информацию негативного и позитивного характера. Дурное лучше запоминается. Порой люди верят сплетням, даже если очевидна их лживость. Негативные мнения прилипчивей положительных^{18}, а потеря чего бы то ни было (в том числе репутации) переживается острее, чем радость обретения^{19}. Поэтому родители так любят повторять пословицу про ложку дегтя, которая отравит бочку меда, и слова Бенджамина Франклина: «Нужно множество добрых дел, чтобы приобрести хорошую репутацию, но, чтобы потерять ее, достаточно одного проступка».

Более заметная роль стыда в коллективистских культурах объясняется, помимо прочего, тем, что социальные нормы в них разделяются практически всеми и следование им является обязательным. В обществах, превыше всего ценящих индивидуализм и обособленность, стыд проявляется не столь очевидно. Однако испытывают его люди любой культуры. Многие считают бесстыдными жестоких гангстеров, и, возможно, есть среди них и такие. Но и в уличной банде, как в любом социуме, есть свое представление о стыде, устанавливаемое относительно собственных норм – многие из которых связаны с товариществом и стукачеством, – и собственные виды наказаний. Даже у воров есть своя честь и свой стыд – просто они отталкиваются от других социальных стандартов.

Знавал стыд и Эдвард фон Клоберг III. В 1998 году он влюбился в человека, который не отвечал ему взаимностью. Он начал терять деньги, а для богатого американца нет большего позора, чем обеднеть. Ко всем бедам прибавились диабет, рак кожи и другие болезни. Однако он отказывался от помощи друзей и от больничного лечения «по социалке», как он это называл. Человек, «обессмертивший» свое имя заявлением, что стыд – удел слабаков, в буквальном

смысле был убит стыдом. В 2005 году и прежде склонный к мелодраме 63-летний фон Клоберг дал свое последнее представление – покончил с собой, бросившись с башни римского замка.

Разница между виной, стыдом и смущением

Многие психологи сходятся на том, что вина – чувство, переживаемое наедине с самим собой, тогда как смущение и стыд имеют публичный характер, то есть чаще всего возникают в присутствии других людей. (Впрочем, все мы согласимся с тем, что социум определяет также, по поводу чего мы должны чувствовать себя виноватыми.) Но дело не только в публичности – иначе не было бы никакой разницы между стыдом и смущением.

В одном эксперименте студентам Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе было предложено выступить с пятиминутной речью и выполнить пятиминутное задание по арифметике под звучание раздражающей музыки. Если студент запаздывал с ответом, раздавался громкий сигнал. Студенты одной группы выполняли задание в одиночестве, а другим повезло меньше: им пришлось держать речь и решать примеры на виду у двух однокашников, наблюдавших за ними с каменными лицами. Затем у испытуемых спрашивали, как они себя чувствовали. Кроме того, у них четыре раза за время эксперимента брали пробу слюны, чтобы измерить уровень гормона стресса кортизола. Студенты, за которыми наблюдали соученики, волновались сильнее выступавших в одиночестве, а уровень кортизола у них оказался в два раза выше^{20}.

Откуда мы знаем, что переволновавшиеся участники эксперимента страдали именно от стыда, а не от какого-либо другого переживания, например страха, униженности, смущения или вины? Отличить одну эмоцию от другой можно по внешним проявлениям. Эмоции, с которыми мы сталкиваемся раньше всего в жизни, например радость, огорчение, страх и гнев, опознаются по одному лишь выражению лица, но в случае эмоций, связанных с самосознанием, таких как стыд, необходимо наблюдать и за телом^{21}. Когда человеку стыдно, у него опускаются уголки рта (нижняя губа может оказаться закусенной), он опускает глаза, поникает всем телом и наклоняется вперед, а его плечи принимают такое положение, словно он пытается спрятаться. В некоторых культурах люди закрывают лицо руками. В Юго-Восточной Азии стыд иногда выражают прикусыванием языка^{22}. Если же человек смущен, то, как правило, он улыбается, потирает лицо или совершает другие невротические движения, а глаза у него начинают бегать.

Проявления стыда – это реакция на присутствие свидетелей. Имеются в виду не внутренние переживания человека, а заметные окружающим внешние изменения. Большинство сигналов нетрудно симитировать – ничего не стоит изобразить, например, улыбку. А вот с краской стыда этот номер не пройдет. Ее невозможно воспроизвести без помощи румян или грима, и ученые считают это свидетельство достоверным. Способность человека краснеть уникальна, и это одно из самых безобидных наших проявлений.

Но краска на щеках может появляться и от стыда, и от смущения. В зависимости от обстоятельств эта реакция интерпретируется как признак осознания ошибки, покорности, облегчения и даже возбуждения. В Нидерландах был проведен эксперимент, в ходе которого студенты читали про себя подборки коротких рассказов. Если ситуация казалась им двусмысленной – например, некто встречал знакомого, уверявшего, что будет в это время в другом месте, – они считали, что персонаж покраснел, поскольку его поймали на лжи. Но в случаях очевидного проступка – скажем, человек повредил чужой велосипед, вытаскивая свой, – стыдливый румянец на щеках нарушителя смягчал их реакцию^{23}.

«Слепота не избавление [от стыда]», – писал Дарвин в работе 1872 года «О выражении эмоций у человека и животных». Священник, посещавший богадельню, рассказал Дарвину, что трое слепорожденных детей «очень легко краснели»^{24}. Интерес Дарвина к умению человека краснеть заставил его задуматься над тем, является ли способность испытывать стыд

врожденной. На тот момент уже было установлено, что среди видов человеческого поведения есть как врожденные, например улыбка, так и приобретаемые, например рукопожатие. Интуиция подсказывала Дарвину, что врожденные способы выражения эмоций более важны с точки зрения эволюции.

Дарвин имел лишь свидетельство относительно слепоты, но не мог проверить его экспериментально. Во время Олимпийских игр 2004 года психологи Джессика Трейси и Дэвид Мацумото изучили фотографии 111 дзюдоистов со всего мира, сделанные сразу после поединков. Победителей в большинстве отличали откинутая голова, вздыбленные руки, грудь колесом. Проигравшие – почти наверняка испытывавшие стыд – опускали голову, закрывали лицо руками, сутуливались и втягивали грудь. Чтобы ответить на вопрос о врожденном характере этого чувства, исследователи также фотографировали паралимпийцев, среди которых были 33 слепых атлета, – и все они демонстрировали те же признаки, подтвердив тем самым, что проявления стыда являются автоматическими и присущи нам от рождения^{25}. Очевидно, на каком-то этапе человеческой эволюции способность демонстрировать стыд стала чрезвычайно полезной.

Демонстрация стыда помогает разрешить конфликтную ситуацию. Показав, что вам стыдно, можно добиться прощения. В исследовании с имитацией судебного процесса обвиняемый в продаже наркотиков, демонстрировавший смущение и стыд, получил только две трети тюремного срока с правом досрочного освобождения на год с лишним раньше, чем в других тестах с участием того же человека, где он вел себя нейтрально или вызывающе^{26}. Возможно, поэтому адвокаты советуют клиентам не следовать новой бесстыдной моде улыбаться при фотографировании для полицейского досье.

Еще один способ различить такие эмоции, как вина, стыд и смущение, – это задаться вопросом, почему или когда их испытывают. Американских студентов попросили описать обстоятельства, в которых они чувствуют себя виноватыми, стесняются и стыдятся. Как показал анализ этих данных, чувство вины вызывают индивидуальные промахи – вранье, пренебрежение дружескими или семейными узами, срыв диеты или измена. Смущение возникает, когда становишься свидетелем чужих промахов или провалов в памяти – скажем, если кому-то случится забыть имя собеседника. Чтобы испытать стыд, нужно совершить ошибку не только публичную, но и более серьезную: получить плохую оценку, задеть чьи-то чувства или обмануть ожидания^{27}.

Нередко стыд влияет на наше представление о самих себе в целом, тогда как смущение привязано к определенному случаю. Чтобы отличить одну эмоцию от другой у детей, исследователи провели эксперимент с участием 50 четырехлетних малышей. Их помещали в некомфортные ситуации – к примеру, слишком хвалили, внезапно указывали на них, заставляли рассматривать свое отражение и танцевать при ведущем эксперимента. Кроме того, дети собирали четыре пазла на подбор цветов. Два пазла в принципе не могли быть собраны, а два были простыми, и четырехлетки гарантированно должны были с ними справиться, поскольку экспериментаторы откладывали сигнал к окончанию выполнения задания. У детей брались пробы слюны, а ход эксперимента снимался из-за зеркала одностороннего видения. В дальнейшем ученые фиксировали по выражениям лиц и языку тела такие переживания детей, как гордость, смущение и стыд. Дети проявляли признаки смущения – трогали лицо, смотрели в сторону, – когда оказывались в центре внимания, в том числе когда их неумеренно хвалили или просили станцевать. Но неспособность вовремя собрать пазлы провоцировала более значительное повышение уровня кортизола и признаки стыда^{28}. Итак, четырехлетний ребенок смущается, когда чужая тетя восхищается его внешностью, и испытывает стыд, когда не может

собрать пазл, который, как ему сказали, под силу любому его сверстнику.

И смущение, и стыд требуют свидетеля, но в случае стыда публичность особенно важна. Вы будете смущены, если случайно нарушите общепринятые нормы – оденетесь несообразно случаю или появитесь на людях с обрывком туалетной бумаги, прилипшим к обуви. Но, если экзаменатор поймает вас на списывании, вам будет стыдно, поскольку это означает несоответствие более значимому стандарту. Во время тестирования студентов Калифорнийского университета на сообразительность, проводившегося в присутствии сокурсников, переживания испытуемых оказались ближе к стыду, чем к смущению, ведь это качество так или иначе характеризует саму личность человека, и, если его не окажется, никакие отговорки не помогут. Случаи, когда нам было неуютно, легче забываются, поскольку они относятся к отдельному инциденту, а стыд, привязанный к нашему «я», помнится долго.

Стыд глубже укоренен в человеческой природе, но и вина – могущественная сила, которую не стоит недооценивать. Считается, что самонаказание виной является более цивилизованным, реже принимает дикие формы, чаще приводит к компенсации причиненного ущерба и дешевле обходится обществу, чем наказание стыдом. Ведь в последнем случае нужно, чтобы группа задумалась о том, кого она подвергает социальной изоляции, за какой проступок и что вообще с этим делать. Безусловно, вина способна управлять поведением человека, как это случилось со мной, когда я узнала, что сэндвичи с тунцом оказываются на нашем семейном столе ценой жизни дельфинов. Как показывают эксперименты, люди часто меняют поведение, если получают на него отклик, – скажем, начинают экономить электроэнергию и воду, возможно, именно потому, что чувствуют себя виноватыми. (Правда, по другой точке зрения, это следствие внешнего контроля.) Судя по результатам недавнего исследования, многие люди впервые сдают донорскую кровь под влиянием социума, поскольку считают это своей обязанностью перед обществом, но если продолжают сдавать ее, то их самовосприятие меняется. Они начинают мыслить себя донорами – мотивация из внешней становится внутренней, а для дальнейшего самоподкрепления желательного поведения и самоконтроля хватает одного чувства долга. Другое исследование с участием защитников природы установило, что для многих стимулом является стремление снизить собственное чувство вины в связи с загрязнением окружающей среды^{29}.

В Мичигане было проведено исследование, охватившее 369 211 зарегистрированных избирателей. Части из них были отправлены письма, просто призывающие участвовать в голосовании. В письмах, разосланных участникам другой группы, этот призыв дополнялся вопросом, участвовали ли они в предыдущих выборах (это общедоступная информация). Поскольку респонденты знали об эксперименте, нельзя достоверно утверждать, что полученные результаты целиком и полностью объясняются воздействием чувства вины. Однако влияние внутреннего голоса несомненно. Письма с призывом голосовать помогли поднять уровень явки избирателей на 2 %. Во второй группе этот показатель оказался выше в два раза (4 %) среди голосовавших в прошлый раз и в три раза (6 %) – среди тех, кто проигнорировал прошлые выборы^{30}. Голос совести звучал громче у людей, один раз уже пренебрегших своим гражданским долгом, – среди них и наблюдалось самое заметное изменение поведения. У вины, как у любой другой эмоции, есть свои возможности, однако весьма ограниченные с точки зрения возможных результатов изменения поведения, его масштаба и скорости.

Глава 3

Пределы вины

Мой врач говорит, что у меня недоразвита железа общественного долга и врожденное отсутствие нравственной ткани, в связи с чем я освобожден от обязанности спасать Вселенную.

Дуглас Адамс. Автостоном по Галактике (1979)

В 2007 году Альберт Гор и IPCC^[3] получили за свою деятельность в связи с изменениями климата Нобелевскую премию мира, *Vanity Fair* начал выпускать ежегодный «зеленый номер» (прекративший свое существование через два года), а моя подруга Кейт узнала, что элитный дизайнер Аня Хиндмарч выпустила холщовые сумки с надписью «Я не пластиковый пакет». Эти сумки – лишь одно из многих проявлений обеспокоенности состоянием окружающей среды, в данном случае ее загрязнением пластиковыми пакетами. Маркетинговая служба Хиндмарч заранее начала раздавать сумки знаменитостям, чтобы вызвать шумиху, и Кейт отыскала магазин, где ограниченная серия должна была продаваться всего по пять фунтов.

Кейт, дорогая моя мизантропка, попросила мужа Сарана занять очередь, чтобы купить такую сумку для меня в качестве «сувенира природоохранного движения». Саран отнесся к поручению, как рыцарь к подвигу, и прибыл в магазин за час до начала раздачи номеров очередникам. Что примечательно, он оказался единственным мужчиной, единственным небелым и единственным, кто сохранял спокойствие в приходящей во все большее возбуждение толпе из сотни с лишним женщин, многие из которых явились с маленькими дочерьми. Прошло больше часа, прежде чем менеджер магазина дал ему номер в очереди и призвал к «сдержанности». Уже было очевидно, что номеров, а значит, и сумок хватит не всем. Кое-кто заговорил о несправедливости. Одна дама, поняв, что вернется домой без сумки от Хиндмарч, разрыдалась. В этом месте эпоса Кейт заметила: «Какие драмы бушуют в мире!»

И что примечательно: холщовые сумки продавались в пластиковой упаковке. Пока я благодарил Кейт и Сарана за сувенир, другие по-быстрому сбывали добычу в Интернете за 200 фунтов. Экологичный хлам от Хиндмарч оказался такой же заразой, как игрушки Beanie Babies, выпечка от шефа Доминика Ансея и золотые айфоны. «Все потом только диву давались, как можно было прийти из-за этого в экстаз, – говорит Кейт. – Так что произошла обратная реакция. К тому же в каждой дерьмовой лондонской лавчонке появились подделки». В *Observer* вышла статья «Год, когда женские сумки отбились от рук», где рассказывалось, что в Тайване изделия Хиндмарч вызвали небывалый ажиотаж, толпу пришлось усмирять с помощью полиции, а 30 человек оказались в больнице. В Гонконге из-за «хиндмарчей» закрыли торговый комплекс. Никогда прежде ничего подобного в связи с движением в защиту окружающей среды не происходило.

Одним из следствий распространения информации о социальных и экологических проблемах стало усиление чувства вины. Покупая сиденье для унитаза в Wal-Mart, знай – ради этого где-то в России пришлось свести под корень лес! Присматривая себе бриллиант, задумайся, не пойдут ли твои деньги на финансирование войны в Африке. Поедая креветки, выращенные на ферме в Бангладеш, помни: ты участвуешь в эксплуатации женского и детского труда. Купил новый айпад? А старый отправился на свалку в Нигерии, где свинец, кадмий и ртуть отравляют почву. «Попросите родителей не губить мир, в котором будете жить вы», – эта фраза высвечивалась в финальном кадре фильма 2006 года «Неудобная правда». Джордж Шаллер, биолог, изучающий диких животных, заявил в интервью журналу *Discover*: «Очевидно, что люди – величайшая ошибка эволюции»^{31}.

Я спросила Лин О'Коннор, психолога и специалиста по чувству вины, беспокоит ли когонибудь из ее пациентов то обстоятельство, что род человеческий процветает, когда великое множество других биологических видов вымирают. «В качестве первичного симптома я такого не наблюдала, – ответила она. – Но у меня была пациентка, одержимая проблемой глобального потепления. Она из-за этого очень беспокоилась – и, на мой взгляд, правильно делала». В отчете специального комитета по изменению климата Американской ассоциации психологов за 2009 год были описаны случаи «экологической тревожности» с такими симптомами, как приступы паники, потеря аппетита и бессонница.

Матери, одолеваемые чувством вины за состояние окружающей среды, повторно используют воду после купания детей. Покупатели отказываются брать чилийскую голубику, поскольку на ее транспортировку ушло много топлива. Женщина, чувствуя себя виноватой в уничтожении джунглей ради плантаций какао, перестает покупать шоколад и отравляет жизнь мужу – «Миндальная радость» ему больше не в радость. Вина из-за роста населения Земли заставляет мужа настаивать на усыновлении, когда его жена хочет еще одного ребенка.

Движение за добровольное исчезновение человечества (VHEMT) в 1996 году создало сайт, ныне поддерживающий 25 языков. Девиз движения прост: «Жить долго и счастливо вымереть». Иметь ли ребенка – в наши дни это уже не просто выбор, это решение, отягощенное чувством вины, причем, как обнаружили участники VHEMT, достаточной, чтобы перебороть, пожалуй, самую мощную инстинктивную потребность. В VHEMT вступают не для того, чтобы иметь больше свободного времени на пазлы-кроссворды или абсент-туры по Европе. А потому, что (как написано у них на сайте) «благодаря постепенной ликвидации человеческой расы путем добровольного отказа от размножения биосфера Земли сможет оздоровиться». Одни отказываются летать самолетами или рожать детей, другие принимают истово экономить воду. Однако самый общедоступный ответ на давление «зеленой» вины и сопутствующей тревожности – изменение потребления.

«Зеленая» вина и отпущение грехов

В Средние века верующие, чтобы избавиться от чувства вины, покупали индульгенции. Сегодняшний виноватый потребитель покупает тунца, выловленного без ущерба для дельфинов, компактные флуоресцентные лампочки, гибридные автомобили и бутилированную воду Ethos Water (производства одной из множества благонамеренных компаний, произносивших проповеди с амвона конференции TED, – впоследствии ее за \$8 млн купила Starbucks). Но на индульгенции больше всего похожи квоты на выбросы углекислого газа в атмосферу, сами разговоры о которых часто ведутся в религиозной терминологии. Например, статья в *The New Scientist* начиналась так: «Если вы вынуждены летать самолетами или по другим причинам повинны в интенсивном выбросе CO₂, квоты и компенсации дают вам шанс на искупление». В *The Economist* вышла статья «Парниковые газы: греховные выбросы». Питер Швайцер, соредактор книги «Знаковые речи американских консерваторов» (*Landmark Speeches of the American Conservative Movement*, 2007), вопрошает: зачем ограничиваться углекислым газом? И предлагает (полагаю, в шутку) немало других направлений квотирования, включая супружескую измену, с направлением компенсационных выплат общественной христианской организации «В центре внимания – семья» (*Focus on the Family*) и последующим присвоением «адюльтернейтрального» статуса^[32].

Помимо религиозных ассоциаций, бросается в глаза сравнение с диетой. Группы активистов природоохранного движения провозгласили курс на «низкоуглекислую диету» и «подсчет парниковых калорий», призывая людей контролировать свой вклад в усиление парникового эффекта так же, как они контролируют рацион. Но сравнивать вопросы изменения климата с похудением – нелепо. Отдельный человек может управлять собственным весом, однако он не в силах повлиять на состояние атмосферы или какую-либо другую глобальную проблему, связанную с окружающей средой. К тому же продукты, не вызывающие чувства вины, почти всегда дороже аналогов, поскольку логика свободного рынка заставляет предприятие рассматривать издержки на природоохранную деятельность как интернальные, а не экстернальные. Как богач прошлого покупал себе искупление грехов, так нынешний богач полагает возможным откупиться от сопутствующего уничтожению природы чувства вины.

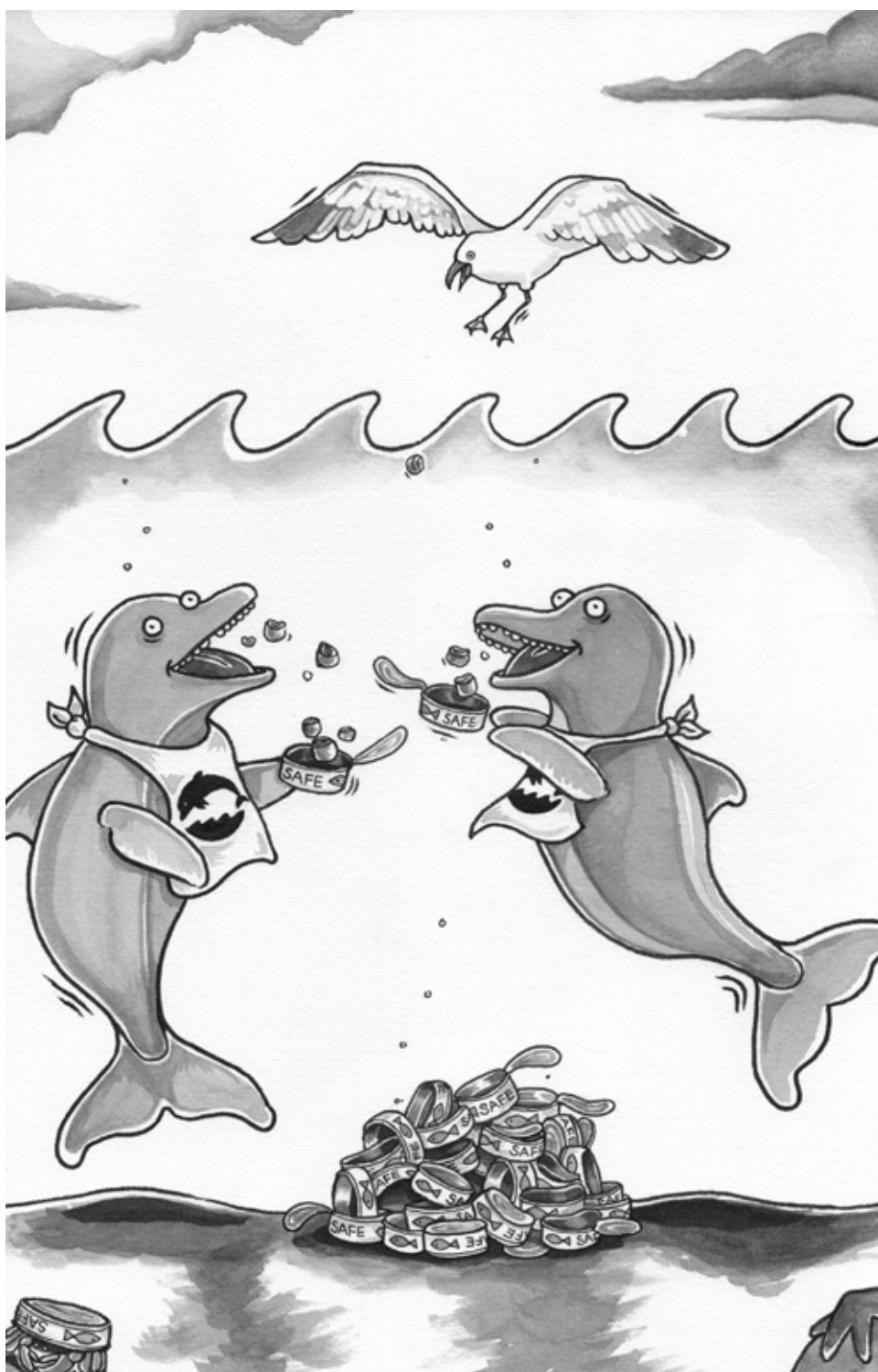
Всемогущая маркировка

Логотип «Произведено без ущерба для дельфинов», облегчивший совесть школьников 1990-х, включая меня, стал порождением идеологии свободного рынка. Согласно этому идеалистическому подходу ответственность за способ производства товаров несут отдельные потребители, а не правительство, вроде бы обязанное контролировать крупных производителей. (В действительности с уничтожением дельфинов при ловле тунца покончило вмешательство закона.) Ныне существует множество других экомаркировок: от «Произведено из мяса птицы бесклеточного содержания» и «Из мяса животных на свободном выгуле» до «стопроцентно натуральный продукт». Продуктивная идея – это обращает наше внимание на порочные практики производства, например промышленные методы ведения сельского хозяйства и синтетические добавки к кормам.

Многие из этих маркировок вводят в заблуждение как потребителей, так и спонсоров природоохранных мероприятий и ведут к самоуспокоению. Я хорошо знакома со значком Морского попечительского совета (MSC), разработанным в 1997 году для сертификации неистощительного рыболовства. Значок MSC должен был отличать морепродукты, добытые в соответствии с рекомендуемыми стандартами, хотя в остальном они были точно такими же. Это принципиальное отличие экомаркировки MSC от маркировки «органический продукт», характеризующей не способы выращивания, а сам продукт как не содержащий пестициды.

Сегодня логотип MSC украшает более 180 продуктов рыболовства, однако оздоровления рыболовецкой практики что-то не наблюдается. Группы защитников природы затратили сотни тысяч долларов на юридически оформленные протесты против сертификаций MSC (на сегодняшний день подано 19 протестов и лишь один удовлетворен), утверждая, что принципы неистощительного рыболовства MSC слишком необременительны и чересчур широко толкуются третьими сторонами, в действительности осуществляющими сертификацию. Такие группы, как Национальный фонд защиты окружающей среды, заявили протест сертификации сайды производства Gulf of Alaska в связи с нарушением законов об охране исчезающих видов в части сохранения кормовой базы сивучей. Но ведь «уважение к закону» – это единственное требование MSC к сертификации! Припертый к стенке, MSC ответил, что «уважение к закону» – это не то же самое, что «соблюдение требований закона», и что он «не требует, чтобы система управления рыболовным промыслом отвечала каждой статье материального или процессуального права, могущего управлять рыболовецким бизнесом». Так намерение Попечительского морского совета защищать океанские виды от истребления выродилось в жонглирование словами.

Число экомаркировок продолжает расти, хотя нет ни одного исследования, подтверждающего, что экосертификация рыбы увеличивает рыбные богатства океана, а продукции деревообработки – лесной покров нашей планеты. Индустрия органических продуктов оценивается в \$30 млрд, но покрывает лишь 4 % продовольственного рынка. В период 2000–2007 годов США все-таки снизили использование пестицидов на 8 %. Казалось бы, неплохо – но только если не знать, что это означает уменьшение с 0,54 до 0,49 млрд кг. Значки на упаковке не приведут нас к цели! И все равно в 2011 году в журнале *Natural Climate Change* ученые завели разговор о том, что «пришла пора вводить маркировку по выбросам парниковых газов» и что «недостатки [системы маркировки и сертификации] не доказывают бесполезности этой программы»^[33]. Что же тогда доказывает?

Продуктов со значком «стопроцентно органический» в США такое множество и сама эта маркировка до такой степени ни о чем не говорит (и ничем не регулируется), что коалиция неправительственных организаций добивается сейчас полной ее отмены. (Действительно, что означает надпись на сладких прохладительных напитках «натурально ароматизированный другими натуральными ароматизаторами»?) Но в наше время усилия правительств, ученых и некоммерческих организаций по привлечению внимания общества к недостаткам маркировки идут вразрез с интересами бизнеса.

По результатам недавних исследований, даже относительно успешные «органические» товарные знаки – это все равно проблема, по крайней мере в США. Признаки захвата регулятора очевидны. Такие крупные компании, как General Mills, Campbell Soup Company и Whole Foods Market, участвуют в комитете стандартов, уже предпринявшем попытку включить в список «натурального» синтетический гербицид^[34]. Wal-Mart не раз ловили на торговле фальшивыми

«натуральными» продуктами^{35}. В 2007 году скандал разразился из-за того, что этот ретейлер в десятках магазинов в пяти штатах ставил собственную маркировку «органический» на ненатуральные пищевые продукты, а в 2011-м – маркировал обычную свинину как органическую в Китае, где у компании имеется 390 с лишним магазинов^{36}. Наконец, хотя это и не мошенничество, если на упаковке написано «натуральная морская соль», цена будет выше, правда, в данном случае вообще не понятно, что подразумевается под «натуральностью».

Итак, «зеленое» потребление раздражает и деморализует. Но ведь и вреда не приносит, правда? В статье «Как нас втягивают в зеленое движение», опубликованной в 2007 году в рубрике «Мода и стиль» газеты *New York Times*, Алекс Уильямс написал, что сами борцы за окружающую среду не обманываются, будто от покупки экологичных продуктов есть какая-то польза. «Зеленые» покупки – это лишь «благой первый шаг», это «начало, а отнюдь не достигнутая цель».

Однако некоторые факты заставляют усомниться в том, что это первый шаг по верной дороге. Как оказалось, люди, покупающие экопродукты, гораздо охотнее оправдывают алчность, ложь и воровство. Участники исследования 2009 года, которым были предложены «зеленые» продукты в компьютерной модели продовольственного магазина, в дальнейшем эксперименте проявляли особое великодушие, но те, кто действительно покупал больше органических, чем традиционных продуктов, вели себя эгоистичнее^{37}. Подозрения относительно «диванного активизма» подтвердил эксперимент 2013 года. Любители подмахнуть петицию, щегольнуть браслетом какой-нибудь акции и «лайкнуть» благотворительное мероприятие, чтобы выставить себя в лучшем свете перед другими, реже вносят значимый вклад в благие дела, чем люди, не афиширующие своей благотворительности^{38}. Как свидетельствует это исследование, присоединение к «зеленому» тренду в рамках демонстративного потребления лишь отвлекает человека от реальной деятельности. А если все так и есть, нельзя откликаться на призывы облегчить груз вины в качестве всего лишь потребителей, безгласных и бесправных, располагающих единственным механизмом влияния – через покупки. Нет, мы должны вести себя как граждане. Рынок способен разрушать критерии подлинно ответственного поведения по отношению к окружающей среде. В ряде случаев, например в Западной Австралии, экологическая маркировка даже использовалась рыболовецкими компаниями как инструмент борьбы против учреждения морских заповедников, где рыбный промысел был бы запрещен или строго ограничен. При этом утверждалось, что меры охраны не нужны, ведь рыба, вылавливаемая в этих водах, и так имеет экологический сертификат^{39}. Рынок «зеленых» продуктов лишь успокаивает нашу совесть, не принося тех масштабных, серьезных результатов, к которым мы стремимся.

Потребитель, чувствуя себя виноватым из-за применения пестицидов или дискриминационной торговой политики, успокаивает себя, покупая продукты, выращенные органическим способом и реализуемые с соблюдением норм справедливой торговли. Для этого есть специальные места, например супермаркет Whole Foods, названный Ником Паумгартеном в статье 2010 года в журнале *New Yorker* «Holy Foods»^{4} – «коммерческим воплощением экологического и диетического благочестия». Успех Whole Foods объясняется его философией ведения бизнеса: маркировка носит добровольный характер, а потребители вольны выбирать (или не выбирать) полезные для здоровья или экологичные продукты, причем Whole Foods предлагает любые продовольственные товары, но ассортимент натуральных значительно шире, чем в традиционном магазине. Добровольность, экомаркировка, право потребителя на выбор – вот что вознесло Whole Foods на вершину успеха и превратило в Мекку экокочувствительных покупателей. Но, если бы все продовольственные магазины обязали торговать натуральной

или не истощающей природу едой, Whole Foods пришлось бы искать другой способ оторваться от конкурентов.

Однако большинство потребителей продолжают покупать привычные продукты. Для существования большей части социальных и экологических лейблов достаточно, чтобы изменилась лишь часть индустрии – производители, обслуживающие потребителей с высокоразвитым чувством вины. Все остальные участники рынка могут и дальше пользоваться пестицидами, недобросовестными методами торговли или рыболовецкими сетями-убийцами – и продавать свои товары дешевле. Ведь следующий шаг – законы, которые изменили бы всю индустрию – не сделан. Это закономерно, поскольку главный стимул для производителей поступать правильно – скажем, выращивать натуральные продукты питания или ловить рыбу, не разрушая биосферу, – это более высокие цены на их продукцию. Условие премиальной наценки – исключительный, а не массовый, не обязательный характер продуктов, откуда следует, что рынок способен облегчить бремя вины малой части потребителей, но не инициировать обязательные и глубинные изменения в характере производства. Имеет место «продажа индულгенций» – нами манипулируют, чтобы заставить покупать в убеждении, что это что-то меняет.

Давайте для сравнения рассмотрим проблемы озоновой дыры. В 1974 году Шервуд Роулэнд и Марио Молина, химики из Калифорнийского университета в Ирвайне, связали истощение озонового слоя Земли с выбросами в атмосферу хлорфторуглеродов (ХФУ). (За это открытие в 1995 году они были удостоены наряду с Паулем Крутценом Нобелевской премии по химии.) Разрушение озонового слоя не замедлилось из-за того, что горстка (да пусть и большинство) потребителей, чувствуя себя из-за этого виноватыми, стали покупать продукты без ХФУ. Запрет на применение фреона был введен на региональном уровне через три года после того, как Роулэнд и Молина совершили свое открытие, а затем и во всем мире с принятием в 1987 году Монреальского протокола. «С помощью добровольных действий такого рода проблемы не решить, поскольку большинство людей добровольно ничего делать не будут, – сказал мне Молина. – Здесь необходима государственная политика».

Еще одна причина крайней неэффективности вины для решения экологических проблем проста – она бьет мимо цели. Если в списке «25 шагов к спасению природы, которые может сделать каждый» значится «покупайте перезаряжаемые батарейки», это повод задуматься, поскольку есть как минимум 25 других вещей, несоизмеримо более важных для спасения природы, чем наш с вами выбор батареек. Самой первой в списке рекомендаций, которыми завершается фильм 2006 года «Неудобная правда» об изменении климата, является: «Покупайте энергосберегающие приборы и лампочки». Между тем освещение жилищ американцев – это всего лишь 2 % выбросов углекислого газа в США и 6 % энергопотребления домохозяйств.

Однако совет по поводу лампочек запал нам в души. В 2009 году был проведен опрос среди 505 жителей семи городов США. Они должны были назвать один самый эффективный доступный им способ экономии электроэнергии. Наиболее популярным оказался ответ: «Выключать свет»^[40]. Почти 20 % респондентов говорили об освещении, и лишь 13 % ответили: «Меньше ездить на машине». Но именно личный автотранспорт вносит наибольший вклад в суммарные выбросы углекислого газа американских домохозяйств (почти 40 %) и обеспечивает 15 % выбросов в целом по стране. Более того, на пользование личным автотранспортом расходуется в шесть с лишним раз больше энергии, чем на освещение домов. Поэтому гораздо разумнее было бы говорить об автомобилях, а не о лампочках.

Но американцы делаются глухи и слепы, едва речь заходит о громадном вреде автомобилей для экологии. В 2010 году в статье в *Washington Post* генеральный директор AutoNation, крупнейшей сети автодилеров США, сетовал: «Лишь около 5 % рынка принадлежат "зеленым" технологиям и способам эффективного использования топлива. Остальные 95 % покупателей, не задумываясь, предпочтут дополнительным пяти мям на галлон улучшенный держатель для кружки»^[41]. Экопроизводители не сделали ничего для изменения стандартов потребления топлива в США, которые оставались на одном уровне с 1985-го по 2005 год. В 2012 году администрация Обамы приняла закон, требующий от автопроизводителей к 2025 году без малого вдвое повысить эффективность использования топлива новыми легковыми и грузовыми автомобилями, однако потребительский спрос тут совершенно ни при чем.

Ложные цели выбирают для чувства вины не только американцы. Стартовавшая в 1999 году кампания британского правительства «Вносите ли вы свою лепту?» («Are You Doing Your Bit?») стоимостью £22 млн сделала краеугольным камнем энергосбережения привычку заливать в чайник ровно столько воды, сколько нужно. В 2007 году Джордж Маршалл, пишущий о психологии отрицания изменения климата, указал на бессодержательность этой кампании в публицистической заметке в *Guardian*: «Перелет в Австралию [из Великобритании] повлияет на изменение климата так же, как 730 000 пластиковых пакетов или 176 000 полных до краев чайников».

В 2008 году Дэвид Маккей, профессор физики из Кембриджа (его первая книга – «Теория информации, логический вывод и алгоритмы обучения»), опубликовал книгу «Как создать устойчивую энергетику, не нагревая воздух» (*Sustainable Energy – Without the Hot Air*). Год спустя во время нашего разговора в Дарвиновском колледже в Кембридже он сказал, что написать эту книгу его заставили «пустопорожние заявления» и «отсутствие математической грамотности». В ней он объясняет, что популярная в Англии рекомендация вытаскивать из розеток зарядки мобильных – не более чем самоуспокоение, поскольку эта индивидуальная мера энергосбережения экономит столько же энергии, сколько одна секунда отказа от езды на средней мощности автомобиле. Что более важно, Маккей подчеркивает: нужны

не индивидуальные действия, а правовое регулирование. «Правительство столько всего контролирует, – заметил он, – на каких машинах нам ездить, какие дома строить. Правительство определяет, какую долю произведенной энергии должна составлять энергия из возобновляемых источников. Мы, британцы, чувствуем уныние и бессилие. И мы действительно бессильны. Вроде бы наша экономика основана на предоставлении услуг, но кого мы обслуживаем?» Работа Маккея лишней раз напомнила о том, что многие рекомендации «зеленых» не просто экономически безосновательны, но и концептуально ложны. Великое множество кампаний (в том числе с государственным финансированием) призывают граждан вносить лепту в общее дело только лишь в качестве потребителей.

«Зеленый» цинизм

Худший грех «зеленого» потребления даже не в его ревностности, а в лживости. Нас призывают поучаствовать в решении крайне серьезных проблем совершенно дурацкими способами, и в глубине души мы знаем, что все это полная липа. Мы интуитивно понимаем, что, действуя исключительно в качестве покупателей, ничего не добьемся.

Неудивительно, что некоторые аспекты движения в защиту окружающей среды стали посмешищем. В серии «Южного парка» под названием «Угроза самодовольства» один из персонажей покупает «тойоту-приус» и поняв, какие «отсталые недоумки» его соседи, переезжает с семьей в Сан-Франциско. На одной из карикатур Майка Стивенса в *New Yorker* продавец гибридных автомобилей втолковывает заглянувшей в автосалон паре: «Он работает на традиционном двигателе внутреннего сгорания, пока не почувствует себя виноватым, и тогда переключается на аккумуляторную батарею». На карикатуре Барбары Смоллер в том же журнале клиент спрашивает официанта: «Что у вас сегодня в меню самое душеспасительное?» «Зеленое» потребление было обречено стать мишенью сатиры, поскольку начало слишком серьезно к себе относиться. Оно стало воспринимать себя не как *одно из* решений, а как Решение.

Каждое поколение цинично по-своему, причем цинизм точно так же, как стыд и вина, не появляется и не исчезает ни с того ни с сего, а чутко реагирует на социальные противоречия своего времени. И пока бесчисленные студенческие группы ведут борьбу с бутилированной водой в своих университетах, агентство сатирических новостей *The Onion* продает бутылки для воды с надписью «Моя бутылка воды – это 30 000 пластиковых стаканчиков». А реакцией на засилье вегетарианских ресторанов и кулинарных книг стало в числе прочего второе пришествие бекона – «нового лучшего друга булочника».

Ограниченные возможности «зеленой» вины

Вина перед планетой, побуждающая меньшую часть человечества участвовать в экологическом движении, была освоена бизнесом в качестве маркетингового инструмента, переключающего то самое, активное, меньшинство на бесплодную деятельность – потребление. Сегодня, когда я пишу эти строки, я понимаю, что совершенно неправильно отреагировала на проблему уничтожения дельфинов при ловле тунца, пусть мне и было всего девять лет. Прочитав «50 простых вещей, которые может сделать ребенок ради спасения Земли», я пришла к выводам, которые заставили меня лишь еще больше заикнуться на самой себе (я замеряла, сколько воды утекает из неисправных кранов у нас дома), вместо того чтобы побудить к активному участию в решении системных проблем (главный потребитель воды – это сельское хозяйство). Дело не в том, что вина – плохой стимул. Вовсе нет, во многих случаях она может помочь. Но скверно, если чувство вины уводит нас в сторону, толкая на хождение по магазинам вместо социальной активности. Вина по поводу коллективных проблем – повод не для самосовершенствования, а для того, чтобы стремиться к достижению коллективного результата.

Вовсе не кучка виноватых потребителей, покупающих тот или иной товар, заставила автопроизводителей ужесточить нормы расхода топлива, а Wal-Mart – обеспечить собственных сотрудников медицинской страховкой. И не эти потребители дали женщинам право голоса. Равно как не они остановили производство химических веществ, разрушающих озоновый слой.

Вина и сама по себе бывает неадекватным откликом в силу сугубо индивидуалистического характера, а в современном мире многое требует изменений более высокого порядка. В книге 2003 года «Корпорация» (The Corporation) Джоэль Бакан рассказал о психопатическом поведении публичных компаний, озабоченных исключительно прибылью. Само устройство корпорации дает ей иммунитет против вины, поскольку совесть отдельного сотрудника бессильна против общей жажды прибыли. Но корпорация – это еще и группа индивидов, абсолютное большинство которых в силу самой своей природы руководствуются определенными моральными нормами и полным спектром человеческих эмоций. Как же это получается, что отдельные люди, объединившись в корпорацию, ведут себя как одержимые прибылью психопаты, чтобы по возвращении с работы вновь становиться нормальными людьми с совестью и моралью? Одно из объяснений, которые приводит Джоэль Бакан, заключается в принципе ограниченной ответственности, который «позволяет инвесторам избежать потерь в случае ошибок компании» и сводит на нет личную моральную ответственность индивида в рамках организации. Это свойственно не только корпорациям, но и правительствам и силовым ведомствам государств.

Тем не менее малые изменения, осуществляемые крупными институциями, могут привести к масштабным сдвигам, в отличие от малых изменений, совершаемых отдельными потребителями. В 2010 году одна только Chevron отравила атмосферу в 11 раз сильнее, чем все выбросы, сопутствующие освещению всех американских домохозяйств. Заставив одну-единственную компанию снизить выбросы на 10 %, можно добиться значительно большего, чем уговорив жить в темноте всех и каждого жителя США. Но, в отличие от отдельных людей, Chevron не заставишь сделать хоть что-то, если давить на чувство вины.

Вспомните знаменитую фразу антрополога Маргарет Мид: «Никогда не сомневайтесь в том, что небольшая группа мыслящих, активных граждан способна изменить мир; на самом деле всегда именно так и происходит». Мид имеет в виду граждан, а не производителей или потребителей, хотя ее мысль полезно рассмотреть и с точки зрения рынка. Поведение на рынке немногих сознательных людей не решит проблему, сопряженную с коллективным

риском, будь то бесконтрольный вылов рыбы, уничтожение дикой природы или изменение климата. Но относительно небольшая группа производителей или потребителей *может* создать такую проблему. При непропорционально сильном воздействии спроса или предложения маленькая группа целеустремленных людей на рынке действительно способна изменить мир, но только к худшему. Это тема следующей главы, и это же объясняет, почему в решении серьезных проблем вина нам почти наверняка не помощник.

Глава 4

Паршивые овцы

Род человеческий получил господство над миром и возможность уничтожать другие виды живых существ, нагревать атмосферу и разрушать все вокруг по своему усмотрению, но у этой привилегии есть своя цена: в смертном теле человека заключен мозг, способный постичь вечность и мечтающий о вечности.

Джонатан Франзен. Поправки (2001)

«Животные созданы не равными друг другу», – сказал мне биолог Боб Пейн, перефразируя свою самую знаменитую идею. Пейн – человек во всех смыслах выдающийся, и ростомер в его лаборатории в Вашингтонском университете подтверждает, что он может взирать на своих студентов сверху вниз в буквальном смысле. Отметка с надписью «Бог» выставлена над линией, отмечающей рост самого Пейна: 1 м 95 см. (Крис Харли, один из последних – и самых высоких – дипломников Пейна, признался, что со страхом ждал измерения. И действительно, он оказался выше Пейна, но до Бога все-таки не дорос.)

В качестве эколога-экспериментатора Пейну нравится выступать в роли Бога в приливной зоне – части побережья, которая освобождается от воды во время отлива и с приливом вновь оказывается под водой. Здешние виды остро конкурируют за территорию. Пейн изменяет различные переменные, изучая взаимоотношения животных и среды их обитания, хотя и жалуется, что интереса поубавилось с тех пор, как его природную лабораторию заселили морские выдры, сместив его с вершины пищевой цепочки. Почти полвека он был единственным представителем позвоночных среди беспозвоночного населения побережья штата Вашингтон. «Я привык считать себя кем-то вроде болотной цапли, размером она примерно с меня», – говорит Пейн.

В конце 1960-х он поставил эксперимент, главная роль в котором отводилась пятиконечным хищникам. Каждые две недели в течение лета он приходил на свою экспериментальную площадку в заливе Маккоу и удалял с нее всех красных морских звезд. В результате невероятно расплодилось мидии – их основная добыча, – а все остальные обитатели почти исчезли. Не стало морских звезд, и мидии выиграли конкурентную борьбу у губок. Без губок исчезли голожаберные моллюски. Анемоны также лишились кормовой базы и вымерли, поскольку они питаются животными, вспугнутыми морскими звездами. Попутно перевелись морской мох, морские желуди, ракушки *Tegula funebris* и морские ежи^{42}.

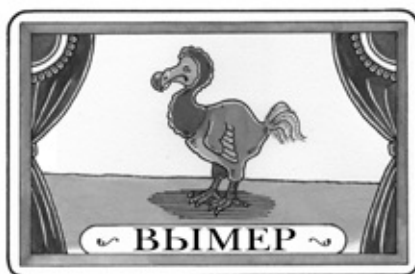
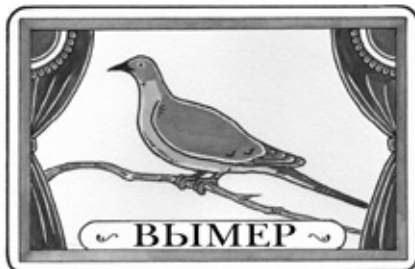
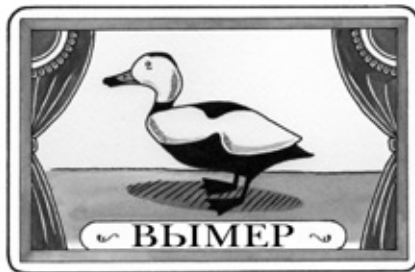
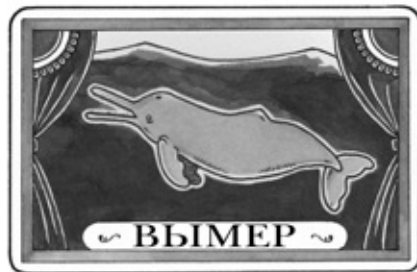
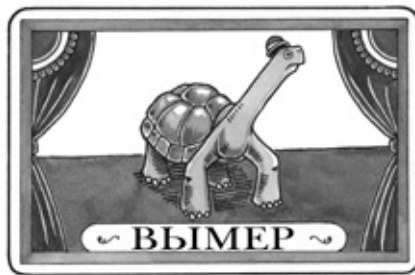
Поскольку исчезновение красных морских звезд имело непропорционально масштабные последствия для системы, Пейн назвал их «ключевым видом». С точки зрения природоохранной деятельности именно такие виды в первую очередь нуждаются в защите. Но в общем и целом ключевым является такой вид, который оказывает на структуру сообщества большее влияние, чем все прочие. Применима ли теория ключевого вида к людям и их потребительскому поведению? Обдумывая мой вопрос, Пейн устремляет взгляд вверх с видом, словно говорящим: «Почему бы нет?» И отвечает: «Человек – куда хуже».

Всего один вид – *Homo sapiens* – оказывает колоссальное воздействие на экологию Земли. Оно настолько многообразно и безжалостно, что нынешняя геологическая эпоха была прозвана антропоценом. (На 2016 год намечено голосование по поводу того, чтобы это название стало официальным.) Одна из множества особенностей антропоцена: нашими стараниями нынешний уровень вымирания биологических видов в тысячу раз превысил средний за всю историю планеты. Ученые уже начинают задаваться вопросом, не живем ли мы в разгар шестого массового вымирания. (Так называются периоды, когда более трех четвертей видов исчезает за короткий в геологическом исчислении промежуток времени, причем последнее массовое вымирание, покончившее с нептичьими динозаврами, случилось 65 млн лет назад, и человек тут был совершенно ни при чем.)^{44}

Проблема уязвимости биологических видов стала беспокоить человечество не так давно. Феномен вымирания был осознан примерно в то же время, когда обнаружили свидетельства существования динозавров, то есть лет 200 назад. Хотя, наверное, доисторические люди дивились, что стряслось с шерстистыми мамонтами или гигантскими ленивцами. В 1824 году, вскоре после того как французский зоолог Жорж Кювье установил и сделал всеобщим достоянием факт полного и окончательного исчезновения некоторых биологических видов, английский палеонтолог Уильям Бакленд впервые описал ископаемые останки динозавра. Само слово «динозавр» лишь через 18 лет ввел в обиход Ричард Оуэн, ученый, хранитель музея и противник дарвиновской теории естественного отбора.

Свыше 90 % живых существ, когда-либо обитавших на земле, на сегодняшний день вымерли, но не приходится удивляться, что люди не обнаружили этот факт раньше. По большей части вымирания происходили задолго до появления человечества. Например, после столкновения Северной Америки с Южной, примерно 3,5 млн лет назад, значительная часть южноамериканской фауны вымерла под натиском пришельцев с севера (это событие получило название великой американской смены видов). Сегодня люди оказывают на биосферу большее воздействие, чем слияние континентов.

Зачастую совершенно конкретный представитель *Homo sapiens* смотрел в глаза последнему представителю исчезающего вида, прежде чем окончательно уничтожить его. Прощайте, стеллерова корова (некогда самое крупное морское травоядное, в последний раз замеченное русским гарпунщиком в 1768 году), додо (съеденный подчистую на острове Маврикий в середине XVII века) и лабрадорская гага (последнюю подстрелили на Лонг-Айленде 12 декабря 1878 года). Прощай навек, странствующий голубь (последний умер 1 сентября 1914 года в зоопарке Цинциннати) и тасманийский сумчатый волк (погиб из-за ненадлежащих условий содержания в 1936 году в зоопарке Хобарта). Прощай, «панда Янцзы» – китайский речной дельфин (в последний раз увиденный в 2005 году), черный носорог Западной Африки (официально объявленный вымершим в 2011 году), а также слоновья черепаха острова Пинта, последний представитель которой, Одинокий Джордж, умер в 2012 году (покойся с миром!). С XVI века официально признаны вымершими, а значит, безвозвратно утраченными по меньшей мере 870 видов живых существ.

Как минимум еще 17 000 видов (в том числе четверть всех млекопитающих) находятся под угрозой исчезновения и в настоящее время числятся в категории «экологическое вымирание». Этот успокоительный термин означает, что вид пока существует, но его представителей слишком мало, чтобы формировать среду своего обитания. Горные гориллы еще цепляются за жизнь в маленьких очажках среди высокогорных лесов Центральной Африки (осталось 880 особей), золотистохвостые шерстистые обезьяны – во влажных тропических лесах в Андах (не более 250 особей), эфиопский волк – на утесах горы Рифт-Вэлли (442 особи), а кучка южных японских китов (350 голов) плавают вдоль атлантического побережья Северной Америки. Некоторые виды представлены менее чем сотней особей: к примеру, новозеландских дельфинов мауи осталось всего 55, а североафриканских белых носорогов – лишь шесть (все в неволе). Эти виды не объявлены вымершими, но их численность вызывает уже даже не тревогу, а отчаяние.

Самоуничтожение до победного конца

В своей знаменитой статье 1968 года Гаррет Хардин ввел понятие «трагедия общинного поля». Человек, заметил он, будет пасти скот на общинном пастбище, пока не истощит его полностью и не сделает непригодным для всех. Корова, выходящая пасться, приносит выигрыш лишь одному, тогда как издержки являются общими. Соответственно, «здравомыслящий скотовод приходит к выводу, что единственный разумный образ действий в его случае – пополнить свое стадо еще одной головой скота. А потом еще одной. И еще... И к этому самому выводу приходит каждый здравомыслящий скотовод, имеющий доступ к общему пастбищу», – писал Хардин.

Ответственность за ряд проблем человечества, подобных описанной Хардином, лежит на каждом из нас. Скажем, уровень шума в ресторанах и ночных клубах Манхэттена, таких как клуб Biergarten в отеле Standard, может превышать 84 децибела – больше, чем от скоростного трамвая. Кто виноват? Каждый клиент вносит большой или меньший вклад в общую какофонию, совсем как каждый скотовод – в описанную Хардином трагедию общинного поля.

Но есть немало общественных проблем, имеющих конкретных виновников. Это уже не «каждый скотовод», а относительно немногочисленная группа скотоводов-эгоистов, отнимающих пастбища у всех остальных. В книгах по экономической теории и деловому администрированию люди, постоянно подрывающие взаимодействие группы, называются «паршивыми овцами».

Если взять в качестве группы изумительное разнообразие населяющих Землю биологических видов, а взаимодействием назвать их совместное существование, то паршивой овцой окажется человечество. Человек выделяется на фоне всех остальных обитателей планеты как особенно мощная разрушительная сила. Аналогично, есть люди, которых выделяет даже из общей массы людей то зло, которое они причиняют. Наша эпоха названа антропоценом по совокупному воздействию всего человечества, однако не все люди в равной мере потребляют ресурсы или загрязняют среду обитания.

Возьмем антропогенное изменение климата. Развитые страны, в том числе США, во второй половине XX века спровоцировали катастрофическое увеличение содержания углекислого газа в атмосфере. Если рассмотреть распределение выбросов по странам, главными виновниками оказываются Соединенные Штаты и Китай (причем лишь два десятка стран в ответе за 75 % общемировых выбросов). Если быть точнее, на долю богатейших 10 % человечества приходится около 50 % загрязнения атмосферы Земли вследствие использования ископаемых углеводородов.

В научной статье 2013 года были приведены доказательства того, что всего лишь 90 корпораций (часть которых являются государственными) обеспечили почти две трети зафиксированных за всю историю наблюдений выбросов углекислого газа и метана^[45]. То есть мы в разной мере ответственны за парниковый эффект. «Согласно новым научным данным, за изменение климата отвечают 7 млрд главных виновников», – иронизирует *The Onion*. Но перекладывать вину на индивидов-потребителей нечестно и бесполезно! Нечестно, поскольку богатейшие из этих семи миллиардов загрязняют атмосферу несопоставимо больше, чем беднейшие. А бесполезно, потому что даже если бы все люди отвечали за выбросы в равной мере (а это не так), все равно на первый план должны были бы выйти корпорации. Ведь именно они загнали нас в систему, основанную на сжигании ископаемых углеводородов, на которой и зиждется их сверхдоходы. Нефтегазовое лобби блокирует принятие правительством США (и других стран) любых законов, чреватых потерей прибыли, – отмену субсидий, введение «углеродного» налога, финансирование возобновляемой энергетики или ратификацию

Киотского протокола. Chevron – ответственная за 3,5 % всемирных выбросов углекислого газа и метана за последние полтора столетия – только в 2008 году раздала американским политическим группировкам \$1,1 млн, и 75 % этой суммы достались республиканцам, многие из которых в публичных выступлениях и в ходе своей политической деятельности отрицают факт антропогенного изменения климата.

В книге «Торговцы сомнениями» (*Merchants of Doubt*, 2010) Наоми Орескес и Эрик Конвей утверждают, что «маленькие группы людей могут оказывать огромное негативное воздействие, особенно если они организованны, целеустремленны и имеют доступ к власти»^[46]. Особая «порода» паршивых овец, о которых шла речь в этой книге, – ученые, в большинстве своем физики, получившие во время холодной войны правительственные должности, а заодно престиж и рычаги влияния. По мнению Орескес и Конвея, такие ученые, руководствуясь безжалостной либертарианской идеологией, посеяли фальшивые сомнения по поводу связи между курением и раком, сжиганием угля и кислотными дождями, использованием ископаемых энергоносителей и климатическими изменениями, оказав значительное влияние на научную дискуссию по этим вопросам.

Асимметричное и непропорциональное влияние наблюдается повсеместно. В США живет 5 % населения Земли – и содержится 25 % всех заключенных мира. В рядах Господней армии сопротивления, повстанческой группировки Северной Уганды, около 250 бойцов, но из-за них беженцами стали 440 000 человек. Дикие уличные столкновения после политических мероприятий или спортивных матчей, как правило, происходят самое большее из-за 10 % людей в толпе^[47]. Средний американец съедает в год 122 кг мяса, а житель Бангладеш – меньше двух.

Бизнес в сфере здравоохранения устроен так же: некоторые пациенты оказывают на систему несоразмерное воздействие. Один врач из Камдена (штат Нью-Джерси), проанализировав данные за пять лет, обнаружил, что всего 1 % от 100 000 человек, воспользовавшихся услугами городской системы здравоохранения, освоили 30 % затрат на нее. (Одного пациента госпитализировали за это время 324 раза, а самый дорогостоящий пациент обошелся городу в \$3,5 млн^[48].) Чрезмерное и неоправданное применение антибиотиков ведет к появлению резистентных штаммов, что имеет потенциальный эффект на всех нас. Туберкулез с широкой лекарственной устойчивостью превратился в серьезную общемировую проблему из-за того, что относительно малое число людей не прошли курс лечения до конца. Люди, отказывающиеся делать прививки своим детям, рискуют превратить их в носителей или жертв инфекционных заболеваний. Почти искорененный полиомиелит все еще остается угрозой, поскольку его очаги сохраняются в Афганистане, Пакистане и Нигерии, где имеются религиозные группы, отвергающие вакцинацию. (В начале 2013 года боевики убили девятерых врачей, которые делали прививки от полиомиелита, в двух медицинских центрах на севере Нигерии.)

Идет ли речь о выбросах парниковых газов, поддержании тишины в читальном зале или распространении инфекционных заболеваний, относительно малочисленные паршивые овцы грозят навредить всему стаду. Но, возможно, противоположное так же верно? Да, есть среди нас паршивые овцы, презирующие нравственные нормы и не желающие сотрудничать, но есть и агнцы, которые мобилизуют остальных на совместные свершения и оздоровление нравов. Увы – особенно касаясь кооперации, – иные козлища настолько злобны и воздействие их настолько разрушительно, что никакие агнцы, сколь угодно благонамеренные, не способны нейтрализовать его.

Паршивые овцы и редкие виды

Бывают такие проблемы, вызвать которые способна и горстка паршивых овец. Например, небольшая группа людей способна начисто стереть с лица земли редкие и исчезающие биологические виды. В нынешнем сокращении численности неперелетных и перелетных птиц в Европе главным образом повинны жители Республики Мальта (страна – член ЕС с самым маленьким населением), Кипра и Италии, где распространена охота на пернатых. Птиц подстреливают и ловят в силки зачастую чтобы зажарить и съесть, причем многие гибнут во время коротких остановок, когда совершают тысячекилометровые перелеты^[49]. Относительно немногочисленная группа коллекционеров, главным образом из Японии, покупает около 15 млн жуков-рогачей ежегодно, цена некоторых экземпляров доходит до \$5000^[50]. А гурманы из Франции, США, Бельгии и Люксембурга импортируют из Азии огромное количество лягушачьих лапок^[51].

Что толкает паршивых овец на антисоциальные поступки? В 2007 году группа ученых под руководством биолога, специалиста по охране окружающей среды Фрэнка Куршана посетила мероприятие в роскошном парижском отеле, чтобы опросить три сотни человек, какую икру они предпочитают – «редких» или «распространенных» видов осетровых рыб. Франция потребляет много осетровой икры и вместе с несколькими другими рынками почти уничтожила мировую популяцию осетра. (Представьте себе, убийство рыбы ради поедания ее будущего потомства противоречит концепции самодостаточной устойчивости среды обитания!) Даже не сняв пробы, 57 % опрошенных заявили, что предпочтут икру редких рыб, а остальные не выразили определенных предпочтений – ни один не сказал, что предпочел бы икру распространенного вида. После вкусовой пробы 70 % отдали предпочтение «редкой икре». И угодили в ловушку: в действительности обе порции икры были от осетров искусственного разведения. Одна и та же икра! Достаточно было просто объявить один образец редким, чтобы большинство возжелали отведать именно его.

Но бог с ними, роскошными отелями. Как насчет рядовых потребителей? Почти аналогичные результаты группа Куршана получила, повторив эксперимент в трех крупных супермаркетах в пригородах^[52]. Ученые также провели серию экспериментов в старейшем французском зоопарке, и оказалось, что посетители готовы карабкаться по лестницам, мокнуть, проходя под оросительным устройством, и платить больше ради того, чтобы увидеть редкие виды, а не обычные. А еще они охотнее крали со стенда семена, обозначенные как «редкие»^[53].

Представители дикой природы в качестве объектов коллекционирования – это один из крупнейших черных рынков в мире. Британские любители наблюдений за птицами в естественной среде обитания также ценят редкие виды и охотно обменивались бы в Интернете информацией о необычных местах для наблюдения, однако коллекционеры птичьих яиц тут же начнут пользоваться этими сведениями, чтобы разорять гнезда. Достаточно описать новый вид, чтобы среди коллекционеров вспыхнул спрос, в чем убедились ученые, обнаружившие в Индонезии неизвестную черепаху, а в юго-восточной части Китая – геккона^[54]. С этой проблемой сталкиваются и археологи: стоит рассказать о месте находки, и там тут же появляются черные копатели и браконьеры^[55].

Редкости – недурной объект инвестиций, чем и объясняется существование рынков произведений искусства, антиквариата, старинных книг, монет и окаменелостей. Известно, что французский художник Бернар Вене выкупил часть своих ранних работ и уничтожил ради того, чтобы повысить собственную рыночную стоимость. По слухам, нечто подобное хотят проделать и коллекционеры носорожьих рогов: отправить браконьеров убивать диких носорогов,

чтобы уже имеющиеся в их собраниях рога подскочили в цене. На рынке природных редкостей погоня за раритетами приводит к самым катастрофическим последствиям. Достаточно лишь горстки коллекционеров, жаждущих ценных экземпляров, чтобы каждый, кому небезразлична судьба исчезающих видов, лишился сна.

Что говорит о паршивых овцах наука

Обычно нам не приходится много думать о кривых распределения. Но сам характер коллективных рисков – с которыми мы сталкиваемся и от которых страдаем сообща, – объясняет, почему поведение некоторых людей привлекает наше особое внимание. Возьмем, к примеру, всплеск вандализма в национальных парках США или проблемы с рецептурными наркотическими препаратами. Нас не заботят посетители, *не* вырезающие граффити на 150-летних гигантских кактусах, или врачи, *не* раздающие рецепты направо и налево. Равно и среди пользователей библиотеки нас беспокоят лишь те, кто не возвращает вовремя книги, – именно они разрушают систему в ущерб всем остальным.

Итак, в отношении коллективных проблем наше внимание приковано к людям, наименее склонным к кооперации. Это кажется само собой разумеющимся. Однако, когда я заговорила об этом с математиком Кристофом Хауэртом, он потребовал доказательств. Мы решили поискать их и поставили эксперимент, участники которого играли в игру на тему изменения климата. Мы разбили их на группы по шесть человек, каждый участник получил \$20. Все шестеро участников каждой группы должны были договориться в ходе 10 раундов пожертвовать в «фонд сохранения климата» \$60 либо с 90-процентной вероятностью потерять все деньги. При этом, договорившись, они получали право забрать оставшуюся сумму. Это вариант эксперимента на тему соблюдения общественных интересов, но со входным барьером. Самый справедливый итог – если бы каждый из шести участников группы пожертвовал половиной своих «сбережений» (\$10 из 20) ради выполнения поставленной задачи. Но достичь этого нелегко, поскольку для преодоления входного барьера требуется кооперация большинства игроков, причем ни одному из них в отдельности не под силу гарантировать успех группы.

Мы провели 20 игр и после каждой спрашивали участников, личность какого игрока они хотели бы узнать, будь у них такая возможность. (Все 120 игроков оставались анонимными, но каждому присваивался псевдоним, что и позволило нам задавать такой вопрос.) Всегда лидировал с большим отрывом самый несговорчивый, независимо от того, удавалось ли группе собрать \$60 на общее благо. Людей больше всего интересовала паршивая овца.

Другие эксперименты показали, что любители «прокатиться» за чужой счет вызывают у остальных членов группы стойкое отторжение. После того как участники эксперимента сыграли на реальные деньги, ученые предложили им выплеснуть свой гнев в отношении гипотетического нахлебника в игре на воображаемые деньги с четырьмя участниками. Гнев был тем сильнее, чем нахальнее проявлялось нахлебничество, – иными словами, зависел от степени отклонения паршивой овцы от поведенческой нормы. Эта паршивая овца раздражала респондентов гораздо сильнее, когда расщедривалась на два франка, в то время как остальные трое игроков вносили по 14, 16 или 18. Соотношение «два франка против трех, пяти или семи» вызывало гораздо меньшее возмущение^[56]. В обоих случаях взнос паршивой овцы был одинаков, но другие участники злились больше, если в сравнении с остальными он выглядел жалким. Когда речь идет об интересах группы, важно, насколько «паршива» паршивая овца.

Другой эксперимент на сотрудничество показал, что нахлебничество сильнее влияет на сотрудничество в группе, если отщепенцев один-двое, а не больше^[57]. Раздражает не проступок как таковой, а злостное пренебрежение правилами со стороны одного и того же человека или пары человек. Еще один эксперимент подтвердил, что группа быстрее расходует общественный ресурс, если в ней имеются особенно наглые и последовательные любители «дармовщины». Спорадические проявления потребительства разными участниками и в разное время не столь разрушительны. В еще одном эксперименте одна-единственная паршивая овца

снизила уровень кооперации с 50 до 20%^{58}.

Присутствие паршивой овцы провоцирует остальных членов группы на отказ от сотрудничества (а значит, они наказывают сами себя, так как в итоге проигрывают все). В одном социальном эксперименте в группу, которой было поручено совместное выполнение задания, был внедрен один ленивый горлопан, и другие ее члены быстро переняли его манеру поведения^{59}. Поведение паршивой овцы заразительно.

Главное, что заставляет нас недолюбливать паршивых овец, это неприятие несправедливости. У истоков реальных проблем, возникающих из-за недостатка совместных усилий, также часто лежит несправедливость. Но что понимается под справедливостью? Вокруг этого вопроса не утихают споры, раскалывающие человечество на политические лагеря. Как распределять ресурсы между членами группы – поровну или пропорционально тому или иному параметру: скажем, вкладу каждого, социальному статусу или доступу к информации? В 1997 году Сенат США единогласно (95 голосов «за») принял резолюцию об отказе от подписания любого соглашения по контролю выбросов парниковых газов, не содержащего пункта об «ограничении или сокращении выбросов парниковых газов развивающимися странами за аналогичный период». И хотя президент Клинтон подписал в 1998 году Киотский протокол, он так и не был ратифицирован, а в 2001 году президент Джордж Буш высказался против этого документа в связи с тем, что «он освобождает от обязательств 80 % территории Земли», является «несправедливым и неэффективным»^{60}. Правда, президент Буш забыл упомянуть о том, что указанные 80 % территории Земли не выбрасывают в атмосферу 80 % парниковых газов. Наоборот, другие государства сошлись на том, что несправедливо лишить развивающиеся страны возможностей экономического роста, достигнутого Соединенными Штатами и Европой на углеводородном топливе и сырье. Более того, США были и остаются одним из крупнейших источников выбросов парниковых газов на душу населения. В 2011 году примеру США последовала Канада, официально отказавшаяся от выполнения условий Киотского протокола. Министр охраны окружающей среды в связи с этим заявил, что Канада могла бы участвовать в этом соглашении, лишь если бы к нему присоединились все крупнейшие загрязнители воздуха^{61}. Пример паршивых овец действительно заразителен!

Как пристыдить паршивую овцу

Когда речь идет о глобальных проблемах, таких как изменение климата или сокращение биологического разнообразия Земли, закрывать глаза на существование паршивых овец нельзя. Их присутствие – угроза для всех нас. Но справиться с ними, давя на чувство вины, невозможно, поскольку, пока буквально каждый, кого это касается, не проникнется виной и не откажется от разрушительного поведения, надежных результатов ожидать не приходится. Можно и нужно задаваться вопросом, как заставить паршивую овцу превратиться в нормального человека. Однако большинство всеобщих проблем, будь то климатические изменения, истребление носорогов или охота на перелетных птиц, настолько остры, что ждать перерождения под влиянием чувства вины попросту некогда.

Коллективные проблемы требуют решения с помощью чего-либо более действенного, чем личное нравственное чувство, – с помощью инстанций, располагающих серьезными инструментами воздействия. В отношении большей части сложных коллективных проблем паршивых овец нужно наказывать по-настоящему строго. По законам военного времени изменников и дезертиров даже казнят – их проступки грозят подорвать успех военных действий всей армии. Если же официальное наказание отсутствует, единственным средством воздействия для группы остается стыд. Отсутствие формальных наказаний – вот основная причина, по которой стыд до сих пор остается одним из самых сильных инструментов сдерживания в международной политике.

В условиях эксперимента боязнь социального отторжения не позволяет участникам игр на кооперацию брать пример с паршивой овцы^[62]. В ходе собственного эксперимента мы увидели, как, желая избежать позора, люди идут на сотрудничество и жертвуют больше денег в общий котел. И на международном уровне с помощью негативной огласки страну-отщепенку принуждают следовать общим курсом. Поскольку в отношении острейших коллективных проблем всегда кто-то поступает как паршивая овца, а формальные инструменты наказания отсутствуют, есть все основания задействовать стыд – разумеется, осмотрительно и умело.

Стыд чрезвычайно тесно связан с поведенческими и нравственными нормами, которые призван укрепить, а значит, важно разобраться, что превращает норму в закон. Ведь нормы бывают разными – одни закрепляются легко, другие – трудно, одни оказываются преходящими, другие укореняются всерьез и надолго. Выступая в 1965 году перед жителями Монтгомери (штат Алабама), Мартин Лютер Кинг провозгласил: «Дуга нравственной вселенной, пусть медленно, но склоняется к справедливости» – и сам же задался вопросом: «Но насколько медленно?» Всего через четыре года в Мемфисе (штат Теннесси) Кинга убили. А еще через четыре десятилетия президентом США впервые стал чернокожий.

Многие были убеждены, что рабство вечно, женщины обречены быть домохозяйками, а чернокожему никогда не стать президентом. Но времена меняются, нравственные нормы постоянно эволюционируют, и, следовательно, задача стыда в принципе не может быть решена раз и навсегда. Нет и не может быть инструкций по гарантированному превращению требования морали в требование закона – иначе мир был бы совсем иным. Некоторые нормы, в том числе кооперация, справедливость и честность, одними из первых пробудили в человечестве стыд. К настоящему времени появилось великое множество других норм, как преходящих, так и устойчивых. В следующей главе мы поговорим о том, как нормы становятся общепринятыми и какую роль в этом играет стыд.

Глава 5

Как нормы становятся общепринятыми

Такие вот дела! Ничто не останется прежним.

Тунак Шакур. Changes (1998)

В 2008 году, за считанные недели до избрания очередного президента США, Барак Обама принял участие в «Ежедневном шоу Джона Стюарта». Ведущий спросил: «Рейтинг у вас высокий, но как насчет эффекта Брэдли – знаете, что белые избиратели на соцопросах могут отвечать, будто проголосуют за афроамериканца, но на деле поступят иначе?» Стюарт поднял важный вопрос: действительно, люди нередко обещают одно, а делают совсем другое. «Верно, об этом давно уже твердят, но мы не сошли с дистанции, – ответил Обама. – Так что не знаю. Не думаю, что белые избиратели получили памятки насчет эффекта Брэдли».

Удивительно, что этот разговор по центральному телевидению об эффекте Брэдли не спровоцировал эффекта Пигмалиона – так в социологии называется феномен превращения ожиданий в самореализующееся пророчество. (Пигмалион – герой древнегреческого мифа, скульптор, создавший из слоновой кости статую прекрасной женщины и силой своего желания вдохнувший в нее жизнь.) Как показывают исследования, если обсуждать прогнозы низкой явки избирателей, многие в самом деле не идут голосовать^{63}.

За минувшие десятилетия было проведено множество исследований в области поведения человека, принятия решений и формирования поведенческих норм. Они свидетельствуют о склонности людей действовать в соответствии со своим или полученным с чьих-то слов представлением об общепринятом поведении. Точно так же мы перенимаем лексику или акцент. Если посетители лесных заповедников видят плакаты с призывами не красть окаменелое дерево, поскольку этим и так уже многие грешат, таких случаев становится только больше^{64}.

Судя по всему, одного лишь роста информированности недостаточно, чтобы изменить поведение (возможно, к изменению отношения это не применимо). Вследствие манипуляций с выбором «по умолчанию» сдвигается поведенческая норма, а ограничения выбора не происходит. В книге 2008 года «Толчок к правильному выбору: здоровье, финансы и благополучие» (Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness) специалист по поведенческой экономике Ричард Талер и ученый-правовед Касс Санстейн выступили за изменение социальных опций «по умолчанию» с целью большего соответствия общественным задачам. В качестве примера таких опций они называли личные сбережения и донорство органов. Как показало американское исследование в области личных сбережений, при трудоустройстве 30 % наемных работников принимают условия предлагаемого плана 401 (k)^{5}. Если же по умолчанию предлагался противоположный вариант – отказ от плана 401 (k), – к этой программе присоединялись уже 80 % сотрудников (не лишаясь свободы выбора, поскольку для отказа от участия в программе сбережений требовалась простейшая пятиминутная процедура)^{65}. Если вариантом по умолчанию для участия в государственной программе донорства органов является изъявление согласия – нужно оформить свое желание стать донором, – уровень донорства значительно ниже, чем в обратном случае (когда нужно написать отказ). Если согласие приходится оформлять, желающих находится меньше. В Германии такое согласие написали только 12 % граждан, а в Австралии, где опция по умолчанию – оформление отказа, донорами являются 99 % населения. В определенных

случаях можно достичь желаемого состояния общества и формирования новой поведенческой нормы, не ущемляя права граждан на выбор.

Как будет показано в этой главе, стыд – еще один действенный инструмент изменения решений и норм. К примеру, бойкот может принимать две формы: остракизм провинившейся компании на рынке и отрицательная реклама как способ пробудить чувство стыда. Вспомните автобусный бойкот в Монтгомери. Ассоциация благоустройства Монтгомери (Montgomery Improvement Association), основанная в 1955 году Мартином Лютером Кингом и Эдгаром Никсоном, сделала символом кампании Розу Паркс (секретаря общественного объединения). Первого декабря 1955 года она отказалась покинуть место в средней части автобуса и пересест в хвост салона, на места «для черных», за что была арестована. Весь следующий год продолжался бойкот автобусных линий города со стороны чернокожих жителей (при поддержке таксистов-афроамериканцев, перевозивших их со скидкой). Наконец федеральный окружной суд принял решение о неконституционности расовой сегрегации в автобусах. В этот период Кинг разъяснял, что «целью ненасильственного сопротивления является не запугивание или унижение оппонента, а завоевание его дружбы и понимания. Участнику ненасильственного сопротивления приходится выражать свой протест путем отказа от сотрудничества или бойкотом, но он понимает, что отторжение и бойкот не есть самоцель. Это лишь средство пробудить в оппоненте чувство стыда»^{66}. Стыд являлся одним из инструментов в борьбе за изменение поведенческой нормы – кому на каких местах сидеть в общественном транспорте, – а также за отказ от расовой дискриминации, нормы гораздо более общего порядка. В этой главе мы узнаем, как формируются и проводятся в жизнь общественные нормы и какую роль в том и другом случае может сыграть стыд.

Что есть норма?

Нормы бывают социальные, юридические, культурные, религиозные. Есть нравственные нормы, скажем уважение к престарелым, и традиционные, вроде использования столового серебра. Обрезание является нормой религиозной – для иудеев и мусульман, а в США еще и культурной. Ведущая правая рука – норма иного рода, биологическая: правшами являются около 90 % представителей человечества. Есть спагетти руками ненормально, но это не аморальность, а просто блажь. В формировании норм и принуждении людей к их соблюдению играет свою роль стыд.

Представление о самых ранних культурных нормах дают группы, сохранившие образ жизни доисторических предков. Антрополог Кристофер Бем изучил 53 племени охотников-собирателей, представлявших ему наиболее близкими по социальной структуре доисторическому периоду. Во всех них убийство и воровство были под запретом, неспособность к раскаянию и нанесение побоев соплеменнику оказались нарушением норм в 43 племенах, а неприятие агрессивности и жестокого обращения – в 34. Все эти социумы без исключения оказались эгалитарными – в них отсутствовали любые формы социальной иерархии, «большие шишки» с соответствующим поведением и политические союзы^{67}. В общем, ничего интересного для реалити-шоу.

Не каждая новая норма формируется на основе требований морали. Развитие разных культур подчас идет весьма прихотливыми путями, сопровождаясь возникновением разрушительных для социума форм поведения^{68}. Человечество знавало такие ритуалы, как сплющивание голов младенцев (этим занимались и неандертальцы), бинтование стоп, поедание тел умерших (вплоть до собственных детей) и уродование гениталий самыми невообразимыми способами.

Некоторые нормы разделяют все представители человеческого вида, но многие являются культурообусловленными и постоянно меняются, а значит, меняется и понятие стыда. На разных территориях, в разных группах существуют свои нормы. Я слышала от военнослужащего ВМФ США, что ни один моряк в жизни не пойдет под зонтом. Скандал с Моникой Левински оказался катастрофическим ударом по американской политике, но во многих других странах нечто подобное не вызвало бы такого резонанса. По воспоминаниям писательницы Элиф Батуман, одна московская пенсионерка по этому случаю заметила: «Ваш Клинтон – молодой мужик, здоровый и привлекательный! В чем проблема-то? Поглядите на нашего полумертвого Ельцина... Если бы оказалось, что он спит с молодой девчонкой, это был бы всенародный праздник!»^{69}

По мере появления и исчезновения норм стыд вынужденно приспособливается к изменениям. Уходит в прошлое норма – и то, что сопутствовало ей, перестает быть постыдным. Уже не стыдно быть матерью-одиночкой, поскольку с 1980-х годов число замужних женщин снижается в каждом штате. В Мексике почти четверть домохозяйств состоят из одинокой женщины с ребенком. Однополые браки – свершившийся факт во многих западных странах (но в 38 африканских государствах они запрещены). В 2013 году объявила о самороспуске группа Exodus International, 37 лет пытавшаяся исправлять геев молитвой и психотерапией.

Итак, стыд очень тесно связан с нормами. А значит, не стыд – его переживание или акт пристыживания – следует считать причиной нашего дискомфорта. В действительности наш протест вызывает норма, к соблюдению которой пытается нас призвать стыд. Во многих частях света существует традиция похищения невесты, согласно которой мужчина силой увозит

из родительского дома женщину, на которой хочет жениться. Стыд, который она сама и ее семья испытывали бы в случае ее возвращения после соращения (насильственного, предполагаемого, а в некоторых случаях и добровольного), часто заставляет ее остаться с похитителем. Однако первопричиной такого положения дел является не стыд – виновато общество, считающее похищение невесты нормой жизни.

Как формируются нормы?

Вопрос, как возникают нормы, почти не исследован. Если норма очевидна, возможно, ее породила склонность следовать примеру большинства. Увидев раковину, полную грязной посуды, человек скорее добавит свою тарелку, чем станет мыть ее^{70}. Если вокруг бардак, то он и сам будет мусорить^{71}.

Следовательно, иногда достаточно привлечь внимание к существующей норме – скажем, продемонстрировать, что другие подростки почти не пьют, а другие домохозяйства тратят меньше электроэнергии, – и масса, возможно, начнет меньше злоупотреблять спиртным и экономить электричество. Но что, если существующая норма нас не устраивает? Что, если мы видим: окружающие пьют как лошади и тратят энергию без счета? Тогда проблема не в том, чтобы убедить людей привести свое поведение в соответствие с действующей нормой, – нет, нужно заставить всех сократить потребление, то есть создать новую норму.

В формировании новых норм стыд действеннее вины. Вина связана с субъективной, внутренней нормой, а стыд можно использовать стратегически еще до интернализации нормы, что особенно важно в отсутствие официальных санкций за ее нарушение или в период, предшествующий оформлению законов. Общественные программы по санитарному оздоровлению окружающей среды, начавшиеся в 2000 году в сельскохозяйственной Бангладеш и подхваченные Индией, Индонезией и африканскими странами (по данным сборника научных трудов 2011 года «Вопросы утилизации отходов жизнедеятельности», *Shit Matters*), сделали постыдной привычку испражняться где попало. Началом многих программ стал так называемый «позорный обход», во время которого местные жители смотрели, сколько человеческих фекалий попадет на пути. Иногда кучки отмечались табличкой с именем «автора». В некоторых общинах после такого обхода и разъяснений, что фекалии порождают вспышки заболеваний, лидеры кампании высвечивали фонариками нарушителей, справлявших нужду за околлицей в темное время суток. Программа стремилась не воевать с существующим неприятием пользования уборными, а перенаправить это неприятие на дефекацию в неположенных местах. (Первыми обычно перевоспитывались женщины.)

Перенаправление отвращения может стать важнейшим элементом формирования новой нормы, поскольку эмоции, как нам теперь известно, очень прочно связаны с поведением. Для изменения норм также важно понимать метанормы культуры, которые могут использоваться для закрепления и продвижения новых норм. В западных культурах такие метанормы, как непричинение вреда и справедливость, выступают еще и в качестве нравственных основ – об этом подробно написано в книге психолога Джонатана Хайдта «Добродетельное сознание» (*The Righteous Mind*, 2012). В значительной мере именно они задают представление о нравственном поведении, и нормы, сформированные на этой основе, имеют большой потенциал объединения масс на общее дело. Другая значимая составляющая процесса установления нормы – управление.

Кто продвигает нормы?

Отдельные люди не могут регулировать общественные нормы, однако некоторые оказывают на них больше влияния, чем остальные. Ученый-правовед Касс Санстейн называет людей, играющих значительную роль в изменении поведения других, «нормоустроителями». К этой категории относятся Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг, Рэйчел Карсон, английский шеф-повар Джейми Оливер, индийский политический деятель Мекхай Виравайдья, также известный как Мистер Презерватив, инициировавший у себя на родине движение за планирование семьи. А вот результаты поведенческого исследования, связанного со сбором вторсырья. В городских кварталах, где нашелся лидер, сообщающий соседям о днях сбора сортированного мусора, собираемость в два с лишним раза выше. Нормоустроители могут и эффективно использовать стыд, поскольку к ним прислушиваются и им доверяют.

Эти люди необязательно знаменитости, но они обязательно должны пользоваться уважением. И взрослые, и дети предпочитают слушать, наблюдать и учиться у людей, добившихся своего статуса благодаря дарованиям и успеху, проявлениям уверенности и опыта^{72}. Авторитетные фигуры сильнее влияют и на убеждения окружающих. В ходе соответствующего эксперимента две группы студентов познакомились с данными исследования о проценте списывающих среди учащихся. Одной группе сказали, что это исследование проводил профессор, а другой – что это был студент, но сами данные в обоих случаях были одинаковыми. Затем каждый участник эксперимента дал собственную оценку числа списывающих соучеников. Эти оценки были значительно выше и больше соответствовали сообщенной, если студенты считали автором исследования профессора. По крайней мере в данном случае профессор оказался для учащихся более влиятельной фигурой, чем свой брат-студент^{73}. Авторитетные фигуры влияют на убеждения несопоставимо сильнее, чем рядовые граждане, не только в силу более высокого социального положения, но и благодаря более широкому социальному охвату. Один из китайских исследователей заметил: поскольку Конфуций высказал мысль, что из среды образованных людей должны выходить верноподданные чиновники, найти среди китайцев желающих участвовать в научных экспериментах очень непросто^{74}.

Однако даже авторитетный или влиятельный одиночка не гарантия изменения нормы, тем более скорого. Дарвин писал о вожде, безуспешно пытавшемся убедить соплеменников отказаться от болезненного обычая выбивать два верхних резца. Многие персоны, ныне считающиеся нормоустроителями, например Роза Паркс и Нельсон Мандела, поначалу воспринимались как бунтари. На протяжении всей жизни они выдерживали беспрецедентное давление общественного внимания, а на воплощение их идей в жизнь потребовались десятилетия. Трое военнослужащих армии США, обнародовавших трагедию вьетнамской деревни Сонгми, поначалу подверглись остракизму. Через 30 лет они были награждены медалями и выступали перед солдатами, рассказывая им, что такое этика.

Нормоустроители не обязательно должны быть индивидами. Правительства также могут играть ведущую роль в формировании и принятии норм. Приведем в качестве примера отделение церкви от государства, политику Мао Цзэдуна «одна семья – один ребенок» и введение 350-долларового штрафа за автомобильные гудки на Манхэттене. Как отмечает профессор права Эрик Познер, «официальные заявления чрезвычайно важны, поскольку к властям приковано внимание всей страны, следовательно, им очень легко формировать главные темы [общественной повестки дня]»^{75}. Слабость армий скандинавских стран не мешает им выступать нормоустроителями в вопросах охраны окружающей среды,

урегулирования конфликтов (особенно в период холодной войны) и оказания помощи иностранным государствам^{76}.

Нормоустроителями могут быть также религиозные группы и организации, занимающиеся защитой окружающей среды и борьбой за гражданские права. И даже банки. Вплоть до середины 1970-х существовал строгий негласный запрет на финансирование и консультирование банками Уолл-стрит недружественных поглощений – насильственных приобретений одними компаниями других. Конец этой норме положил в 1974 году банк Morgan Stanley, приняв участие в захвате ESB (бывшей Electric Storage Battery) корпорацией International Nickel. В то время Morgan Stanley считался, как отмечалось в статье 1981 года в *New York Times*, «ведущей инвестиционной банковской структурой на Уолл-стрит», и благодаря его престижу решение спонсировать International Nickel стало «знаковым событием, после которого недружественные поглощения стали чем-то вполне допустимым»^{77}.

Стыд можно переживать и на коллективном уровне

История с негласным запретом финансирования недружественных поглощений демонстрирует возможности стыда влиять на группу. Пусть учреждения не могут испытывать стыд, как чувствуют его люди, они тем не менее меняют образ действий, чтобы избежать негативной рекламы или нейтрализовать последствия огласки. До легализации недружественных поглощений банком Morgan Stanley, пишет профессор права Дэвид Скил, «банк, нарушивший эту норму, был бы ославлен собратьями по отрасли» (если только это, как мы видим, не Morgan Stanley)^{78}. Вот более свежий пример: Совбез ООН и другие группы осудили ряд компаний, преимущественно европейских, которые импортировали минеральное сырье из Африки, покупая их у корпораций, непосредственно финансирующих и поддерживающих конфликты. Стыд, в отличие от вины, может эффективно использоваться группами и против групп с целью изменения норм.

С помощью стыда даже маленькие, но пользующиеся доверием группы могут противостоять крупным организациям и целым странам. Хотя какая-то польза от глобализации: достаточно цельное сообщество во всемирном масштабе, члены которого придают как никогда большое значение репутации. Некоммерческим организациям с помощью стыда удалось убедить правительство США отменить наказания несовершеннолетних правонарушителей. В частности, Amnesty International и другие общественные организации привлекли внимание к тому факту, что с 1990 года наказания к несовершеннолетним применяются, кроме США, только в семи странах – Бангладеш, Иране, Ираке, Нигерии, Пакистане, Саудовской Аравии и Йемене. Не самая завидная компания! В 2005 году Верховный суд США пятью голосами против четырех отменил такие наказания. Стыд может быть действенным и на групповом уровне – и очень действенным, если правильно выбрать момент.

Еще одна популярная тема исследований – как влияет на нормы рынок, хотя лучше изучен вопрос о влиянии рынков на поведение индивидов, а не групп. В целом свободный рынок располагает к взаимному доверию людей, которые не знакомы друг с другом и, вероятно, больше не встретятся. Исследования также свидетельствуют, что в странах с экономикой рыночного типа люди охотнее готовы платить в качестве наказания за недозволенное поведение^{79}. В отдельных случаях новые нормы развиваются под влиянием денежных стимулов: например, домохозяйства начинают экономить электроэнергию, однако с прекращением материального стимулирования заканчивается и экономия. Налоги также могут эффективно менять поведение, как это произошло с курением во многих странах и с уличным движением, по крайней мере в Стокгольме. Мы уже знаем, что стимул – штука действенная, однако действие это зависит от характера стимула и может оказаться непредсказуемым.

Если перевести определенное поведение в сферу рыночных отношений, можно нейтрализовать все прочие побуждающие мотивы, фактически подрывая человеческие ценности. Широко известно исследование на базе десяти детских садов в израильском городе Хайфа. После четырех недель наблюдения за родителями экономисты установили, что в среднем в каждом центре восемь раз за неделю кого-то из детей забирают позже установленного времени. На пятой неделе в шести центрах был установлен штраф в размере \$3 за опоздание на 10 минут и более. Эта сумма добавлялась к месячному счету (около \$380). И количество опозданий в этих центрах моментально увеличилось до 20 в неделю – более чем в два раза по сравнению с центрами, где штраф не вводился. По прошествии восьми недель экспериментаторы убрали штраф и попытались вернуть ситуацию на круги своя, однако число опаздывающих за детьми родителей оставалось высоким^{80}. Перевод отношений в рыночную плоскость сместил социальную норму: денежное наказание оказалось менее болезненным, чем давление вины или стыда. Когда за поведение, воспринимаемое большинством как недопустимое, назначается плата, проблема лишь усугубляется.

Углубиться в эту проблему позволил эксперимент 2013 года, участники которого могли на выбор спасти жизнь живой мыши или получить живые деньги. Во вне рыночных условиях 46 % участников за 10 евро согласились на то, чтобы мышь была убита. Затем экспериментаторы воссоздали условия рынка: продавцы получили власть над жизнью мыши, а покупатели – возможность предложить за эту жизнь цену. Если двое игроков сходились в цене, продавец получал назначенную сумму, а покупатель – 20 евро за вычетом этой суммы, и мышь убивали. (В случае несостоявшейся сделки оба игрока не получали ничего, а мышь оставалась живой.) В этих условиях количество участников, согласившихся на убийство животного за 10 евро или меньше, увеличилось до 72%^{81}.

Можно ли с помощью рыночных механизмов подкрепить желательное поведение, вместо того чтобы стимулировать нежелательное? В поисках ответа на этот вопрос экономист из Гарварда Роланд Фрайер поставил масштабный эксперимент, охвативший 203 школы в трех крупных городах. Заставит ли денежное вознаграждение лучше учиться детей из неблагополучных семей национальных меньшинств, создав таким образом новую социальную норму? В Далласе члены его команды платили второклассникам \$2 за каждую прочитанную книгу. В Нью-Йорке учащиеся четвертых и седьмых классов получали деньги по результатам 10 тестов. В Чикаго девятиклассники каждые пять недель могли заработать на хороших оценках по пяти изучаемым предметам. В ходе эксперимента, продлившегося полный учебный год, 27 000 учащихся было выплачено в общей сложности \$9,4 млн. Еще до его окончания Фрайер

начал рассказывать о нем публично, в том числе в 2008 году в телепрограмме «Отчет Кольбера». Тогда ведущий Стивен Кольбер заметил: «Отличная идея! Вот и польза от свободного рынка – он приохотит детей к учебе».

Впрочем, радость была недолгой. В 2011 году Фрайер опубликовал результаты эксперимента, доказавшие, что денежное вознаграждение – и за чтение, и за тесты или оценки на уроках – не оказали никакого или почти никакого влияния на успеваемость, да и по собственным оценкам учащихся их прилежание не повысилось^[82]. С тем же результатом завершились программы выплат врачам за улучшение состояния здоровья пациентов и забеременевшим девушкам-подросткам – за то, чтобы больше не беременели.

Некоторые нормы не для продажи. Тем не менее мы дожили до того, что заключенные американских тюрем могут за деньги обустроить камеру по своему вкусу, туристы – фотографировать животных исчезающих видов, а бездетные пары – нанимать индийских женщин в качестве суррогатных матерей. По словам специалиста по политической философии Майкла Сэндела, «рыночное мышление вымывает нравственную аргументацию из общественной жизни», а мы ныне живем не в рыночной экономике, а в рыночном обществе. «И вот в чем разница, – поясняет философ, – рыночная экономика – это средство, ценный и эффективный инструмент организации производственной деятельности. А рыночное общество – образ жизни, в котором рыночные ценности пронизывают буквально каждое начинание человека»^[83]. Сегодня нормы имеют рыночную стоимость, а между тем иные из них могут (и должны) оставаться бесценными.

Принуждение к соблюдению норм

Исследований на тему формирования новых норм не так уж много, но вопрос о том, как реализуются уже существующие, изучен гораздо лучше. Например, для того чтобы поступить согласно норме, достаточно бывает знать, что за вами наблюдают, – это так называемый эффект аудитории. Многие животные отчетливо осознают свое социальное окружение, и наличие свидетелей служит для них стимулом к изменению поведения. Это порой наблюдается даже при межвидовых взаимодействиях. Эксперименты показали, что собаки значительно реже воруют еду, когда за ними наблюдают люди^[84].

Даже шансы на излечение от туберкулеза возрастают при наличии наблюдающей стороны. Симптомы этого заболевания обычно перестают проявляться в первые две – четыре недели лечения, и многие пациенты, почувствовав себя здоровыми, перестают принимать лекарства, вследствие чего развиваются резистентные формы туберкулеза и сохраняется опасность заражения других людей. Решить эту проблему помогает простейшая программа, эффективность которой была подтверждена ВОЗ: нужно, чтобы кто-то смотрел, как пациент принимает таблетки. (Звонок таймера менее эффективен, чем присутствие наблюдателя^[85].)

Как показывают эксперименты, люди тратят меньше электричества в быту, если с ними об этом говорить, больше жертвуют на благотворительность, зная, что кто-то сравнивает свое пожертвование с их суммой, и проявляют больше великодушия, прослушав проповедь^[86]. В других экспериментах удалось заставить трехлетних детей не хитрить (им не велели открывать «запретную коробку» и оставляли в одиночестве) – малышкой просто предупредили, что в комнате есть невидимая принцесса^[87]. Стоит появиться наблюдателю, и люди меньше мусорят в университетском кафетерии^[88], охотнее убирают за собой на автобусных остановках^[89] и дают больше денег партнеру по игре «Диктатор»^[90].

Однако, как показывают долгосрочные исследования, со временем эффект наблюдателя ослабевает. В ходе экспериментов в баптистских церквях в Нидерландах закрытые ящики для пожертвований были заменены корзинами, и каждый прихожанин мог видеть, кто сколько кладет и сколько денег уже находится внутри. Пожертвования увеличились на 10 %, число мелких монет уменьшилось. Но вот другой результат: с каждой следующей неделей эффект перехода к открытой корзине снижался и к 29-й неделе исчез совсем^[91]. Во многих городских агломерациях были внедрены системы охранного видеонаблюдения с целью предотвращения преступлений. Около половины этих проектов действительно снизили уровень преступности, но лишь на время. Во многих случаях, например в лондонском метро, их эффективность ослабевала или пропадала всего за год^[92].

Отчасти эффект аудитории объясняется напоминанием о возможности наказания. Если же наказания не происходит, он сходит на нет. На всех уровнях социальной организации человечества наказание используется для принуждения к следованию нормам и само, в свою очередь, является нормой. Судя по данным исследований, наказание отступников от норм воспринимается людьми с удовлетворением, возбуждая те же, связанные с вознаграждением, зоны головного мозга, которые активизирует получение денежного приза^[93]. Невозможность наказания сама по себе воспринимается как нечто постыдное. Журналист Гленн Гринвальд назвал «отсутствие хотя бы одного ареста или осуждения кого бы то ни было из банковских шишек с Уолл-стрит за систематическое мошенничество, спровоцировавшее финансовый кризис 2008 года... одним из крупнейших и постыднейших провалов администрации Обамы»^[94]. (Гринвальд писал эти строки в 2013 году. В 2014-м один банковский руководитель был-таки

приговорен к реальному 30-месячному тюремному заключению^[95].)

Наказание играет важную роль в возникновении и закреплении норм, и не только среди людей. Исследователи сформировали у крыс норму – не есть пятый кусочек корма, – наказывая их пугающим хлопком в ладоши и криком. Однако если экспериментатор выходил из комнаты, то крысы после четвертого кусочка поднимались на задние лапки, принюхивались и доедали корм. Следовательно, норма – не есть пятый кусок – была создана и поддерживалась исключительно страхом наказания, но не превратилась у крыс во внутренне обусловленный стереотип поведения^[96].

Наказание играет важную роль и в связи с такой нормой, как честность. Некоторые системы коммуникации относительно лучше приспособлены для введения в заблуждение. Специалисты по эволюции Майкл Лакман и Карл Бергстром математическими методами доказали, что самая манипулятивная система коммуникации – это человеческая речь, поскольку путем сочетаний слов можно создавать новые смыслы, и возможностей сказать неправду бесконечно много^[97]. Вследствие этого человеческим сообществам необходимы строгие нормы честности и суровые наказания за отступление от них. Наказания за обман существуют и среди животных. Это доказал эксперимент с птицами, о котором рассказал в 1977 году журнал *Behavior*.

Зиверт Ровер, специалист по поведенческой экологии, изучил принуждение к норме честности среди воробьев Харриса, звонкоголосых певчих птичек, ведущих перелетный образ жизни в глубине Северо-Американского континента. Прочтя в разделе «Методика исследования» научной статьи, что автор «чрезвычайно обязан дамам из Школы красоты *Styms*», я просто не могла не познакомиться с этим ученым. Чтобы больше узнать о его фундаментальном труде с использованием знаний о колористике я встретила с Ровером в его кабинете в Университете Вашингтона. Кабинет загромождали 12 картотечных шкафов с такими надписями: «Орнитология», «Фотографии линьки», «Данные» и «Люди».

Для начала несколько слов о воробьях Харриса. С виду это милейшие создания, но живут они в условиях сурового авторитаризма. Самые старшие самцы – доминантные, занимающие господствующее положение в иерархии. Чем больше и ярче черное пятно на горле, тем выше статус самца и тем раньше он получает доступ к пище, особенно скудной в зимние месяцы. Весной, когда корма достаточно, все самцы демонстрируют признак высокого статуса – большое пятно из черных перышек на горле. Но только до осени, когда воробьи линяют и мигрируют на юг. Тогда перья на горлах самцов меняются соответственно положению каждого в иерархии – большое пятно у доминантных самцов, обычно старших, поменьше – у подчиненных, которые по-прежнему составляют компанию доминантным, но пробавляются лишь крохами с их стола. Доминантные самцы имеют и первоочередной доступ к лучшей территории, например к лужицам талой воды возле навеса – так выглядит элитная недвижимость в представлении зимующих воробьев. Зато, поясняет Ровер, «подчиненным птицам не приходится драться, а значит, и проигрыш им не грозит».

Однако отрастить черные перья нетрудно. Весной это делает каждый воробей. Так стоит ли честно сообщать о своем низком статусе осенью? Темные перья ничего не стоят, как и тестостерон, так почему бы не обзавестись тем и другим в больших количествах? Чтобы выяснить причины воробьиной честности, Ровер решил попытаться обмануть стаю. «Я думал, что смогу создать мошенников, – объясняет он. – Но ничего не вышло».

Чтобы превратить первых в последних, нужно было лишить виднейших самцов их отличия – черного пятна на горле. Ровер попробовал перекись водорода, но «она не справилась», а «бытовой пятновыводитель съедал перья начисто». Тут-то Ровер и обратился к помощи дам из школы красоты, которые «были рады помочь, потому что другие ученые уже спрашивали у них, как красить крупный рогатый скот». Косметологам удалось обесцветить переливчатые черные перья до рыжего или соломенного цвета. Перекрашенные птицы становились чрезвычайно агрессивными, поскольку сородичи уже не признавали в них «царей горы», и нападали на других в три раза чаще, чем до косметической процедуры. Так и не добившись желаемого признания, птицы вынуждены были, как писал в статье Ровер, «жить в неприветливом мире».

Но подлинная драма развернулась вокруг тех птиц, которых Ровер рассчитывал вознести из грязи в князи. В зимний период он подкрасил косметической краской (Redken Custom Creme Colour, оттенок 151, иссиня-черный) горло и хохолки на голове восьми птиц, так чтобы они выглядели как «альфы половозрелых самцов». Но воробьиное сообщество основано на жесткой кастовой системе, подняться по ступеням которой не так-то просто. За исключением одной,

перекрашенные под альфу птицы подверглись преследованиям со стороны сородичей и были изгнаны из стаи. Воробьи Харриса обычно не живут поодиночке, и до перекрашивания никто из них не прилетал на места откорма в Канзасе в одиночестве. Но после вмешательства Ровера «четыре из перекрашенных птиц почти всегда наблюдались в одиночестве или были отеснены на периферию кормового участка и держались вне основной группы соплеменников». Ровер создал касту неприкасаемых.

Так ученый доказал, что социальные сигналы подвергаются проверке и что передвижение вверх по социальной лестнице обставлено строгими правилами. Мошенничество среди воробьев пресекал сам социум путем насилия и остракизма. (У воробьев нет системы негативной огласки, вызывающей то, что мы называем стыдом.) Обратите также внимание на несимметричность ответа: птиц наказали лишь за попытку (еще и не по своей воле совершенную) незаслуженно обрести более высокий статус, тогда как за переход на ступень ниже наказания не последовало. Но кто захочет занять более низкое положение?

Эксперимент был поставлен остроумный, но оказался весьма жестоким. Я спросила Ровера, не жалел ли он, что вмешался в социальную структуру воробьиной стаи. Он ответил: «Я отстреливал птиц для музея и никаких угрызений совести не испытывал. Но тогда я ничего не знал о каждой птице в отдельности. После того как я пометил тех птиц, познакомился с ними поближе, а затем провернул эту процедуру, было невыносимо наблюдать, как они терпят обиды от собратьев». Результаты исследования Ровера получили повсеместное признание, и на них часто ссылаются^[98].

Наказание играет в соблюдении норм решающую роль. Причем оно может быть накладным как для карателя, так и для отступника. Поэтому обществу имеет смысл задуматься о снижении издержек. Воробьям, по-видимому, было менее накладно наказывать путем остракизма, а не избиения. В человеческих обществах стыд обходится дешевле физического наказания, а вина – еще дешевле стыда, поскольку в последнем случае принуждение к следованию норме не требует присутствия аудитории. Однако, как мы узнали из этой главы, стыд полезнее вины благодаря своей уникальной способности формировать новые нормы, а также большей действенности при принуждении к соблюдению норм. Стыд может проявляться и на коллективном уровне, что позволяет воздействовать с его помощью на группы, соответственно, быстрее меняя поведение. В следующей главе мы поговорим о факторах, влияющих на эффективность стыда.

Глава 6

Семь навыков высокоэффективного воздействия стыдом

Бедный стыд, несправедливо забытый, такой несексуальный и немодный, – и до зарезу нужный для обновления.

Уильям Иэн Миллер. Унижение (Humiliation, 1993)

Рассмотрим два примера воздействия стыдом. В первом случае житель калифорнийской Санта-Моники ославил тайский ресторан на сайте Grpe – согласно рекламе, «самом правильном ресурсе по поддержке прав потребителей эпохи «Твиттера»» – за опоздавшую на 30 минут доставку. По оценкам Grpe, который относится к категории социальных сетей и ресурсов с обзорами, эта жалоба могла повлиять на 260 000 человек через посредство почти 2000 друзей автора и пользователей, сделавших комментарии к его записи. Во втором случае речь идет о сайте, созданном Институтом политэкономических исследований (Political Economy Research Institute) при Массачусетском университете в Амхерсте. С опорой на правительственные данные, сайт опубликовал список 100 американских корпораций, сильнее всего загрязняющих атмосферу (с учетом не только объема выбросов, но и токсичности, а также числа людей, проживающих в опасной близости от мест загрязнения). Список 2013 года возглавили Precision Castparts, DuPont, Bayer Group, Dow Chemical и ExxonMobil. В рейтинг попали и крупные частные фирмы, например Koch Industries, занявшая 15-ю строчку. Как мы узнаем далее из этой главы, составление онлайн-списка сотни злостных загрязнителей воздуха гораздо ближе к семи навыкам высокоэффективного воздействия стыдом, чем жалоба на запоздавшую доставку тайской еды.

Напомню, что смысл стыда не в полной открытости, когда поведение каждого становится достоянием всех. Чтобы вызвать стыд, нужно выставить отступника на обозрение лишь части социума. Что же конкретно подразумевается под эффективным применением стыда? Стыд задействован оптимально, если нарушитель из страха перед ним пересмотрел свое поведение и остался частью социальной группы. В некоторых случаях, как мы узнаем из последней главы, стыд используется и для того, чтобы показать пример и сформировать норму, даже если рассчитывать на изменение подведения отступника не приходится, но другим становится понятно, что такое поведение повлечет за собой наказание. Можно эффективно использовать стыд, даже если виновный не испытывает чувства стыда, о чем свидетельствуют рассмотренные нами примеры отклика группы на позорящую информацию. В идеале стыд вызывает дискомфорт, но в результате приводит к исцелению, не оставляя шрамов. Однако дискомфорт не всегда оказывает целебный эффект. Успех при обращении к этому средству гарантировать невозможно, и стыд (как и любое другое наказание) может привести к результатам, противоположным ожидаемым.

Эффективный стыд – это не всегда стыд допустимый и безопасный. Как любое средство, стыд сам по себе не добро и не зло, но может служить как тому, так и другому. Бывает, изменить дурное поведение могло бы лишь такое воздействие, какое общество считает неприемлемым. В этой главе пойдет речь не о том, как обеспечить соответствие наказания стыдом требованиям нравственности. Мы узнаем, что делает стыд эффективным в формировании и утверждении норм, а также поговорим, как вписать этот инструмент в рамки общественно приемлемого.

(Последнее – обязательное условие эффективности, поскольку социуму отводится в наказании отступника определенная роль. Более подробно об этом говорится в последней главе.) Поэтому сейчас мы закроем глаза на проявления стыда в конкретных ситуациях и сосредоточимся на его назначении и способах применения в целом.

Стыд – мощное средство сродни антибиотику в том смысле, что его действенность во многом зависит от своевременного «приема» в нужной дозировке. С учетом того, что прибегнуть нему может каждый, все мы заинтересованы в том, чтобы оно применялось избирательно и добросовестно. Основное условие эффективного использования стыда – очевидность отклонения от нормы, однозначно установленный нарушитель, четкое представление о желаемом и достижимом результате. Теперь сформулируем дополнительные семь навыков высокоэффективного воздействия стыдом. Я говорю о «навыках», поскольку это не строгие законы, а общие принципы. Итак, вот они. Нарушение должно, во-первых, тревожить общественность, во-вторых, грубо отклоняться от желаемого поведения и, в-третьих, не предусматривать формального наказания. В-четвертых, нарушитель должен быть членом группы, прибегающей к воздействию стыдом. В-пятых, само это воздействие должно исходить от уважаемого инициатора, в-шестых, быть нацеленным на максимальный итоговый выигрыш и, в-седьмых, применяться добросовестно. Если стыдить в соответствии с этими требованиями, можно добиться изменения нежелательного поведения.

Навык № 1: обращаться к общественности, обеспокоенной нарушением

Это условие кажется самоочевидным: аудитория, наличие которой совершенно необходимо, чтобы воздействие стыдом было эффективным, должна проявлять обеспокоенность. Следовательно, отступление от норм выраженного социального характера скорее спровоцирует попытку пристыдить нарушителя. Наиболее вероятной мишенью станет такое поведение паршивой овцы, которое угрожает дестабилизировать функционирование всей группы, поскольку в данном случае аудитория сама является жертвой этого поведения. Из-за злостных загрязнителей атмосферы все мы рискуем заболеть астмой, респираторными инфекциями, болезнями сердца и раком легких, а доставка тайской лапши с опозданием причиняет неудобство лишь одному клиенту. Компьютерная программа, оповещающая ваших друзей, что вы нажали кнопку будильника, – пример неэффективной попытки воздействия стыдом, так как аудиторию мало волнует, что вы проспали.

Итак, чтобы стыд сработал, публика должна страдать от нарушения нормы. Именно поэтому мы строили свои эксперименты вокруг проблемы сотрудничества – выбор каждого участника игры влиял на всю группу. Заявляя в 2009 году мэрам американских городов, что он «ославит их» за нецелевое расходование средств, президент Обама выразил свое предупреждение также в терминах кооперации. Американцы, заявил он, «рассчитывают, что заработанные ими деньги – заработанные такими трудами! – будут направлены на заявленные цели без потерь, неэффективного использования и обмана». Американский народ нес потенциальные убытки от нерационального финансирования, и Обама с полным на то основанием рассчитывал на заинтересованность этой аудитории.

Аудитория как жертва – этот фактор позволил с успехом задействовать стыд в борьбе с курением. Ученые, занимающиеся исследованиями в области здоровья, утверждают, что неодобрительные взгляды и другие способы вызвать стыд сыграли определяющую роль в снижении числа курящих – подчас не меньшую, чем налоги на табачные изделия^[99]. Негативные последствия пассивного курения неисчислимы: болезни сердца, респираторные заболевания, астма, рак легких, даже глухота. В 2004 году около 603 000 человек во всем мире умерли из-за последствий пассивного курения (28 % среди них дети). Акцентирование внимания на влиянии пассивного курения особенно помогло пристыдить курильщиков, поскольку превратило курение из неразумного, но сугубо личного выбора в общественно опасное деяние.

Давайте сравним такие проблемы, как курение и ожирение, с точки зрения влияния на окружающих. Дэниел Каллахан, специалист по биоэтике в Центре Гастингса, в начале 2013 года сетовал, что ожирение не является позором, как курение, и призывал стыдить тучных людей так же, как стыдят курильщиков. Его статья «Ожирение: погоня за неуловимой эпидемией» (название было набрано жирным шрифтом) привлекла внимание СМИ. Журналисты задались вопросом, правомерно ли Каллахан призвал общество принуждать толстяков худеть, стыдя их. Одной из многих ошибок Каллахана (так, он включил в число факторов, вызывающих ожирение, «консервные ножи, блендеры и миксеры») было объявление ожирения и курения равнозначными проблемами, тогда как ожирение не оказывает на окружающих непосредственного эффекта, аналогичного пассивному курению. Очевидно, что рядом с курильщиком люди испытывают куда более очевидный дискомфорт, чем рядом с толстяком, так что именно курильщик является паршивой овцой. И курение, и переедание в долгосрочной перспективе наносят вред здоровью, возможно затрагивающий и других членов группы. Но лишь

прикуренная сигарета моментально начинает отравлять окружающих, сразу же вызывая беспокойство аудитории, – а это необходимое условие действенности стыда.

Разумеется, социальное окружение не обязательно должно нести ущерб или риск ущерба, да и разница между поведением, затрагивающим и не затрагивающим окружающих, не всегда очевидна. Публика может считать, что ей причиняют косвенный вред. Отчасти поэтому стыд применяется в кампаниях против китобойного промысла, наземных мин, использования детей в качестве солдат и боевиков или уничтожения лесов. Болезненная реакция Европы на бесчеловечное обращение с заключенными в тюрьме Абу-Грейб и объявление методов американских военных постыдными возникли не потому, что европейцы стали жертвами этой жестокости. Нарушение, посягающее на значимую нравственную норму, как правило, вызывает обеспокоенность общественности.

Навык № 2: стыдить за значительное несоответствие наблюдаемого поведения желаемому

Стыд наиболее эффективен, если поведение виновника разительно отличается от ожидаемого. Чем меньше разрыв, тем слабее стыд. Многих американцев шокировало, что руководители корпорации AIG, получившей в 2008 году \$85 млрд государственных вливаний для спасения от банкротства, оттянулись на роскошном калифорнийском курорте на полмиллиона долларов, проведенных по статье служебных расходов. Общественность не просто сочла себя в этом случае жертвой (как-никак AIG растратила деньги налогоплательщиков). Было очевидно, что \$150 000 на питание и \$23 000 на спа-процедуры – это очень далеко от сколько-нибудь приемлемых затрат на подобные услуги. Разрыв между наблюдаемым и желаемым поведением оказался огромным, тем более в свете спасения за счет государства.

Заметное расхождение реальности и ожиданий делает стыд особенно эффективным инструментом повышения явки избирателей. Огромное большинство американцев считают обязательным для себя участвовать в голосовании. (В ходе исследования 89 % из более чем 2000 респондентов были по большей части или совершенно согласны с утверждением, что голосовать всегда – это гражданский долг.) Однако на деле регулярно голосует меньшая часть. (Исключение составляют выборы президента: в 2008 году явка составила 62 %, а в 2012-м – 58 %.)

Напомню об эксперименте, в ходе которого письма, заставлявшие избирателей чувствовать себя виноватыми из-за пренебрежения гражданским долгом, повысили явку на 4–6 %. При проведении другого подобного эксперимента 180 000 зарегистрированных избирателей штата Мичиган были разбиты на несколько групп, для каждой из которых был составлен отдельный текст. В одном письме приводилась история посещения выборов адресатом и его соседями с обещанием, что после предстоящего голосования будут присланы обновленные данные. Этот текст оказал самое значительное влияние на явку – она возросла на впечатляющие 8 %. (Обычно единичное письмо, каким бы оно ни было, не увеличивает явку избирателей больше чем на 1 %.) Публичность стала залогом наивысшей активности избирателей и сработала лучше чувства вины^{100}.

Следующий вопрос: на кого публичность действует сильнее – на людей, которые прежде голосовали, или на тех, кто пренебрегал своим гражданским долгом. Ответ на него дало еще одно исследование. Жителям Холланда в Мичигане и Монтичелло в Айове были разосланы открытки с сообщением, что имена людей, которые придут на избирательные участки, будут опубликованы в местной газете, а жителям города Или в Айове – что будут обнародованы имена непроголосовавших. Явку повысили как угроза стыда, так и обещание признания, однако признание подействовало в большей степени на «активных избирателей» – участвовавших по крайней мере в двух из трех предыдущих выборов. А вот страх стыда одинаково стимулировал как активных, так и недобросовестных избирателей, голосовавших только один раз или ни разу^{101}. (Нужно отметить, что «после целого ряда обращений лиц, ответственных за проведение выборов, с сомнениями по поводу публикации имен избирателей в газетах» – лишнее доказательство того, что эффективное не обязательно приемлемое, – исследователи решили отказаться от публикации. Однако это решение было принято уже после выборов.) Стыд действует сильнее, когда реальное поведение значительно отличается от желаемого.

Навык № 3: стыдить за то, что формально не наказуемо

Особенно целесообразно использовать стыд для противодействия таким нарушениям, которые не караются более суровым или юридически оформленным наказанием. При наличии законных санкций – например, если бы в США действовал закон, делающий участие в выборах обязательным (как в Австралии), – не понадобилось бы поднимать общественность, растрачивая ее пыл на то, чтобы стыдить нарушителей. И сама общественность считала бы это пустой тратой времени. Один техасец снял на камеру, как сосед уродует его машину, и, не ограничившись использованием видео как доказательства в суде, выложил запись в Интернет. Зачем было обнародовать это преступление, еще больше позоря соседа? Пострадавшему не нужна была помощь общественности, чтобы добиться наказания виновного, – с этим прекрасно справилась система права.

Если же правовой механизм отсутствует или законы не применяются, то ставки стыда как инструмента общественного контроля повышаются. Никакой закон не предусматривал, как руководству AIG следовало распорядиться правительственной субсидией, и точно так же нет законов, запрещающих банкам выплачивать своим топ-менеджерам бонусы из бюджетных дотаций. В 2008 году руководители финансовых организаций получили в качестве бонусов почти \$20 млрд после того, как правительство выделило им транш в размере \$245 млрд. Корпорация Citigroup в начале 2009 года, как только получила \$45 млрд бюджетных средств, намеревалась купить реактивный самолет для служебного пользования. Никакой суд не нашел бы в этих поступках ничего противозаконного, однако вскоре после этого президент Обама заявил, что Citigroup «следовало бы проявить больше благоразумия», и назвал бонусы руководству «постыдными».

Акция гражданского протеста «Захвати Уолл-стрит» стала сигналом, что множество людей считают поведение банкиров неправильным, пусть система правосудия и не усматривает в нем признаков состава преступления. И если бы хоть один инвестиционный банкир сел в тюрьму после финансового кризиса 2008 года! (Предыдущий спровоцированный махинациями кризис 1980-х годов окончился посадкой сотен дельцов, хотя и был в 70 раз менее масштабным.) Тогда, возможно, мы не наблюдали бы такого взрыва негодования из-за постыдного поведения финансовых организаций и их сотрудников. Акция «Захвати Уолл-стрит» увенчалась какими-никакими достижениями: банки передумали вводить плату за пользование дебетовыми картами, правительство создало орган по защите потребителей от произвола компаний финансового сектора, и появился мем «один процент»^[6]. Это было и напоминание: если наказать отступника законным путем невозможно, общество всегда может ослабить его.

Профессор права Тони Массаро возражает против применения стыда в силу будто бы содержащегося в таких кампаниях «посыла, что пьяные водители, растлители малолетних и другие отступники являются недочеловеками» и «заслуживают нашего презрения». Применительно к этим специфическим случаям Массаро, возможно, прав. Но зарвавшихся банкиров, ленивых избирателей или любителей офшоров вроде Google, Amazon и Starbucks общество стыдит не потому, что видит в них «недочеловеков» (что, впрочем, истинная правда, когда речь идет о корпорациях), а из-за отсутствия альтернативы. По той же причине правительствам штатов остается разве что взывать к совести неплательщиков налогов, поскольку, в отличие от федерального правительства, у них нет иных рычагов воздействия. (В штате Калифорния возможна конфискация второго дома и роскошного автомобиля и то лишь после длительной судебной возни.)

Это все незначит, что воздействие через стыд – наилучший инструмент. Просто бывают

случаи, когда, кроме стыда, у нас нет вообще никаких инструментов. Когда у южного побережья Чили рыбаков замечают в природоохранных зонах, другие рыбаки пишут имена нарушителей на большом плакате под заголовком Los Castigados («Наказанные») и вывешивают в городе. Рыбаки сами патрулируют такой район и стыдят нарушителей, поскольку официальных санкций для них не предусмотрено. Инструменты международного права, например Всеобщая декларация прав человека, не предполагают никаких механизмов наказания подобных нарушителей, и в качестве меры воздействия чаще всего используется именно стыд. Кеннет Рот, глава Human Rights Watch, писал: «Сила таких организаций, как наша, не в воззваниях, а в методике применения стыда – в умении расследовать неправомерные действия и выставить их на суд общественности»^{102}.

В отношении некоторых нарушений формальные инструменты наказания никогда не будут созданы, но с помощью стыда ситуацию можно исправить. Например, нездоровая, скажем пересоленная, пища едва ли когда-нибудь будет запрещена – да никто этого и не хочет. Тем не менее решать проблему нездорового питания необходимо. Как показывают исследования, стыд помогает снизить потребление вредных продуктов, только объектами воздействия стыдом должны становиться не потребители, а сами продукты. То есть все самое никудышное, что может купить человек, должно быть предано позору. Ученые поместили некоторые продукты в больничном киоске ярлычком «не полезно», и продажи здоровой пищи увеличились на 6%^{103}. Законодательство Финляндии еще в 1996 году обязало производителей особо маркировать продукты с высоким содержанием соли, в результате чего общее ее потребление значительно снизилось^{104}.

Навык № 4: стыдить нарушителя должен тот, чье мнение для него важно

Угроза стыда наиболее действенна, если исходит от группы, мнением которой нарушитель очень дорожит. Исследователь философии морали Бернард Уильямс писал в книге «Стыд и необходимость» (Shame and Necessity, 1993): «Первый опыт, из которого мы узнаем, что такое стыд, – это когда нас застигнут не те люди не в той ситуации». Я бы сформулировала это иначе – «как раз *те* люди в *той* ситуации». Типичная ошибка компаний на основе стыда – попытка достучаться до людей или групп, не считающих себя частью сообщества, их инициировавшего, и не разделяющих его нравственных принципов.

Значимость источника стыда, по мнению профессора права Саиры Мохаммед, обусловила решение президента Клинтона вмешаться во внутренние дела Гаити, но закрыть глаза на конфликты в Руанде и на суданском плато Дарфур. В 1991 году первый избранный, согласно демократической процедуре, президент Гаити был свергнут, и страну захлестнуло насилие. Клинтон объявил, что ни один гаитянин не пересечет границу США, и спровоцировал масштабную кампанию во главе с собственными преданными сторонниками. (Так, руководитель Трансафриканского форума Рэндал Робинсон объявил голодовку, а в *New York Times* было опубликовано воззвание в целую полосу.) В результате Клинтон изменил стратегию: усилил санкции и (при поддержке Совбеза ООН) ввел в Гаити американские войска^[105]. Когда в других частях мира разразились еще более жестокие конфликты, Клинтон ничего подобного не предпринял.

Показателен пример кампании против ленивых избирателей, в ходе которой *Tennessee Tribune* перед самыми выборами в федеральные органы 2006 и 2008 годов опубликовала на 28 страницах имена и адреса людей, не являвшихся на избирательные участки. Это были жители пригородов Нэшвилла с преимущественно афроамериканским населением. После этого Стивен Дабнер написал в своем блоге *Freakonomics*: «Это „черная“ газета... и большинство людей, которых она опозорила за неявку на выборы, тоже черные. Представьте, какой поднялся бы вой, если бы газета не была „черной“. К самокритике любая группа более терпима, чем к критике извне»^[106].

Кампания «Вычерпыватели океанов» (Carting Away the Oceans), инициированная «Гринпис», также подтвердила важность вопроса об инсайдерах и посторонних. С 2008 года некоммерческая организация «Гринпис» составляет рейтинг 20 крупнейших сетевых супермаркетов США в соответствии с политикой закупок рыбы и морепродуктов. В течение нескольких лет ретейлер Trader Joe's получал очень мало баллов и полностью игнорировал отчеты «Гринпис» и скандальные статьи в газетах. В 2009 году волонтеры «Гринпис» организовали телефонные звонки и демонстрации (в некоторых местах и то и другое) в магазинах Trader Joe's по всей Америке. Под давлением клиентов менеджеры розничных магазинов убедили гендиректора Trader Joe's в необходимости изменения закупочной политики в этом сегменте товаров. Рейтинг неистощительного использования океанов увеличился у компании с двух баллов (из 10) в 2008 году до семи в 2013-м – и в списке ретейлеров компания перескочила с 15-го места на третье. Постоянно оказываются внизу рейтинга и некоторые другие торговые сети, например Winn-Dixie. Однако «Гринпис» не выделяет их, как Trader Joe's, отчасти потому, что их клиентура не имеет столь явных связей с этой организацией.

«Гринпис» ополчилась против Trader Joe's, потому что понимала, что этот ретейлер будет особенно восприимчив к воздействию стыдом. «Но и Winn-Dixie радоваться рано, – сказал Джон Хочевар, директор американских кампаний «Гринпис» по защите океанов. – Мы всегда можем

давить на них своими баллами и пробираться на митингах, но с ними все несколько сложнее, поскольку они базируются главным образом на Юго-Востоке. Им проще вообразить, что они смогут противостоять давлению там, где мы не пользуемся столь массовой поддержкой. Но бороться с ними все-таки можно, просто ресурсов потребуется больше».

Для действенности стыда важно оставить опозоренному человеку или компании шанс восстановить свою принадлежность к группе. Самое лучшее, если за стыдом следует вознаграждение за изменение поведения. Кампания «Гринпис» по оценке практики закупки морепродуктов предполагает и признание торговых сетей-лидеров, а также тех, кто поднялся в рейтинге. «С супермаркетами работает множество организаций, и их усилия тоже чего-то стоят. Но почти никаких рычагов у этих организаций нет, – поясняет Хочевар. – У них есть только пряник, а у нас и пряник, и кнут. Мы можем дать повод для гордости: "В рейтинге «Гринпис» мы первые!" – и теперь этим могут похвастаться еще три супермаркета».

Национальное общественное радио, обращаясь к слушателям за жертвованиями во время кампании 2011 года, также чередовало воздействие кнутом и пряником. Ведущий программы «Эта американская жизнь» Айра Гласс призвал слушателей «сдать» своих «друзей, родственников и любимых, которые часто слушают общественное радио, но ни разу ничего не пожертвовали». (Общественное радио – идеальный пример общественного блага, поскольку никого нельзя лишить возможности пользоваться им.) Многим таким уклонистам Гласс звонил и, обращаясь к ним только по имени, прямо в эфире стыдил за неучастие, а также сообщал, кто именно их выдал. С одной стороны, этих людей пропесочивали перед всей аудиторией, с другой – наводку на них давали самые близкие друзья и им звонила звезда эфира. Капелька славы смягчала горечь стыда.

Навык № 5: обращаться к аудитории, которая тебе доверяет

Чтобы попытка пристыдить зацепила виновного, она должна исходить от уважаемого публикой источника. Исследование, проведенное в России в 1992–2002 годах, установило: пристыдить гендиректоров неблагополучных организаций (заставить их подать в отставку или изменить политику фирмы) удавалось лишь в том случае, если негативная информация появлялась в американской или британской газете, например в *Wall Street Journal* или *Financial Times*. Обвинения в российских газетах видимого эффекта не оказывали, что авторы исследования объясняли недостаточным авторитетом этих изданий^{107}.

Здесь уместно задаться вопросом «что было раньше – курица или яйцо»: нужно ли уже располагать авторитетом, чтобы кого-то позорить, или сам факт наказания придает веса. Проанализировав разговоры охотников и собирателей африканского племени кунг, антрополог Полли Вайсснер обнаружила, что три четверти критики исходит от всего лишь четверти «сильных» членов племени, которые и наказывают соплеменников в два раза чаще, чем обычные или слабые люди^{108}.

Ведущий «Ежедневного шоу» Джон Стюарт приобрел авторитет как раз благодаря своей избирательности. Он не разменивается на то, чтобы стыдить (а попросту – высмеивать) «легкие мишени», а атакует знаменитостей, являющихся, по словам одного продюсера, «стоящей дичью». Популярность Стюарта еще больше выросла, когда он переключился на правительство и политику. В 2008 году обозреватель *New York Times* Митико Какутани вопрошала: «Самый авторитетный человек в США – Джон Стюарт?»^{109} В 2009 году исследование журнала *Time* показало, что большинство читателей действительно доверяют Джону Стюарту больше, чем любому другому американскому ведущему новостей (он возглавил рейтинг, набрав 44 % голосов).

Чем влиятельней человек, тем больше веры его обвинениям в чей-то адрес, и наоборот. «Невозможно делать настоящую карьеру на общественном поприще, непоколебимо сохранять независимость в серьезных кризисах, выдерживать ужасные обвинения, создавать себе могущественных и беспринципных врагов, если по характеру ты человек ранимый», – в 1913 году написал Теодор Рузвельт в автобиографии. Именно поэтому Джейсон Рассел, на фоне нервного срыва бродивший голым по Сан-Диего, подорвал доверие к своей кампании «Кони-2012», призванной рассказать молодежи о злодеяниях угандийского повстанца Джозефа Кони и способствовать его аресту.

Все ваши усилия пойдут прахом, если выяснится, что вы сами делаете то, что клеймите позором. Всплыли факты бесчеловечного обращения с заключенными в тюрьме Абу-Грейб – и США уже не считаются лидером в борьбе за права человека. Или другой пример: бывший пастор из Колорадо Тед Хаггард, яростный борец против однополых браков, опозорил себя, свою семью, свою церковь, да, пожалуй, и всю политику консерваторов, когда вышла на свет божий его трехлетняя связь с проституткой мужского пола. В 2006 году Дэн Сэведж написал в *New York Times*, что «сегодня более постыдно и разрушительно для репутации скрывать свою гомосексуальность, чем честно трудиться в секс-индустрии».

Следует также не опускаться до чрезмерного или несправедливого наказания. Участники игровых экспериментов одобряли лишь такие наказания, которые считали оправданными. Если человек племени кунг накажет другого так, что это покажется остальным несправедливым, то услышит от соплеменников: ты ведешь себя нетерпимо, необдуманно, ты «злой, неприятный, невыносимый». В общем, в глазах соплеменников он станет кем-то вроде Червонной Дамы из книжки Кэрролла, то и дело изрекавшей: «Отрубить ему голову!» Если слишком

усердствовать в наказании, рискуешь внушить людям страх, а не доверие, и попытка пристыдить нарушителя вызовет противоположный эффект.

Навык № 6: нацеливаться на максимальный итоговый выигрыш

Привлечь, а тем более удержать внимание общества непросто. Поэтому к стыду нужно прибегать умеренно, чтобы не обесценить его. Стыдя за пустячные прегрешения, лишь отвлечешь внимание аудитории от более серьезных нарушений и растратишь его попусту. Чтобы эффективно применять стыд, необходимо мыслить стратегически и выбирать в качестве мишени самые значимые проступки и самых влиятельных нарушителей, причем преимущественно таких, кого вероятнее всего удастся перевоспитать и сформировать на основе этого новую норму. В 1987–2010 годах пенсионный фонд CalPERS, распоряжающийся многомиллиардными накоплениями служащих штата Калифорния, стыдил компании с низкой доходностью для акционеров или слабым корпоративным управлением. Однако в поле его внимания попадали лишь те фирмы, в акциях которых он имел долю минимум в \$2 млн^[110]. Изменение таких фирм к лучшему окупало все усилия фонда.

Важно понимать распределение ответственности. Спрос на ископаемые энергоносители очень широк, а вот предложение ограничено относительно немногими компаниями – и именно их имеет смысл стыдить за загрязнение окружающей среды. С акульими плавниками все наоборот: размытое предложение (акул вылавливают рыбаки по всему миру) и концентрированный спрос – китайская элита. В этом случае разумнее было бы сосредоточиться именно на тех, кто создает спрос. Организация Rainforest Action Network, занимающаяся сохранением тропических дождевых лесов, не смогла достучаться до компаний, добывающих уголь в Аппалачах срезанием вершин гор, и по цепочке ответственности добралась до девяти банков – их главных займодателей. Год за годом она стыдила эти банки как соучастников, и на пятый год, по данным финансового отчета 2014 года, Wells Fargo и JPMorgan Chase обязались разорвать деловые отношения с компаниями, занятыми варварской угледобычей. После обрушения на фабрике в Бангладеш, унесшего жизни более 1100 рабочих, основное внимание было приковано не к одежным брендам, размещавшим на ней заказы, а к правительству Бангладеш, допустившему столь низкие требования к безопасности труда. Обнародовав данные о дурных условиях содержания заключенных, организация Human Rights Watch не пытается изменить инфраструктуру тюрем, а добивается лучшего обращения с заключенными, поскольку считает этот результат более значимым.

Максимально эффективно зачастую бывает обращаться к учреждениям, компаниям или странам, а не к отдельным людям. Вместо того чтобы стыдить каждого потребителя, покупающего чилийского морского окуня, «Гринпис» апеллирует к крупнейшим ретейлерам, реализующим этот товар. Чем стыдить тучных людей, лучше обратиться к компаниям, прибыли которых растут вместе с обхватом нашей талии, – что и сделал писатель Майкл Мосс в книге «Соль, сахар, жир: как гиганты пищевой индустрии подцепили нас на крючок» (Salt, Sugar, Fat: How the Food Giants Hooked Us, 2013). Маленькие изменения влекут за собой огромные последствия, если совершаются большими группами.

Однако не все проблемы зависят от группы. В Калифорнии иные граждане укрывают налогов больше, чем корпорации. Если влияние индивидуального домохозяйства перевешивает корпоративное, следует сосредоточиться на индивидах. Итак, стыдить нужно именно тех, чье поведение сильнее сказывается на окружающих, поэтому в фокусе внимания нередко оказываются самые влиятельные люди, в том числе политики. В 1969 году американский эколог (и мастер пристыдить) Дэвид Брауэр основал Лигу избирателей «За охрану природы». Организация начала выставлять на суд общественности членов «Грязной дюжины» – кандидатов

в Конгресс США, голосовавших против законов, защищающих окружающую среду. В ходе предвыборной борьбы такая кампания грозила серьезно повлиять на результат. Брауэр понимал, как важно сосредоточиться не просто на самых злостных противниках экологической безопасности, а на тех, кто из-за антирекламы рискует проиграть.

Навык № 7: всегда проявлять добросовестность и щепетильность

Чтобы стыд сработал, необходимо загодя продумать, как будет реализовываться кампания: спланировать механизм «воздействие – отклик», подобрать оптимальную частоту воздействия и стиль, приковывающий наибольшее внимание и в то же время наиболее приемлемый. Важная особенность стыда заключается в том, что угроза может оказаться действеннее, чем ее исполнение. Это обстоятельство с успехом учли в штате Калифорния в кампании по борьбе с уклонением от уплаты налогов: письма рассылаются за шесть месяцев до оглашения списков неплательщиков, и у тех есть возможность избежать позора.

По данным исследований, применительно к некоторым ситуациям, например голосованию, даже минимальная доза стыда может на годы изменить поведение. Одно исследование, проведенное после выборов, охватило более миллиона зарегистрированных избирателей, получивших письма, о которых рассказывалось ранее. Как оказалось, значимый эффект писем сохранялся и через год, и через два, и даже через четыре года^[111]. В других случаях кампания должна предполагать дальнейшую работу вплоть до подкрепления и многократного повторения воздействия. В «Гринпис» понимают, что от единичного рейтинга розничных сетей, торгующих морепродуктами, толку не будет. На момент написания этой книги вышло уже семь рейтингов «Гринпис» начиная с 2008 года. «Мы заглядываем вперед минимум на три года и планируем кампании, которым придется идти до победного конца 10 и более лет, – говорит Джон Хочевар. – В какой-то момент отдача начинает снижаться, и тогда разумнее переключиться на что-нибудь другое, а не ждать, когда последний ретейлер наберет проходной балл».

Вернутся ли ретейлеры к старым привычкам, как только «Гринпис» оставит их в покое? «Мы считаем важным не просто убрать с полок определенный продукт, но выработать принципы принятия покупательских решений в будущем и рассказать о них общественности, – отвечает Хочевар. – Когда подобная информация становится доступной для покупателей, откатиться назад уже сложнее». Покупатели лучше всех проследят за тем, чтобы поведение ретейлера всегда соответствовало их (и гринписовским) стандартам.

Стыд сильно теряет в эффективности в отсутствие заинтересованной и одобрительно настроенной аудитории. Представления общества о допустимом постоянно меняются, вынуждая подстраиваться под них кампании по воздействию стыдом. Специалист по философии права Марта Нуссбаум в книге «Бегство от человечности: отвращение, стыд и закон» (Hiding from Humanity: Disgust, Shame, and the Law, 2004) рассказывает о своей матери-алкоголичке и задумывается, что могло бы произойти, если бы ее арестовали за вождение в нетрезвом виде и заставили установить на машину специальный знак (сопряженное со стыдом наказание, применяемое в ряде американских штатов). Возможно, стыд заставил бы мамашу Нуссбаум отказаться от езды в пьяном виде (кстати, по словам одного судьи из Флориды, применение этих знаков на 33 % снижает количество «пьяных» аварий). Однако, по мнению самой Нуссбаум, это было бы уже не важно, поскольку «такое наказание сломало бы ее морально. Только штат, где царит жестокость и полное пренебрежение к человеческому достоинству, выставит человека на позор перед всеми, вместо того чтобы предложить решение первопричины его проблемы, не забывая беречь его личное пространство и честь». Иначе говоря, понятие «эффективности» меняется по мере расширения определения, когда берутся в расчет дополнительные соображения.

Наконец, мало просто предложить информацию. Антиреклама должна быть услышана, понята и воспринята людьми, которых она касается, и это также необходимо обдумать

при разработке кампании. Когда власти Нью-Йорка решили составить список худших домовладельцев города, то создали прямую ссылку на соответствующий сайт с раздела аренды жилья электронной доски объявлений «Крейгслист». Теперь, принимая решение о съеме квартиры, потенциальный жилец может узнать всю подноготную нечистоплотных арендодателей. Или пример с задержкой доставки из тайского ресторана: жалоба на Grīre была грамотно составлена и ориентирована на обширную сеть потребителей. (Правда, неизвестно, заставило ли это ресторан наладить обслуживание.) Наконец, сайт, рассказывающий о главных виновниках загрязнения атмосферы, не только хорошо спроектирован и увязан с соцсетями, но и привлекает значительно большее внимание СМИ к своим кампаниям. Независимо от того, как именно вы пытаетесь пристыдить нарушителя, кампания не будет действенной, если никто о ней не узнает или не заинтересуется ею. Стыд без аудитории – ничто, а самая массовая аудитория ныне собирается в Интернете. Многомиллиардная аудитория плюс низкая стоимость распространения информации – принципиальное отличие нынешнего воздействия стыдом. Поэтому интернет-кампаниям целиком посвящена следующая глава.

Глава 7

Стыд и Интернет

В любом случае следующая цель человека имеет юпитерианский масштаб. Пора научиться управляться с могущественными порождениями собственного разума, навязать им свою волю и придать их деятельности ритм и перестать по недосмотру обращать их силу против себя самого – раз уж без них человек обойтись не может.

Гарет Гарретт. Уроборос, или Механическое продолжение человечества (Ouroboros; or, The Mechanical Extension of Mankind, 1926), цит. по: Джордж Дайсон «Дарвин среди машин» (Darwin Among the Machines, 1997)^{112}

«В какой-нибудь „Данкин донатс“ я бы никого не позвал», – отозвался Мэтт Биндер на мою благодарность за выбор уютного кафе в центре Нью-Йорка, на втором этаже которого мы с удобством расположились для разговора. Биндер мыслит стратегически всегда, даже неосознанно. (Кстати, он, может, и живет в Интернете, но в телефон за 50 минут разговора не заглянул ни разу.) Изящно сложенный, с негромким голосом, этот уроженец Квинса, которому всего 20 с небольшим лет, – современный Зорро. Он в одиночку ведет блог на Тамблере, где стыдит нарушителей общественных норм, информация о которых поступает главным образом из «Твиттера». «О таких вещах пишут в „Твиттере“, „Фейсбуке“ и по электронной почте, но в „Твиттере“ самый легкий поиск», – пояснил Биндер.

Сначала он лишь постил в своем блоге фразы со смешными описками и скриншоты твитов грамотеев, считающих «одеколон» и «колоноскопию» однокоренными словами. Постепенно заинтересовался политикой с ее лицемерием, выискивая записи вроде: «Обама выиграет эти выборы в единственном случае – если все бездельники подтянут свои ленивые задницы к урнам и проголосуют за него, чтобы и дальше жить на велфер» – с хэштегом #ищуработу. Через 24 минуты автор поста добавил запись: «Кто-нибудь помогите мне найти работу, от просмотров у меня денег не прибавляется».

Биндер собирает у себя в блоге всевозможные проявления невежества, расизма и жестокости, стремясь не столько выставить на всеобщее обозрение конкретных людей, сколько послужить зеркалом, отражающим не самые привлекательные стороны американской культуры. Его блог (publicshaming.tumblr.com) набрал кучу подписчиков, когда он выложил твиты не разбирающихся в географии американцев о бомбах на Бостонском марафоне, заложенных уроженцами Чехии. (Действительно, Чехия, Чечня – какая разница...) Затем он принялся за противников решения Верховного суда по отмене законодательного запрета однополых браков с их присказкой: «Господь благословил Адама и Еву, а не мадаму и деву». Досталось и расистам, недовольным тем, что национальный гимн в финальных играх НБА в 2013 году исполнял 10-летний «латинос», и горе-счетоводам, предлагающим поделить \$550 млн, выигранные в лотерею, между 300 миллионами американцев – выдав при этом каждому... по миллиону. (По мнению Биндера, делая акцент на незнание математики, «привлекаешь внимание к материалу».)

Еще в 1962 году философ Маршалл Маклюэн назвал новые электронные медиа «глобальной деревней»^{113}, но по-настоящему все завертелось благодаря взрывному развитию цифровых

технологий. Глобальная деревня может быть домом, где процветают многообразие и самовыражение, а может оборачиваться душным мирком скудоумных сплетен или, напротив, царством свободы, где роль закона принимает на себя личность, например Эдвард Сноуден, и неиерархичный коллектив наподобие Anonymous. Интернет-площадка – то же место общих собраний, что и городская площадь, только не физическая. Здесь не привязывают к позорному столбу, не заковывают в колодки, не сжигают и не вешают при всем честном народе. Но воздействие стыдом в Интернете бывает не менее болезненным.

Такие ресурсы, как блог Биндера «Публичный стыд», действуют осторожно и тщательно рассчитывают лечебную дозу стыда. Биндер – истый последователь характерной для технарей веры в свободный и открытый Интернет, без правил и ограничений. Однако небольшой нажим с моей стороны – и он делится собственными, весьма многочисленными правилами ведения блога. Прежде всего нужно убедиться, что материал взят с подлинного аккаунта в «Твиттере», и это не сарказм. Избегать постов троллей («Если ваш никнейм "Ненавижуобаму" и вы постите нечто расистское, стану я тратить на вас время?») В своих репостах Биндер сохраняет никнеймы авторов оригинальных сообщений, лишая их анонимности. Но он выкладывает только скриншоты, так что поиск становится практически невозможным (отчасти потому, что на это нужно время, но Биндер в принципе не хотел бы, чтобы на его сайте была такая опция). Это защищает приватность человека и фокусирует внимание на его поведении, а не на личности. Другие обитатели глобальной деревни менее склонны к стратегическому мышлению. Но Интернет – самая общедоступная платформа для антирекламы, имеющая самую большую аудиторию – до 2,7 млрд человек (и это число постоянно растет). Поэтому важно разобраться, чем чревато для нас воздействие стыдом через Интернет.

В XVII веке героиня романа Н. Готорна Эстер Принн тенью скользила по бостонским улицам с «пламенеющей на груди» алой буквой. Сегодня американские власти не заинтересовались бы ее прелюбодеянием (разве только она была бы политиком). А вот будь Принн китайкой, информация о ее семейном положении была бы доступна онлайн. Китайские власти открыли доступ к этим данным в 2011 году, начав с Пекина и Шанхая, и планировали охватить весь Китай уже в 2015-м^{114}.

От мысли о всеведущем и вездесущем правительстве большинству людей становилось не по себе задолго до появления Интернета. Писатель Милан Кундера, эмигрировавший во Францию из «пропитанной надзором Чехословакии», утверждал: «Когда вторжение в чью-то частную жизнь становится обычаем и правилом, начинается эпоха, когда вопрос стоит ни много ни мало о самом выживании или гибели человека»^{115}. Кундера говорил о слежке государства за индивидом, которая с появлением Интернета все более упрощается.

Теперь мы знаем, что Агентство национальной безопасности США занимается вовсе не тем, что предполагает его название, а сбором персональных данных по всему миру, даже в таких виртуальных местах, как Second Life. Отделения полиции по всем Соединенным Штатам опробовали всевозможные способы воздействия стыдом на виновных во всех мыслимых видах преступной деятельности, пользуясь всеми доступными социальными медиаплатформами. Правительство не только смотрит на нас, но и создает схемы и платформы, позволяющие обнародовать факты нарушения норм общественной жизни, а значит, и облить стыдом нарушителей. Более того, полномасштабная слежка и вытекающая из нее возможность опозорить любого уже не прерогатива правительства.

Благодаря цифровым технологиям ныне имеется платформа, позволяющая кому угодно, а не только государству, выставить на всеобщее обозрение чей-то неудобный поступок. Сегодняшней Эстер Принн следовало бы беспокоиться не об отношении властей, а о публичном поливании грязью на странице в «Фейсбуке», созданной одураченным мужем. Он мог бы запостить ее фото с именем на сайте CheaterVille.com (с красноречивым девизом «Поглядим-ка, кого мы застукали со спущенными штанами»). Разместить ее фотографии в обнаженном виде. Раструбить о ее интрижке в социальных сетях. (В июне 2011 года английский судья оставил без удовлетворения два иска о преследовании против лондонца, опозорившего в соцсетях любовника своей жены.) В общем, современная Эстер Принн ничуть не более защищена от позора, чем ее предшественница.

Существует масса неправительственных сайтов, куда сливается информация о неверных супругах, неплательщиках алиментов, извращенцах и выкладываются фото из полицейских досье. Группа активистов одного из районов английского города Лестер размещает в Интернете видео людей, мусорящих на улице, и удаляет ролики, только когда «нарушитель санитарных правил» будет установлен и оплатит штраф. Отец девочки-подростка заставил ее разместить в «Фейсбуке» видео, где она признается, что завывшала свой возраст и сознательно вводила ухажеров в заблуждение. А вот история, рассказанная коллегой: после ссоры его сын-подросток отредактировал отцовский профиль в Википедии, добавив приписку, что он педофил (ньюйоркцы очень изобретательны!). Потребители жалуются в соцсетях на дурное обслуживание и некачественные продукты, хотя это обоюдоострое оружие. Так, в Лос-Анджелесе есть ресторан, где придумали позорить в «Твиттере» клиентов, забронировавших столик и не явившихся. Тема «репутация и Интернет» уже обзавелась собственной терминологией: «цифровой след» (все, что есть о вас в Интернете), «цифровая грязь» (все плохое, что можно там

о вас найти), «виртуал» (фиктивный пользователь в чатах и на форумах, создаваемый троллями для дезинформации), «доксинг» (несанкционированное обнародование чужих персональных данных).

Но, может, это всего лишь технологичная версия старых добрых народных дружин – самоорганизация общества, способ которой, как и сам стыд, меняется с появлением новых средств коммуникации? Чем пристыживание в Интернете так уж отличается от вываливания в дегте и перьях или от статей в таблоидах? Различия есть, и самое главное, пожалуй, – скорость распространения антирекламы. И еще: источник воздействия стыдом через Интернет зачастую бывает неизвестен. Anonymouse, неформальное и анонимное объединение онлайн-активистов и оппозиционеров, взломало аккаунты и выложило видео двух игроков школьной футбольной команды из Огайо, похвалившихся изнасилованием, и адвокат защиты высказывался в том смысле, что это-де ущемляет их право на беспристрастный суд. Деятели из Anonymouse ответили, что руководствовались тем же опасением, видя попытки властей замять дело, – ведь насильники были спортивными звездами. На суде оба получили срок.

Скорость распространения, анонимность источников, громадный потенциальный охват, надежность хранения информации – все это отличает применение стыда в цифровую эпоху. В новоявленном всемирном паноптикуме особенно важно помнить, как сильно воздействие стыда и какие обязательства это налагает на тех, кто желает воспользоваться столь могучей силой. Уровень приватности, которым люди располагали до появления Интернета, более не достижим ни для кого. Нет, вопрос звучит иначе – и это грозный вопрос: осталось ли у нас, в принципе, право на частную жизнь и если да, то где оно начинается и где заканчивается? С появлением новых информационных платформ многие прежние аргументы против применения стыда вообще сошли с повестки дня. (Слово «Интернет» не встречается в книге Марты Нуссбаум, где она утверждает, что государство не должно позорить своих граждан.) Ученые-правоведы, продолжающие отрицать эффективность стыда в чрезвычайно мобильных и анонимных урбанизированных сообществах, видимо, провели в Интернете слишком мало времени.

Нужна ли нам полная свобода стыдить кого и за что угодно?

За современным многомиллиардным населением Земли не уследишь. «Нам нужно общество стабильное, не склонное разрушать себя войнами и в то же время достаточно прогрессивное, чтобы постоянно улучшать условия жизни своих членов, поскольку неспособность решить эту задачу приводит к социальной напряженности и революции, – утверждал инженер в области электрической энергии и физик Ханнес Альфвен в 1966 году в своей книге «Большой Компьютер: Видение» (изданной под именем Олофа Йоханнесона, якобы «однойяйцевого близнеца» ученого). – Создать такое общество очень трудно. Настолько трудно, что эта задача превосходит возможности человеческого мозга и решить ее можно лишь с помощью компьютеров».

Цифровые технологии подарили нам новые возможности для взаимной слежки. Помимо хранения и передачи колоссальных объемов данных они обеспечивают беспрецедентную скорость обмена информацией. Если раньше слухи распространялись устно или через печать, то современная интернет-сплетня стремительна, всеохватна, неистребима, да еще и ищется в один клик. Можно удалить порочащие твиты или утрясти все разногласия, но цифровой след уже не вырубить топором. Благодаря таким технологиям, как Wayback Machine, онлайн-библиотеке, где хранятся веб-страницы и другая информация, ничто в Интернете не исчезает бесследно. Современный работодатель имеет возможность заглянуть в Интернет и узнать о потенциальном сотруднике всю подноготную, включая любой грешок, даже самый давний, и неважно, был ли он совершен публично или нет.

Никогда прежде мы не могли стыдить друг друга с настолько малыми затратами и таким огромным охватом. Онлайн-кампании на основе стыда позволяют пользователям выразить свое нравственное чувство, ничем не жертвуя и не рискуя. Решение Susan G. Komen прекратить финансирование Planned Parenthood вызвало 215 383 осуждающих твита за один день. Вышли бы их авторы на уличную демонстрацию, чтобы заявить свой протест в реале?

Стыдить стало просто – в том числе и потому, что это можно делать анонимно. В Интернете толпа с небывалой легкостью, как обеспокоенно замечает профессор права Тони Массаро, выражает «отвращение к нарушителю» вместо «осуждения нарушения как такового»^{116}. Отделение полиции Нью-Джерси выложило на своей страничке в «Фейсбуке» имена и фотографии людей, уличенных во всевозможных видах преступной деятельности, однако комменты быстро приняли «нездоровый и расистский характер». Тогда полиция решила ограничиться только виновными в тяжких уголовных преступлениях, а также в пьяной езде, а возможность комментирования попросту отключила^{117}. Департамент общественной безопасности Миннесоты в твитах об арестах за вождение в нетрезвом виде вообще не упоминает имена арестованных. Штат Калифорния законодательно запретил выкладывать домашние адреса как избираемых, так и назначаемых официальных лиц, попавших в список «500 самых несознательных налогоплательщиков», из опасения мести сограждан.

Стыд стал незатратен и в финансовом смысле. В 2005 году, собираясь сделать сайт с информацией об уклоняющихся от уплаты налогов, власти штата Калифорния провели исследование и оценили стоимость его запуска и создания базы данных в \$162 000 одновременно, а текущие расходы – примерно в \$131 000 в год. Авторы отчета предполагали, что собираемость налогов благодаря сайту вырастет примерно на \$1,6 млн – отличная прибыль на инвестиции. Они ошиблись. С момента запуска сайта в 2007 году дополнительные поступления в налоговое ведомство штата превысили \$336 млн – в 200 с лишним раз больше ожидаемого^{118}. В 2006 году правительство штата Висконсин начало публиковать имена людей

и названия компаний, задолжавших налоговой службе свыше \$5000. В результате менее чем за пять лет удалось собрать дополнительно более \$108 млн – в 14 с лишним раз больше, чем предполагалось.

Дешевизна и эффективность подталкивают искать все новые и новые способы применения стыда в Интернете. Организаторы профсоюзных пикетов устанавливают видеокамеры и вывешивают предупреждение, что фотография, имя и адрес каждого, кто пересечет линию пикетирования, будут выложены в сеть^{119}. После негативной реакции на появившееся в Интернете видео, где основатель GoDaddy убивает слона, PETA инициировала кампанию с призывом закрывать счета в GoDaddy, причем конкурирующая фирма пообещала жертвовать на благотворительность по доллару за каждый новый счет, собрав в общей сложности более \$20 000. (Основатель GoDaddy объяснял, что всего лишь помог жителям африканской деревни, урожай которых поедали слоны. «Помог» он им, как выяснилось, аж пять раз, хотя, как заметил президент PETA, решить проблему африканских крестьян можно было и без пяти убийств.)

Одной из первых получила широкое распространение такая форма онлайн-антирекламы, как suck-сайты. Suck-сайт имеет право использовать для давления на компанию ее же торговую марку, если доходчиво объясняет посетителям, что не финансируется и никак не связан ни с одной реальной фирмой. Однако возможность возбуждения дела есть всегда, как указывалось в статье из журнала *Wired* за 2000 год, озаглавленной «Юридические хитрости для вашего suck-сайта». Богатые фирмы держат целую команду юристов, чтобы дать по рукам за любую попытку использовать свое имя, как и по-настоящему богатые люди. Однако большинству из нас такой уровень защиты недоступен.

В цифровом мире введение в заблуждение – обычное дело, поскольку создать виртуальную личность ничего не стоит. Из-за высокого уровня хищений персональных данных и мошенничеств в соцсетях большинство сайтов предлагают пользователям возможность пожаловаться на это. У «Фейсбука» есть процедура сообщения о плохих аккаунтах. К таковым относятся «аккаунты, владельцы которых выдают себя за вас или иное лицо, используют ваши фотографии, представляются ложным именем, а также аккаунты, за которыми не стоит реальный человек (фейковые)». Штудируя Gripe, я наткнулась на жалобу в адрес индонезийской налоговой службы, а в профиле автора этого сообщения стояло уворованное фото моего коллеги из Нью-Йоркского университета.

Итак, стыдя кого-либо в Интернете, все равно нужно быть готовым отвечать за свои слова. Тем не менее такие исследователи Интернета, как Клэй Ширки и Джонатан Зиттрейн, убеждены: невозможно ввести строгий запрет на онлайн-кампании, не нанеся серьезного урона плодотворной критике и активности масс. Чем руководствуется масса, стыдя нарушителя, – мстью или жаждой социальной справедливости, – не всегда очевидно. На заре существования Интернета главной заботой было обеспечить как свободу, так и право на конфиденциальность, избежав чрезмерного контроля со стороны государства. В 1990 году Митчел Капор стал сооснователем Electronic Frontier Foundation, желая «гарантировать, что этим свободам ничто не угрожает». В сентябре 1991 года в *Scientific American* вышла его статья о соблюдении гражданских свобод в Интернете^{120}, где Капор поделился своими главными опасениями, в частности относительно неоправданно строгих наказаний для хакеров. «Система, в которой пытливый хакер получает больший тюремный срок, чем осужденный за разбойное нападение, подрывает нашу веру в правосудие», – писал Капор. Прошло время, и эти опасения стали реальными проблемами.

Несоразмерное наказание

Поскольку стыдить в Интернете можно почти без затрат, делается это часто и жестко. При этом возникает проблема несоответствия наказания проступку: малейшее отступление от правил, зафиксированное на видео и выложенное в общий доступ, наказывается более сурово, чем настоящее преступление, если оно прошло незамеченным. Это несправедливо, причем поделаться с этим по сути ничего нельзя. Когда хозяйка кошки Лолы, жители английского города Ковентри, обнаружили свою любимицу в мусорном баке, то просмотрели запись со скрытой видеокамеры (ныне это распространенный домашний аксессуар) и увидели, кто это сделал. Они выложили видео в Интернет и создали в «Фейсбуке» страницу «Помогите найти женщину, которая посадила мою кошку в мусорный ящик».

Через несколько дней кто-то узнал на видео некую М. Б. (в этой главе я заменяю имена собственные инициалами, чтобы не присоединяться к толпе швыряющих камни), и та получила тысячи посланий с угрозой убийства. (Фейсбук-страница «Смерть М. Б.» была удалена в связи с нарушением условий пользовательского соглашения.) Больше 20 000 человек «лайкнули» страницу «М. Б. должна сесть за то, что засунула кошку Лолу в мусорный бак», а страница «Кошки против М. Б.» оказалась гораздо менее популярной. Еще ужаснее вели себя люди, устроившие реальные пикеты у дома М. Б. В суде женщина признала свою вину и была наказана штрафом в £250 (около \$400) и пятилетним запретом на содержание домашних животных. Судья объяснила достаточно мягкий приговор тем, что М. Б. и так уже наказана массивной антирекламой.

Другой пример несоразмерного наказания – история с семиклассниками, хамившими 68-летней сопровождающей школьного автобуса в городе Грис (штат Нью-Йорк). Запись распространилась в Интернете – да, шокирующая запись. Но в результате подросткам стали угрожать убийством, а все мы согласимся, что ни один 13-летний не должен платить жизнью за свои слова. Хотя бы уже потому, что так скоро не осталось бы вообще ни одного подростка. Один из хулиганов получил больше 1000 телефонных звонков и 1000 текстовых сообщений с угрозами. Сама пострадавшая в результате, можно сказать, выиграла в лотерею, причем тоже несуразно много. Один житель Торонто решил использовать Интернет как краудсорсинговую платформу, рассчитывая собрать для нее \$5000 на достойный отдых. И собрал более \$700 000. Аудитория Интернета действительно огромна.

Интернет и бесстыдство

Воздействие стыдом через Интернет – палка о двух концах: одна крайность – несоразмерное наказание, а другая – законченное бесстыдство. Репортер *New York Times* Джон Маркофф – старожил виртуального пространства. Еще в 1993 году он написал статью «Бесплатная и простая связь между компьютерами», в которой описал Сеть как «международную цепочку компьютерных баз данных на основе архитектуры информационного поиска, разработанной в 1989 году Тимом Бернерсом-Ли». В статье шла речь о партнерстве по распространению дешевого пакета программ – так называемого «Интернета в коробке». Маркофф написал мне в электронном письме: «Я помню, как шел от наивной веры во Всемирную паутину как новую утопию к осознанию того факта, что виртуальный мир наводнен троллями и прочими пакостями и что в Сети люди ведут себя так, как никогда бы не позволили себе при реальном взаимодействии. Я многое узнал из „Настоящих имен“ Вернора Винджа [первой научно-фантастической повести о киберпространстве, вышедшей в 1981 году], но понадобилось время, чтобы понять, что жизнь успешно подражает художественному вымыслу».

В Интернете удивительно часто наблюдаешь поведение, с которым едва ли встретишься в обычной жизни. Сказывается так называемый «эффект [онлайновой] расторможенности». Если вы читали блоги в середине 2000-х годов, то наверняка не прошли мимо яростных дебатов атеистов и креационистов. Но страсти в Интернете кипят не только из-за религии. Почитайте комменты к любому ролику на «Ютубе»! Модераторы кулинарных блогов знают: стоит появиться теме о поведении детей в ресторане, и грызня обеспечена. А ведь никто из нас пока что не свихнулся из-за сколь угодно невоспитанного чужого ребенка за соседним столиком. Да и все атеистические дебаты между онлайн-противниками, встретившимися в реале, протекали мирно и цивилизованно.

Расторможенному поведению интернет-пользователей способствует анонимность. Вполне ожидаемо, что на сайтах, где приходится долго и кропотливо зарабатывать репутацию, посетители ведут себя не так, как там, где запросто можно прикрыться легко создаваемыми и разрушаемыми виртуальными личностями. Джарон Ланир писал в вышедшей в 2010 году книге «Вы не гаджет. Манифест»^[7]: «Напрашивается вывод, что не анонимность как таковая, а кратковременная возможность быть анонимным плюс безнаказанность питают нашу онлайн-идиотию. Участники „Второй жизни“ [онлайн-игра] редко бывают столь же грубы друг с другом, как авторы комментов на Slashdot [сайт технических новостей]. Возможно, дело в том, что во „Второй жизни“ виртуальная личность очень ценна для хозяина и ее создание требует больших трудов».

В отсутствие государственного контроля люди (такие как Биндер) и организации устанавливают на своих сайтах собственные правила. Вот что писал Митчел Капор в далеком 1991 году: «Немыслимо, чтобы телефонная компания на постоянной основе мониторила наши звонки или прерывала разговор, тема которого показалась оскорбительной». Но Интернет, в отличие от телефонной связи, не средство двусторонней коммуникации, и одна паршивая овца может испортить все стадо.

Немного найдется людей, желающих проводить время в компании, где принято отпускать шуточки о свеженьких изнасилованиях или стрельбе в школе. Газеты, например чикагская *Daily Herald*, регулярно удаляют комментарии с угрозами или шутками на тему трагедий. Интернет-издание *Huffington Post* когда-то держало в штате 40 человек, отслеживавших и удалявших расистские, гомофобские и иные ненавистнические комментарии, пока в 2013 году вообще

не запретило анонимное комментирование^{121}. *New York Times* модерировать все комментарии. Некоторые газеты стали требовать привязки каждого коммента к профилю в «Фейсбуке», рассчитывая, что это удержит людей от оскорбительных выпадов. С конца 2013 года любой желающий оставить комментарий на YouTube должен сначала зайти на Google Plus (Google – владелец YouTube). Отчасти это сделано, чтобы отсеять враждебные комментарии (а также, предположительно, чтобы собирать больше данных). Google понизил рейтинг веб-страниц, где выкладываются фото из полицейских досье, за удаление которых приходится платить. Эти решения приняты не под давлением государства, закона или риска судебного преследования, а единственно из желания сохранить определенную культуру и атмосферу на сайте. Капору казалось «немыслимым», чтобы телефонная компания отслеживала и прослушивала наши звонки, но многие онлайн-компании ныне занимаются именно этим.

Иногда бесстыдство прямо сталкивается со стыдом. Например, некто Х. М. (обойдусь без имени не для того, чтобы защитить его, а чтобы не уделить ему лишнего внимания, которого он так жаждет) в конце 2010 года создал сайт *Is Anyone Up?* («Кто-то попал!»), где любой желающий мог анонимно выложить «голые» фото. Чаще всего это были бывшие подружки – своего рода «порноместы». Получив письмо от адвоката одной из жертв, Х. М. в ответ разместил фото собственного пениса. В *Rolling Stone* его назвали «самым ненавистным человеком в Интернете». Сайт действовал до весны 2012 года, когда его выкупил и закрыл другой сайт, *Bullyville.com*, созданный в помощь людям, не желающим мириться с троллингом.

Как виртуальный стыд становится реальным

В цифровую эпоху воздействие стыдом иногда преодолевает границы виртуального пространства. В августе 2011 года женщина, фотографии которой в обнаженном виде были без ее согласия выложены на сайте Is Anyone Up, отыскала создателя сайта и ударила его авторучкой. Рану пришлось зашивать (что, впрочем, не вызвало особого сочувствия к жертве). В Китае системы поиска людей – аналог коллективной платформы Anonymous – призывают добровольцев идентифицировать в Сети нарушителей, чтобы отыскать и опозорить их в реальной жизни. Нередко такой поисковик инициирует и систему формальных наказаний, например требуя уволить нарушителя с работы. Системы поиска людей в Интернете были созданы, чтобы наказывать коррумпированных чиновников, непатриотично настроенных граждан, журналистов, выступающих за умеренную позицию в отношении Тибета, неверных супругов и таких людей, как дамочка, насмерть затоптавшая котенка туфлями на шпильках.

Онлайновая расторможенность может переноситься и в реальный мир. По результатам исследования тысячи с лишним американских детей в возрасте от 10 до 15 лет, те из них, кто сталкивался с травлей в Интернете, в восемь раз чаще других сверстников признавались, что в минувшем месяце приносили в школу оружие^{122}. Множество людей покончили с собой после того, как их обидели или опозорили в Интернете.

Толпа может быть виртуальной, но боль, когда тебя травят или отторгают, совершенно реальна. Социальное отчуждение, пусть и в виртуальном мире, действует на психику угнетающе. Участники экспериментов, подвергнувшиеся остракизму в виртуальной игре в орлянку, жаловались на упадок духа и утрату чувства социализации. При выполнении последующих заданий они чаще подлаживались под остальных^{123}. Как и в реальной жизни, в Интернете издевательства наиболее часты среди учащихся средних школ. В 2005 году ученые провели телефонный опрос 1500 пользователей в возрасте от 10 до 17 лет, и оказалось, что в минувшем году 9 % респондентов подвергались преследованиям в Интернете, причем 57 % из этого числа пострадали от виртуальных знакомых, с которыми никогда не встречались в реальном мире^{124}.

Научим машины краснеть?

С приходом цифровых технологий люди стали прибегать к стыду по-новому и в небывалых масштабах, что вызвало к жизни проблему, над которой программисты, философы, когнитивные психологи и другие специалисты бьются с 1980-х годов. Это проблема формального, на основе логики, описания эмоций на базе цифровых технологий. Поскольку такие эмоции, как стыд, определяются нормами, вопрос ставится следующим образом: как «объяснить» компьютерам, что есть норма? В статье, опубликованной в 2001 году в журнале *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, говорилось о «первом шаге к охвату эмоций компьютеризованным исследованием социальных норм»^[125]. За последующие 10 с лишним лет были предприняты дальнейшие шаги, а на конференциях по теории вычислительных машин и систем поднимались вопросы типа «Какие ценности необходимо закладывать в программы роботов?». Однако объяснить машинам, что такое стыд, до сих пор не удалось.

Эмоции научат нас более лично относиться к машинам, а машины – к нам, людям. Не зря же Firefox смущается: «Упс, что-то пошло не так!» – когда не может открыть запрашиваемую страницу. Учтите, что воздействие стыдом – малозатратный способ наказания, избавляющий от надобности прибегать к более серьезным карам. Физические наказания человечество применяет к машинам крайне редко. Знаменитый пример – луддиты, уничтожавшие станки на мануфактурах. Исследование 2004 года установило, что около 1 % игроманов заводятся настолько, что бросаются на игровые автоматы с кулаками^[126]. Большинство из нас может вспомнить забавные случаи не столь радикальной агрессии в адрес машин. Скажем, сестра моей приятельницы искусала пульт управления Nintendo, так что остались отметины. Итак, остается актуальным вопрос, пойдет ли умение демонстрировать стыд на пользу компьютерам, как оно идет на пользу людям, стремящимся избежать более серьезного наказания.

На сегодняшний день стыд остается эмоцией, доступной лишь существам из плоти и крови. Цифровые технологии, как и предшествовавшие им методы коммуникации, усилили действенность стыда, расширив аудиторию и повысив доступность информации. Благодаря цифровым технологиям социуму стало проще стыдить своих членов, но при этом возросла и опасность ошибочного применения этих новых возможностей против себя самих.

Глава 8

Стыд и экономика внимания

Удовлетворение наступает, когда даешь информацию, а не получаешь ее.

Майкл Голдхабер. Внимание и программное обеспечение (Attention and Software, Release 1.0: ежемесячный бюллетень Эстер Дайсон, март 1992 года)

В декабре 2004 года BBC пригласила спикера Dow Chemical Джуда Финистерру высказаться по поводу годовщины трагедии в Бхопале. Компания Dow купила компанию Union Carbide вместе с заводом по производству пестицидов в Индии. Дважды десятилетиями ранее на этом заводе произошла утечка ядовитых веществ, в результате которой несколько тысяч человек погибли и сотни тысяч были покалечены. Финистерра ответил, казалось, искренне: «Сегодня великий день для всей компании Dow и, думаю, для миллионов людей во всем мире. После катастрофы прошло 20 лет, и я поистине счастлив заявить об уникальном событии. Dow принимает на себя всю меру ответственности за преодоление последствий трагедии в Бхопале. Мы выделяем 12 миллиардов долларов, чтобы наконец-то, пусть после долгой отсрочки, полностью выплатить компенсации всем жертвам – в том числе по 120 000 нуждающимся в пожизненной медицинской помощи, – а также быстро и радикально реконструировать бхопальский завод».

На BBC не знали одного: Финистерра был подставным пресс-секретарем. Создал этого персонажа Жак Сервен, активист из дуэта Yes Men («Согласные на всё»), участники которого «выдают себя за преступников высокого полета с целью их публичного унижения». BBC вышла на Финистерру через созданный Yes Men фейковый сайт, посвященный деловой этике Dow Chemical. Там был выложен пресс-релиз, в котором компания якобы приносила официальные извинения и обещала выплатить компенсации жертвам трагедии в Бхопале. Вот так и случилось, что «согласного на всё» подложного представителя Dow Джуда Финистерру пригласили дать интервью BBC. Dow узнала о произошедшем лишь через два часа, и интервью успело дважды выйти в эфир, прежде чем BBC выступила с опровержением. Но гвоздем программы стало публичное опровержение Dow – по сути, Финистерра привлек всеобщее внимание к тому факту, что концерн не имел ни малейшего намерения поступить по-человечески. Благодаря Интернету этот инцидент получил широчайшую огласку, и интерес к нему не угас до сих пор.

В борьбе за внимание всегда есть победители и проигравшие, а чтобы стыд был действенным, внимание необходимо. Майкл Голдхабер был первым, кто еще в 1980-х годах заговорил об экономике внимания. В статье 1997 года для *Wired* он объяснял: «По определению, экономика – наука о том, как общество использует ограниченные ресурсы. А информация – неограниченный ресурс, особенно в Интернете, где ее не просто много – чрезмерно много. Мы тонем в информации... Следовательно, главный вопрос: есть ли в киберпространстве ресурс иного рода, скудный и востребованный? Да, есть. Никто ничего не стал бы выкладывать в Интернет, не рассчитывая что-то с этого получить. И это что-то – внимание. Экономика внимания – а не информации – вот естественная экономика киберпространства». Голдхабер пророчески сформулировал и три главные проблемы экономики внимания: «1) громадный дисбаланс звезд и фанатов; 2) риск того, что растущий спрос на наше ограниченное внимание отучит нас осмыслять, глубоко обдумывать информацию (в то же время мешая наслаждаться

ничего неделанием); 3) наше внимание может быть настолько поглощено теми, кто за него борется, что его перестанет хватать на окружающих, особенно детей».

Голдхабер говорил исключительно о киберпространстве, но многие ученые считают, что экономика внимания зародилась значительно раньше. По мнению англичанина Ричарда Лэнема, почетного профессора Калифорнийского университета, одними из первых суть экономики внимания уловили художники, например Марсель Дюшан, устраивавший «игры на внимание с почитателями искусства»^{127}. Сегодня для того, чтобы привлечь внимание к чьему-то позору, приходится еще больше изоцряться, поскольку человек в цифровую эпоху перегружен из-за небывалой доступности информации. Слишком много отвлекающих факторов! Примеры, собранные в этой главе, можно считать выдающимися – ведь этим попыткам пристыдить кого-то в реальном мире удалось добиться нашего внимания.

Игры на внимание

В экономике внимания любой прием быстро становится избитым, и любому, кто хочет кого-то пристыдить, приходится ввязываться в гонку. Стыд можно использовать в открытую: например, так работает «Грязная дюжина» – список американских политиков, самым активным образом препятствующих защите окружающей среды, а также фотографии гибнущих дельфинов, сделанные Сэмом Лабудде, и обычные сенсационные заголовки статей о банковских махинациях. Можно обратиться к опыту шумных протестных движений, скажем «Захвати Уолл-стрит». Однако привлекать внимание к бойкотам, петициям и suck-сайтам (судя по всему, уже исчерпавшим свой потенциал) становится все труднее. Нам без конца подавай нечто новое, еще более увлекательное и захватывающее. Юмор – секрет успеха проектов, объединяющих стыд с иронией, таких как «Ежедневное шоу» и *The Onion*. Все больше поклонников завоевывает замаскированная ирония антирекламы в журнале *Adbusters* (скажем, замена ковбоя Джо Кэмела на больного раком легких Джо Химио) или хеппенингов в духе «спикера Dow» Джуда [Иуды] Финистерры.

Через неделю после террористической атаки 11 сентября Грейдон Картер, редактор *Vanity Fair* и сооснователь журнала *Spy*, написал: «Думаю, это конец эпохи иронии». Но Картер ошибся: ирония никуда не делась. Наоборот, в экономике внимания она востребована как нигде. Профессор Алекс Каллиникос называет постмодернистскую иронию «знанием и бесстрастным усвоением опыта элитой, считающей себя слишком искушенной для простых удовольствий и заурядных занятий»^[128]. Может, и элиты, и даже, пожалуй, искушенной, однако массово пораженной синдромом расстройства коллективного внимания. Постмодернистская ирония подходит и аудитории, имеющей самые разноречивые представления о том, чему себя посвятить. Нам по-прежнему нравится наблюдать, как придворные шуты высмеивают сильных мира сего, но в нынешнем мире распределение сил не столь очевидно, а внимание зрителей слишком рассеянно.

Замаскированная ирония – действенный инструмент борьбы за внимание, используемый самыми разными движениями ради пробуждения стыда: это и детурнеман, и культура помех. Хрестоматийный пример негативного паблисити на основе замаскированной иронии – акции «Согласных на всё», продолжающих успешно позорить могущественные организации. Так, в 2009 году участник группы «в образе» спикера Торговой палаты США объявил, что эта организация пересмотрела свою позицию по изменению климата и перестанет блокировать меры по снижению выбросов углекислого газа в атмосферу. (Торговая палата США подавала на активистов в суд, но в 2013 году отозвала иск.) В 2014 году в День дурака Национальное общественное радио (*NPR*) выложило в сети рассказ под названием «Почему Америка перестала читать» и связало его ссылкой с «Фейсбуком». Текст сводился к обращению к «прирожденным книголюбам» с просьбой не комментировать это сообщение, поскольку, «кажется, некоторые комментируют материалы *NPR*, даже не прочитав их». Ответом стала... череда комментариев возмущенных «читателей» несуществующего рассказа с заявлениями вроде «утверждать, будто в Америке никто больше не читает, – это неуважение по отношению к образованным американцам».

Полагаю, в XXI веке появятся новые формы скрытой иронии, ведь это и развлекает, и стимулирует общество – для того, чтобы уловить посыл, нужно хорошо разбираться в подоплеке. Аудитория должна понимать, что «Отчет Кольбера» – это пародия на такие продукты от гуру консервативных кругов, как «Фактор О'Райли», иначе от нее ускользнет смысл действия. Интересно, пойдем ли мы еще дальше – хватит ли нам внимания, чтобы считать

следующий уровень под скрытой иронией? Увидим ли мы пародию на Стивена Кольбера, пародирующего Билла О'Райли? О чем-то подобном размышлял Николас Леман в 2006 году, рассказывая об О'Райли в *The New Yorker*: «О'Райли столь давно и успешно играет О'Райли, обзавелся настолько большим арсеналом зацепок, подколок и подсюжетов, что порой кажется, он пародирует сам себя – а может, Кольбера, пародирующего О'Райли».

Другой мастер игр на внимание с позорящим подтекстом – британский художник Бэнкси. Вершиной скрытой иронии в исполнении Бэнкси следует считать его «документальный фильм» 2010 года «Выход через сувенирную лавку» – если помнить, что его главный герой, Мистер Мозгоправ, является творением самого Бэнкси, а не реальной фигурой в мире искусства, как пытается убедить фильм. Роджер Эберт начал рецензию на этот фильм в своем блоге словами: «Широко распространенное мнение, будто это мистификация, лишь делает фильм еще более захватывающим». Если вы повелись на то, что Мистер Мозгоправ создан Бэнкси (и сознаете, что на самом-то деле это уловка), то «Выход через сувенирную лавку» становится для вас метаперформансом, способом пристыдить мир коммерческого искусства.

Это не значит, что скрытая ирония уничтожила иные способы и стыдить в открытую, прямым текстом теперь невозможно. Остались и прямые действия, и протесты офлайн. Можно привести в пример пикеты протестующих против факторов, ведущих к изменению климата, или 15-месячный протест у магазина меховых изделий в Портленде (штат Орегон), владелец которого в 2005 году был оштрафован за продажу одежды из шкур ягуаров, леопардов и других вымирающих видов диких животных. В Китае кампания «Позорные клетки» была направлена против содержания в неволе азиатских черных медведей ради их желчи, которая используется в традиционной медицине. Британский комик Рассел Брэнд создал онлайн-программу *The Trews* («Правдивые новости»), где часто прибегает к стыду, аккуратно, но без экивоков (например, чтобы осудить хамскую манеру Fox News брать интервью). Сегодня нашего внимания требует масса информации, имеется и мощная платформа ее передачи и хранения. В этих условиях кампаниям с применением стыда проще пробиться сквозь информационный мусор, если они несут в себе игровой элемент.

Профессор физики в Нью-Йоркском университете Алан Сокал хорошо понимает законы экономики внимания. В 1996 году научный журнал *Social Text* напечатал его хвалебную статью о работе ряда постмодернистов. В этой статье, названной «Преодолевая границы: к трансформативной герменевтике квантовой гравитации», Сокал утверждал, что научное знание – социальный и лингвистический конструкт.

Написать эту статью Сокала заставило накопившееся недовольство все более антинаучными умонастроениями среди определенных групп ученых. Он прочел книгу Пола Гросса и Нормана Левита «Суеверия высшей пробы: ученый левый фронт и его схватки с наукой» (*Higher Superstition: The Academic Left and Its Quarrels with Science*) и решил присоединиться к их критике постмодернистов. Однако он был убежден, что любая явная критика канет в «черную дыру». Сокал решил поиграть – затеять нечто «заразительное», от чего нельзя будет «просто отмахнуться» – и написал панегирик «тексту упомянутых авторов». Он решил «дурачиться напропалую – чем абсурднее, тем лучше».

«Таким образом, все более очевидно, что физическая "реальность", как и "реальность" социальная, представляют собой низовой уровень социального и лингвистического конструкта, – писал Сокал, – что научное "знание", никоим образом не объективное, отражает и кодирует господствующие идеологии и соотношение сил в культуре, их порождающей, и что изрекаемые наукой истины по самой своей природе являются теоретическими построениями, ничем, кроме самих себя, не подтвержденными, следовательно, дискурс научного сообщества, при всей своей безусловной ценности, не может претендовать на привилегированное положение в плане эпистемологии применительно к идущим вразрез основному направлению дискурсам, порождаемым диссидентствующими или маргинализованными сообществами». (Уфф...)

Сокал предложил этот 33-страничный опус журналу *Social Text*, хотя неизменно подчеркивает, что главной его мишенью было не издание как таковое (в редколлегию которого, к слову, входят некоторые из «упомянутых авторов»). «Им просто не повезло оказаться идеальной мишенью – как раз такой вот актуальный журнал и мог напечатать подобную статью». Так и случилось весной 1996 года. (На мою реплику, что это был ход, опередивший свое время, Сокал ответил: «Теперь это уже вчерашний день».)

Через три недели в американском журнале *Lingua Franca*, посвященном научному сообществу, появилась другая статья Сокала, раскрывающая его розыгрыш. Он обошелся без пресс-релиза и не стал привлекать СМИ, полагая, что в лучшем случае вся эта история «удостоится упоминания на десятой странице *Chronicle of Higher Education*». Но Национальное общественное радио сделало сюжет о его статье, и постепенно новость о мистификации добралась до передовицы *New York Times*, а там и французской *Le Monde*, преодолев Атлантику, поскольку среди высокоученых жертв Сокала были и французы. Впоследствии Сокал стал соавтором книги о том, как философы-постмодернисты изгаляются над математикой и физикой, – «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна»^[8] (1998). В том числе и благодаря этой книге труды упомянутой прослойки ученых, извратителей точных наук, «вышли из моды».

Стиль и стратегия реализации аферы Сокала еще интереснее, чем ее содержание. По сути это было остроумное использование скрытой иронии с целью вызвать стыд. Но сам Сокал заявил, что и не думал кого-то стыдить, а жертвы его мистификации сами угодили в конфузную ситуацию. «Я особо не философствовал, когда это делал, скорее это был социологический эксперимент», – сказал Сокал и пояснил, что «стыд – не то слово, которое приходило ему

в голову». Как бы то ни было, очевидно, что Сокал умеет пользоваться скрытой иронией.

Надувные крысы

Как было сказано в предыдущей главе, за минувшие 200 лет наказания стыдом во многом утратили физиологический характер. Никаких больше публичных казней, клеймения каленым железом и полосатых тюремных роб – для современной общественности это неприемлемо. Но и вывести людей на акцию протеста тоже стало трудно. Можно предположить, что наши попытки стыдить отступников будут все более «отвязываться» от физической реальности, поскольку это и легче принимается обществом, и дешевле обходится. «Гринпис» уже не обязательно выставлять у стен Costco сотни пикетчиков, возмущенных хищническим выловом морепродуктов. Можно поднять над штаб-квартирой компании дирижабль с протестной надписью и выложить фотографию в Интернет. Но в начале кампании все-таки нужно совершить какое-то физическое действие.

Профсоюзные протесты против постыдного поведения работодателей также все больше переходят в виртуальную плоскость. Столкновения профсоюзов с хозяевами или штрейкбрехерами всегда были физическими, подчас очень яростными. Часто устраивались пикеты и заградительные линии, чтобы не дать другим рабочим попасть на предприятие. Но для пикета нужно активное участие десятков, а то и сотен решительных и смелых членов профсоюза. Возник вопрос, нет ли более дешевого способа привлечь внимание к протесту.

Так появились гигантские надувные крысы. Каждый день с десятков таких крыс встают на вахту у различных зданий Нью-Йорка как символ разногласий между работодателем и профсоюзом. (Крысами в этой среде называют хозяев предприятий, не желающих нанимать на работу членов профсоюза.) За ними последовали другие персонажи, олицетворяющие злоупотребление властью: тараканы, толстые свиньи, клопы (что особенно действительно применительно к отелям). Профсоюзные «воздушные шарики» – броские сигналы того, что противостояние достигло критической точки, а заодно надежный способ привлечь внимание.

Первые представители вида «крыса резиновая надувная» были обнаружены еще в 1990-х годах в Чикаго, где их применили в борьбе за свои права строители-каменщики. В Чикаго, как нетрудно догадаться, находится и компания, изготавливающая воздушные шары для профсоюзных акций. Самая популярная в модельном ряду – четырехметровая крыса стоимостью \$4350 – в середине 1990-х объявилась и в Нью-Йорке. В те годы нью-йоркский профсоюз строительных рабочих испытывал огромное давление из-за засилья дешевой и никем не защищаемой рабочей силы. По словам профессора социальных исследований в Нью-Йоркском университете, бывшего профсоюзного организатора и политического руководителя Эда Отта, «работодатели стали пренебрегать нормами, установления которых рабочие добились в ходе полуторавековой борьбы».

Постепенно крысы стали знамениты. Об их размещении в Нью-Йорке ежедневно сообщает радиостанция Q104,3. Их и прокалывают, и сдувают, и в полицейские участки забирают. Одна

надувная «звезда» даже засветилась в серии «Клана Сопрано».

По словам Отта, профсоюзы «не используют это средство по мелочам, прекрасно понимая, какое это сильное тактическое оружие». Джек Киттл, политический руководитель союза художников девятого округа, сказал: «Это последняя мера, после того как мы перепробовали все, что только можно».

Чикаго и Нью-Йорк остаются основными рынками сбыта надувных крыс, хотя компания продает их по всем штатам – недавно, например, был заказ из Флориды. Протестные надувные шары охраняются законом. В 2011 году Национальное управление по вопросам трудовых отношений приняло решение, что большой воздушный шар в виде крысы не является мерой принуждения, следовательно, не противоречит трудовому законодательству США. Это «символическое высказывание». Так что готовимся продолжать знакомство с надувными крысами. «Это мощный инструмент ненасильственного воздействия, оставляющий право выбора», – замечает Отт. «Прекрасный пример уличного театра», – добавляет Киттл.

Неожиданным следствием применения надувных крыс стало укрепление местной самоорганизации. «Я никак не ожидал и тени сочувствия от людей, вынужденных съезжать из квартир в Верхнем Ист-Сайде, где аренда стоит 4000 в месяц, – рассказывает Киттл. – Но и жильцы, и рабочие объединились в стремлении помочь, чем могут. В Нью-Йорке, как нигде в США, жители дружелюбно настроены к профсоюзам». Крысу профсоюза художников одалживают учителя, сиделки и работники сферы питания. (Бесплатно? «Конечно, – отвечает Киттл. – Все мы братья и сестры и должны помогать друг другу».)

Ни Отт, ни Киттл не имеют представления, почему такого рода удачные придумки не подхватили другие общественные движения. Впрочем, Киттл однажды видел надувную кошку, выставленную изобретательным работодателем рядом с профсоюзной крысой. Но, думаю, в будущем надувные крысы будут использоваться часто и по-разному. «Кое-кто уже начинает привыкать к нашим крысам, – сказал Майк Хеллстром из низовой профсоюзной организации чернорабочих 108 округа. – А наша стратегия – постоянно освежать впечатление, чтобы прием оставался действенным».

Как привлечь внимание солидного банка

Социологи утверждают: как паршивая овца губит кооперацию в группе, так и одно-два семейства паршивых овец портят воздух во всем квартале. Теория разбитых окон в действии! Зная это, Роберт Робертс, вышедший на пенсию пожарный из Южного Буффало в пригороде Нью-Йорка, с огорчением наблюдал, как ветшает дом через два строения от его собственного, а банку-владельцу и дела нет.

«Такая грустная история! – делился со мной Робертс. – У хозяина случился сердечный приступ, его уволили, и они с женой потеряли дом из-за просрочки». Дом перешел в собственность Bank of America, и больше за ним никто не следил. «Я стриг газон – не такой уж аккуратист, но все-таки хочется, чтобы участок выглядел прилично, – и глянул, что там у соседей. А там трава почти в метр стоит. Вот же черт! – подумал я». Его жена позвонила на горячую линию банка и прождала 45 минут, чтобы изложить свою жалобу кому-то в Техасе, после этого прошло две недели – и ничего!

Робертс решил, что личным визитом добьется большего. «Я предупредил, что соседи хотят устроить пикет у банка, но я уговорил их дождаться каникул, чтобы к нам могли присоединиться дети, – вспоминает Робертс. – Тип в банке силен болтать. Юлил и так и сяк, бла-бла-бла. Но пообещал постричь газон ко Дню поминовения». И действительно, газон в конце концов постригли, но Робертс выяснил, что это сделал сотрудник городской службы, а не кто-то, нанятый банком. Новоявленный пенсионер, он устал покорно «наблюдать, как тает его пенсия, пока мы вытягиваем банки из проблем». Робертс был сыт по горло.

В 2011 году, после целого года безуспешных попыток всего квартала добиться справедливости по телефону и лично, Роберт Робертс предстал перед тележурналистами с плакатом «Банк уродует наш район. Упадок с доставкой на дом – от Bank of America». Его фотография попала на передовицы вышедшего в понедельник номера *Buffalo News* и была перепечатана национальными новостными изданиями. Это был уже не визит возмущенного гражданина в офис, а прилюдный удар по репутации, и банк наконец-то обратил внимание на происходящее. Быстро последовали извинения, а нанятые банком подрядчики привели в порядок газон и живую изгородь, отремонтировали водосток и заменили сломанные двери и разбитые окна. Робертс и его соседи были довольны.

Этот случай показывает, что стыдить человека – это одно, а корпорацию – совсем другое. Я спросила Робертса, написал бы он на плакате такой же текст, если бы в неприглядном состоянии дома был виноват его сосед (тот, у которого случился сердечный приступ), а не банк. (Просто задавая этот вопрос, я и то чувствовала себя виноватой.) Робертс возмутился – он бы ни за что не вывесил подобный плакат на заборе соседа: «Это же совсем другое дело. Если бы там кто-то жил, то родственники или соседи помогли бы ему». От человека требуют более строгой морали, но и стыдить человека нужно, соблюдая более строгие ограничения.

Фоторепортеры запечатлели одного Робертса, но он подчеркивает, что это коллективная тактика. Участвовали все – и окрестные жители, и член местного совета. «Думаю, вся округа была недовольна происходящим, – пояснил Робертс, – но мы с женой оба на пенсии, и у нас есть время обивать порог банка». Пенсионеры вроде Робертса – неисчерпаемый ресурс, когда нужно кого-то пристыдить.

Отчасти успех Робертса объясняется тем, что его фото попало в Интернет (где его увидела даже я, находясь на тот момент за тысячи миль от Буффало). Вслед за газетами и телефоном Интернет снизил стоимость распространения информации и еще больше расширил аудиторию, перед которой можно позорить виновных. Важно, однако, что Робертс все-таки предпочел

реальные действия в физическом мире. (Он не стал создавать сайт или размещать петицию.) Интернет не заменит акций в реальном мире, но помогает распространять новости – как в данном случае помог донести посыл до руководителей Bank of America. В одном из районов Буффало в пригороде Нью-Йорка негативное освещение в СМИ заставило финансового монстра изменить свое поведение. Однако, прибегнув к стыду, можно получить и совершенно иные результаты.

Глава 9

Реакция на стыд

Если люди не могут изменить ход вещей, они меняют слова.

Жан Жорес, из речи на Международном социалистическом конгрессе в Париже (1900)

Та ночь, когда «Титаник» столкнулся в Северной Атлантике с айсбергом, ознаменовалась бесчисленными проявлениями героизма. Богатейший пассажир Джон Джейкоб Астор IV, усадив жену с горничной в спасательную шлюпку, вернулся в салон тонущего лайнера и курил сигарету, мужественно ожидая гибели. Вошло в историю последнее выступление струнного октета на палубе «Титаника». Капитан Смит, как и положено капитану, пошел на дно вместе с кораблем.

Были и проявления бесстыдства. В спасательной шлюпке № 1 леди Дафф-Гордон сетовала горничной на утрату нового пеньюара, а лорд Дафф-Гордон, выбравший жену себе под стать, посулил по пять фунтов стерлингов каждому гребцу полупустой шлюпки, чтобы не возвращаться за другими жертвами. И гребцы согласились.

Но, пожалуй, самым бесстыдным стало поведение Дж. Брюса Исмея, владельца «Титаника», который в ту роковую ночь также находился на борту. Начать с того, что на лайнере было недостаточно спасательных шлюпок – имевшиеся могли вместить в лучшем случае половину из 2208 пассажиров и членов экипажа. Так распорядился сам Исмей еще до выхода «Титаника» в первый и последний рейс. В итоге спаслись только 705 человек (почти половину из них составляли мужчины) и в том числе сам Дж. Брюс Исмей. Ходили слухи, что именно он приказал капитану Смиту увеличить скорость корабля (что предположительно повлекло за собой столь ужасные разрушения при столкновении с айсбергом). На следующий день после гибели «Титаника» *New York Times* вышла с заголовком на первой полосе «Число вероятных жертв – 125 человек, Исмей спасся». Это утверждение было правдиво только на половину – катастрофа унесла 1500 жизней.

По прибытии в Нью-Йорк Исмея ждало официальное расследование, в ходе которого он под присягой заявил, что не видит в своих действиях никаких ошибок. Однако всплывшие задним числом факты о его поведении свидетельствовали об обратном. Едва поднявшись на борт «Карпатии», подобравшей уцелевших пассажиров (все выжившие, кроме одного, находились в спасательных шлюпках «Титаника»), Исмей заперся в каюте корабельного врача и носа оттуда не показывал все три дня вплоть до высадки на 34-м причале Манхэттена. Во всех телеграммах, что он отправлял с борта «Карпатии», Исмей писал свою фамилию задом наперед. Эти телеграммы были зачитаны во время судебного разбирательства в Нью-Йорке, и Джозеф Конрад, присутствовавший на нескольких слушаниях, стал называть Исмея «злосчастным Йемси».

Вернувшегося в Британию Исмея ждал холодный прием. Проходя мимо дверей его дома, дети выкрикивали: «Трус, трус!» Бежав в ирландскую глушь, он влачил, как писала одна оклахомская газета, «жалкое и постыдное существование». Состав преступления в действиях Исмея так и не нашли, но он, безусловно, нарушил кодекс чести. «Жизнь в изоляции – адекватное возмездие тому, кто обманул доверие сообщества людей», – писал Фрэнсис Уилсон в книге «Пережить "Титаник", или Как опускался на дно Дж. Брюс Исмей» (*How to Survive the Titanic, or The Sinking of J. Bruce Ismay, 2011*)^[129]. Впоследствии Исмей перебрался в Лондон

и Ливерпуль, но так и остался изгоем – его общественная жизнь ограничивалась зваными обедами в собственном доме, где никогда не собиралось больше восьми человек. Никаких признаков вины или стыда в нем не наблюдалось, и все-таки он стыдился.

Подобно многим другим выжившим в крушении «Титаника» Исмей заплатил за спасение свою цену – осуждение общества, с которым он так и не решился встретиться лицом к лицу. На «Карпатии» он прятался от остальных спасенных, а в дальнейшем – от людей вообще. Если стыд не доставляет никаких неудобств, незачем менять поведение. На другом полюсе – стыд столь сильный, боль настолько мучительная, что виновный предпочитает жить как изгой или не жить вовсе. Стыд – болезненное чувство, и результаты его воздействия могут быть непредсказуемыми. В идеале он заставляет свою жертву (а окружающих – одна его угроза) согласиться с представлением группы о должном поведении. Но на стыд или страх стыда возможны и иные реакции, в том числе и очень далекие от идеальной.

Как не допустить позора

Воздействие стыдом бывает настолько сокрушительным, мощным и действенным, что самый лучший способ защититься от него – не допустить его вовсе. Разумеется, проще всего сделать это, имея власть. И веками это была прерогатива тех, кто обладал ею, – от светских и церковных властителей до правительств, политических деятелей и корпораций. Долгие месяцы American Press подвергала цензуре рассказы о бойне в Сонгми, где американские военные убили безоружных вьетнамцев: женщин, стариков и детей. В 2012 году WikiLeaks представила доказательства того, что в 2009 году Dow Chemical поручила частному детективному агентству шпионить за «согласным на всё» Жаком Сервенем, он же Джуд Финистерра. Это произошло в 25-ю годовщину трагедии в Бхопале. За пять лет до этого, в 2004-м, Сервен уже опозорил компанию, выдав себя за спикера гиганта химпрома и принеся «официальные извинения» жертвам трагедии, – и Dow Chemical опасалась очередного унижения. Компания поручила следить за Сервенем, чтобы предотвратить любую его акцию, прежде чем он попытается что-либо сделать.

Более свежий пример связан с принятием в 2006 году Закона о терроризме в отношении предприятий по содержанию животных (Animal Enterprise Terrorism Act). Законопроект был поддержан Big Agriculture и утвержден президентом Джорджем Бушем. В этом законе определение терроризма было расширено: в него включили действия «с целью разрушения или препятствования функционированию организаций, связанных с продажей, разведением или иным использованием животных». Таким образом федеральное правительство попыталось объявить вне закона сообщения о дурном обращении с животными на фермах и исключить негативное паблицити. Действующее законодательство крайне слабо защищает сельскохозяйственных животных, несмотря на то что большинство американцев считают необходимым гуманно обращаться со всеми живыми существами, в том числе и теми, которых мы едим. Поэтому скрытая съемка жестокого обращения с животными на фермах вызывает широкий общественный резонанс. В последние годы в СМИ стали просачиваться видеозаписи, на которых сельхозработники бьют лошадей, пинают свиней, показано, в каких ужасных условиях содержится домашняя птица, и это всегда вело к судебному преследованию. Сельскохозяйственная отрасль чрезвычайно заинтересована в том, чтобы избежать общественного осуждения (или любого другого наказания). Поэтому в целом ряде штатов были предложены, а то и приняты законопроекты, написанные под диктовку сельхозлоббистов. Одни запрещают вести на фермах съемку скрытой камерой, другие обязуют кандидатов на работу на сельхозпредприятиях раскрывать свои контакты с группами защитников прав животных или требуют сообщать о любом правонарушении в течение 12 часов. В 2012 году в штате Юта был принят один из первых законов, согласно которому видео– или аудиозапись происходящего на сельхозпредприятии является противозаконной, даже если ведется без проникновения на его территорию (как, например, в случае, когда одна женщина засняла раненую корову, стоя на обочине дороги).

Труба пониже и дым пожиже

Чтобы избежать позора и даже его угрозы, полезно держаться в тени, не привлекая к себе гневных взглядов общественности. В статье под названием «Секретные операции», вышедшей в 2010 году в *New Yorker*, Джейн Майер написала о миллиардерах братьях Кох (владельцах Koch Industries): «Братья Кох привыкли к тому, что публика не знает о них всех подробностей. Им более чем достаточно управлять „самой большой компанией, о которой вы и не слышали“, по формулировке Дэвида Коха». Анонимность – очевидная профилактика стыда, ведь стыдно бывает лишь тому, чья запятнанная репутация оказалась в центре внимания.

В маленькой группе отдельному человеку проще завоевать репутацию. По мере увеличения группы растет вместе с информированностью и цена каждого неверного шага. Но в большой группе любому нарушителю легче найти единомышленников, что дает шансы превратить отступление от нормы в новую норму. (Должно быть, поэтому BP так старалась втянуть Halliburton в скандал с аварией на платформе Deepwater Horizon.) Если группа велика, ослабляется даже действенность стыда, поскольку легче затеряться.

Вот что показал эксперимент по изучению угрозы социального отторжения. Когда изоляция угрожала одному испытуемому из четырех, это повышало кооперацию в группе, но стоило распространить угрозу на двоих из восьми, как эффект пропал. (Решение о том, кто покинет группу, принималось общим голосованием.)^[130] Следовательно, действенность стыда в экспериментальных играх, проводившихся мною совместно с коллегами, отчасти объясняется тем, что мы сделали группы малочисленными – всего по шесть человек.

В сегодняшнем мире однократных взаимодействий и расплывчатых идентичностей избежать стыда стало легче. Если знаешь, что едва ли еще раз встретишься с этими людьми, нет особого стимула менять поведение. (Именно поэтому мы приглашали к участию в наших экспериментах студентов, которые вместе учились, и проводили их в начале семестра, чтобы испытуемые знали, что гарантированно встретятся снова на занятиях.)

Огромное количество компаний, людей, продуктов и товарных знаков также мешает пристально следить за каждым. Enron, которую в 2001 году постигло одно из самых масштабных банкротств в истории США, спрятала миллиарды долларов долгов в сотнях подставных фирм, которые купили падающие акции Enron, что позволило корпорации пустить пыль в глаза аудиторам. Lehman Brothers за год до своего краха 2008 года с помощью мелкой фирмы Hudson Castle (в которой владела 25 % акций) вынесла рискованные инвестиции за рамки своей отчетности, и «риск негативного отношения в СМИ» был переложен на Hudson Castle. Морской попечительский совет, владелец экологического лейбла на рыбопродукцию, поручает процедуру сертификации сторонним организациям, о которых никто и не слышал, чтобы в случае неблагоприятного решения не вызвать огонь на себя. Ныне даже старшекласники создают по несколько аккаунтов в соцсетях – одни, чтобы быть самими собой, а другие, под своими реальными именами, исключительно чтобы показать приемной комиссии колледжа, какие они паиньки.

Чтобы размыть позорное пятно на репутации, можно сделать что-то хорошее, нейтрализовав дурное. Именно так поступила компания Amazon, когда накопила шлейф негативного публичности из-за неуплаты торгового сбора и регистрации в «налоговом раю», – создала благотворительный сайт AmazonSmile. Случается и наоборот: некоторым благодаря отличной репутации в одной области сходит с рук скверное поведение в другой. (Вуди Аллену сошло.) Рыба-губан – санитар коралловых рифов – прекрасно владеет этим приемом. Она объедает с тел других рыб паразитов вместе с отмершими или пораженными тканями,

совершая ежедневно больше 2000 контактов с «пациентами». Она бы не стала ограничиваться одними паразитами, но, если однажды пожадничать, в следующий раз рыба откажется от услуг губана. Наблюдая за рыбами-чистильщиками в Красном море в 1999 году, биолог Редуан Бшари заметил, что другие рыбы наблюдают, как губаны обслуживают очередных клиентов, и избегают тех, кто норовит урвать кусок побольше. Но среди губанов попадаются хитрецы. Зная, что за ними следят, они деликатнейшим образом обхаживают какую-нибудь малявку, чтобы предстать перед крупными клиентами в лучшем виде. Когда же кто-то из этих крупных рыб явится на чистку, подлый губан вознаградит себя, отъев вместе с паразитами чуточку здоровой плоти, – ведь проще зажиреть обманом, чем честным трудом^[131].

Собственная система ценностей и иная ментальность как защита от стыда

Никогда не придется страдать от стыда тому, кому изначально плевать на перспективу общественного осуждения. Чем более индивидуалистична культура, тем явственней проявляется в ней эта тенденция. Чтобы стыд был действенным, необходима близость между людьми, так что самоизоляция – физическая или психологическая – значительно снижает его возможный эффект.

Как оказалось, к индивиду мы подходим с более строгой нравственной меркой, чем к группе, а некоторые группы словно бы заранее выведены из-под удара. Но не все. В представлении общества такие группы, как McDonald's, Корпус морской пехоты США или кришнаиты, обладают большей сплоченностью, «коллективным сознанием» – способностью желать и планировать как единый организм, – чем группы блондинок или гольфистов. С точки зрения общества, группы с выраженным коллективным сознанием несут и больше ответственности за свои коллективные действия. Citibank и ВМФ США, на наш взгляд, должны полнее отвечать за то, что они делают, чем аморфные группы автолюбителей и поклонников тенниса^{132}.

В то же время определенным группам дозволяется такое поведение, которого мы бы не потерпели от отдельных людей. К примеру, корпорациям дозволено руководствоваться в своей деятельности исключительно погоней за прибылью, – очевидно, к ним применяются особые стандарты поведения. По словам Милтона Фридмана, у руководителя корпорации может быть много всяческих обязательств, в том числе «перед семьей, собственной совестью, голосом милосердия», «но у бизнеса есть лишь одно и только одно социальное обязательство – использовать свои ресурсы и участвовать в деятельности с целью увеличения прибыли, следя лишь за тем, чтобы не нарушались установленные правила, – скажем, соблюдать условия открытой и свободной конкуренции без дезинформации и мошенничества»^{133}. По Фридману выходит, что, руководствуясь общечеловеческой этикой, корпорация рискует нарушить этику корпоративную. При таких взглядах неудивительно, что на конференции 1998 года по вопросам приватизации публичного образования Фридман схлопотал тортом в лицо.

Не только корпорации и другие объединения стали неуязвимы для уколов стыда (возможно, именно в силу того, что руководствуются собственными нормами). Машинам мы тоже склонны позволять больше, чем людям. Чтобы понять, что мы вкладываем в понятие «справедливость», экспериментаторы проводят игру в ультиматум. Одному из игроков даются деньги, и он волен отдать партнеру всю сумму или ее часть или вовсе ничего не отдавать. Партнер вправе принять предложение – и оба участника расходятся, поделив сумму согласно договоренности – или отвергнуть, но в этом случае оба игрока остаются без денег. Самое распространенное предложение – это поделить сумму пополам, а меньше 20 % от суммы большинство участников, в какой бы стране мира ни проводилась игра, принимать отказываются, то есть оба игрока уходят ни с чем. Но если участники эксперимента думают, что предложение генерирует компьютер, то ведут себя по-другому. Люди отвергают раздел 80/20 или 90/10, предложенный человеком (когда им показывают фотографию предполагаемого партнера по игре), но соглашались на столь же несправедливую сделку, если она, по их мнению, исходит от компьютера. Зоны мозга, возбуждающиеся в ответ на несправедливые предложения человека, оказываются *менее* активными при сделке с компьютером^{134}. Аналогичные эксперименты проводились и с замером электропроводности кожи – изменение этого показателя свидетельствует о степени нервного возбуждения, поскольку между потовыми железами

и симпатической нервной системой существует связь. И снова измеряемый параметр возрастал в ответ на нечестное предложение, но только если оно исходило не от компьютера, а от человека^{135}. Следовательно, наши нравственные критерии зависят от ситуации или ее участников. Тревожное обстоятельство в эпоху дронов и высокочастотного трейдинга (ныне основная масса сделок на фондовых рынках заключается в автоматизированной системе торгов). Кроме того, многие человеческие группы и машины попросту не ведают эмоций, которые заставляют бояться позора: в их структуру не заложена мораль, и, следовательно, они в принципе не подвержены стыду.

Что делать, если уже стыдно

Стыд легче предупредить, чем лечить. Попытки судиться, как правило, лишь привлекают еще больше внимания к и без того подмоченной репутации. Если вас уже «обложили», можно попросту перетерпеть, пока не отвяжутся, – именно так и поступают корпорации. Время исцеляет любые раны.

Другая тактика предполагает контратаку на того, кто вас стыдит, чтобы подорвать доверие общественности к этому источнику. Решение фонда Комен прекратить финансирование Planned Parenthood (впоследствии отмененное) вызвало чрезвычайно резкое неприятие, на которое бывшая руководительница Комен Карен Хандел (именно ей пришлось разбираться с этой шумихой) ответила встречным ударом по репутации – книгой «Планируемое бузотерство» (Planned Bullyhood, 2012). В октябре 2010 года основатель Wikileaks Джулиан Ассанж прервал интервью на CNN, когда с ним заговорили об обвинениях в сексуальных домогательствах. В последующем интервью ведущему CNN Ларри Кингу Ассанж заявил, что обвинения против него ничто в сравнении со смертями 109 000 человек, о которых стало известно из правительственных документов, и, переводя стрелки, добавил: «CNN должно быть стыдно».

Порой лучший способ спастись от стыда – буквально бежать и укрыться от всех, как поступил Брюс Исмей. Теперь мы знаем, что человек съезживается, физически старается стать меньше, когда испытывает стыд. В китайском литературном языке понятию «стыд» соответствует сочетание «дю лян» – буквально «потеря лица». И это не удивительно, если вспомнить, что едва ли не раньше всего человечество стало стыдиться именно безобразия^{136}. Понятие «лицо» свойственно китайской культуре и определяет поведение ее носителя, однако выражение «сохранить лицо» встречается в самых разных культурах как в буквальном, так и в переносном смысле, когда под «лицом» понимается репутация. У тлингитов, индейцев Северо-Западного побережья, существовал обычай: если высокопоставленный член племени был ранен, особенно в лицо, то не должен был покидать жилище, пока рана не заживала^{137}. (Сегодня так же поступают пациенты пластических хирургов после операции.) В Интернете тоже можно спрятаться, и если пользователь из-за постыдного твита становится мишенью, то удаляет свои аккаунты в «Твиттере» или делает их закрытыми.

Прятаться порой приходится не только опозорившимся людям. Стыд, как вирус, поражает друзей, родственников и других членов группы, бросая тень и на их репутацию. Дети людей, страдающих синдромом накопительства, вздрагивают при звуке дверного звонка – страх, что кто-нибудь увидит накопленный родителями хлам, принимает болезненный характер. Родители 24-летнего стрелка, совершившего массовое убийство в кинотеатре в Колорадо, предпочли скрыться (но приехали на предъявление обвинения). В традиционной Японии позор одного члена семьи ложился на всех, и лишь ритуальное самоубийство виновного смывало постыдное пятно с высокопоставленной фамилии.

Человеку, которого стыдят родственники или лидер религиозной общины, трудно порвать узы и бежать от стыда. А вот группы, особенно корпорации, только так и поступают. ВР объявила о планах уволить гендиректора Тони Хейворда через три месяца после начала разлива нефти в Мексиканском заливе. Фонд Комен, столкнувшийся с осуждением общественности из-за Planned Parenthood, также назначил нового гендиректора. Позор звезды бросает тень на ее корпоративного спонсора, и для знаменитостей бегство от стыда означает потерю контрактов. Accenture, AT&T, Catorade и General Motors разорвали контракты с Тайгером Вудсом, когда всплыли его внебрачные связи. Кейт Мосс лишилась контрактов с H&M, Chanel и Burberry из-за публикации снимков, где она нюхает кокаин. (С тех пор дела у нее снова пошли

в гору, так что порой потерпеть и переждать – лучшая стратегия.) Расистские высказывания стоили звездному повару Поле Дин работы с Food Network, Wal-Mart и Random House. Модный дом Christian Dior уволил дизайнера Джона Гальяно, когда в Сети появилась видеозапись его антисемитских заявлений.

Тому, кого вконец застыдили, остается обрубить все концы и спастись бегством в места, где приняты иные культурные нормы либо никто еще не прознал о его прегрешениях. Вокруг свиноводческих хозяйств Северной Каролины было очень много шума из-за подтвержденных случаев жестокого обращения с животными и загрязнения окружающей среды навозными стоками, смытыми в 1999 году во время урагана Флойд. Спасаясь от позора, множество ферм перебазировались в Айову, где можно действовать прежними методами, пока общественное недовольство вновь не достигнет пика.

Спасаясь от стыда, некоторые прячут не лица, а улики. Владельцам частных самолетов, удостоившимся нелестных отзывов СМИ за эту разорительную роскошь, – как, например, руководству General Motors – новые правовые льготы позволили запретить общественности отслеживать их перелеты. Группа ProPublica, занимающаяся независимыми журналистскими расследованиями, проделала огромную работу, чтобы раскопать эту историю^{138}.

Еще один вариант – прикрыться псевдонимом по примеру «злосчастливого Йемси». Под давлением негативного публичности федеральные тюрьмы США стали называть одиночные камеры штрафными изоляторами, а Школа Америк Министерства обороны ныне именуется Институтом Западного полушария по сотрудничеству в сфере безопасности. Администрация Обамы, дистанцируясь от «мировой войны с терроризмом» Буша, занимается туманными «внешнеполитическими операциями в особой обстановке». Слишком уж «засветившаяся» в Ираке частная военная компания Blackwater в 2009 году выбрала себе новое имя – Хе, а в 2011-м – высоколобое Academi. (Впрочем, подразделение Blackwater, занимающееся онлайн-торговлей, на момент написания этого текста благополучно продолжало сбывать «хлопчатобумажные футболки, рубашки-поло, тактические куртки и защитные головные уборы» – видимо, дурная репутация компании не распространяется на камуфляжную одежду.) По слухам, ВР подумывала о переименовании после экологической катастрофы в Мексиканском заливе, но пришла к выводу, что грех избавляться от бренда, в который столько вложено.

Даже потребительские товары меняют названия, спасаясь от стыда. Поскольку все больше людей считают пиццу нездоровой пищей, Pizza Hut опробовала новый бренд The Hut или на некоторых территориях Pasta Hut, но была поднята на смех и вернулась к прежнему названию. С 2009 года аспартам продается в розницу под названием AminoSweet. В сентябре 2010 года Ассоциация переработчиков кукурузы обратилась в Управление по контролю качества продуктов питания и лекарственных средств за разрешением называть кукурузный сироп с высоким содержанием фруктозы «кукурузным сахаром», но получила отказ. Такая рыба, как пилорбрюх, патагонский клыкач и обыкновенный катран, была редкой гостьей на нашем столе. Ныне эти хищнически вылавливаемые виды поступают на рынок под новыми названиями из списка первой категории: атлантический большеголов, чилийский сибас, каменный лосось^{139}. Некоторые личности и компании не просто меняют имя, но и создают себе новую репутацию. Журналист Грэм Вуд рассказал о хитростях и уловках управления репутационными рисками в статье, вышедшей в 2013 году в журнале *New York*^{140}. Вуд узнал, что его бывший соученик П. Ю. (мы ограничимся инициалами ради сохранения анонимности) обвиняется в мошенничестве с федеральными налогами и в том, что помог своей матери (!) ввезти контрабандой из Цюриха сотни тысяч наличных долларов. Его мать признали виновной, но с П. Ю. обвинения в конце концов сняли. Однако, судя по поиску в Интернете, его репутация в онлайн-сообществе была безнадежно испорчена. (Матушка П. Ю. не только втянула сына в рискованные игры с законом,

но и дала ему уникальное имя – идеальную мишень для поисковых машин.)

Из любопытства (с легкой примесью злорадства) Вуд установил на имя П. Ю. оповещение и через несколько месяцев после суда получил ряд оповещений о неожиданно позитивных постах (в общей сложности на 33 сайтах). Выяснилось, что П. Ю. заключил договор с фирмой по управлению репутационными рисками Metal Rabbit Media – «бутик онлайн-репутаций для очень состоятельных людей» (ее услуги могут стоить и \$10 000 в месяц). Metal Rabbit не ограничилась положительным паблисити. В частности, был создан вымышленный филантроп, полный тезка клиента, поскольку благодаря «двойникам невозможно знать наверняка, к кому относится издевательский коммент в Сети – к подставным лицам или к их опростоволосившемуся реальному прототипу». «Только представьте себе будущее, – писал Вуд, – в котором богачи создают десятки виртуальных козлов отпущения, как Саддам Хусейн выставлял вместо себя физических двойников, – и пусть боты попробуют найти настоящего!»

Таков еще один цифровой барьер по эту сторону цифрового барьера: одни в состоянии смыть пятно со своей онлайн-репутации, а другим это не по средствам. Целые отрасли и впредь будут выделять бюджеты на управление репутационными рисками и связи с общественностью. Существуют сайты, где выкладываются фотоснимки задержанных флоридской полицией (эти данные оказались в свободном доступе на основании запроса публичной информации), а другие сайты, действующие с ними в сговоре, предлагают за деньги убрать ваши фото. Платные услуги по устранению контента – это растущий рынок.

Если уж обычные граждане способны на такие ходы в управлении репутационными рисками, можете себе представить, что творят компании, чтобы счистить малейшие пятнышки со своего бренда! Астротерфинг – создание искусственного общественного мнения с помощью слухов, исходящих словно бы от маленькой организации низового уровня или от простого обывателя (какой-нибудь мамочкин блог) – в действительности финансируется крупными корпорациями или политическими группами. Фильм «Земля правды» (Truthland) – попытка дезавуировать документальную ленту «Земля газа» (Gasland) о разрушительном влиянии на экологию добычи природного газа методом гидроразрыва пласта (фрекинга) – представляет нам «учительницу, владелицу молочной фермы и маму» из Пенсильвании, отправляющуюся в путь за правдой о фрекинге. На самом деле этот фильм заказало, а затем продвигало подразделение по связям с общественностью нефтегазодобывающей компании. Иные ученые также готовы помочь корпорациям избежать позора. Авторы исследования, опубликованного в 2012 году в журнале *Marketing Science*, рекомендовали компаниям отслеживать обсуждения в Интернете с особым вниманием к доле негативных отзывов и «активнее использовать офлайн-телевизионную рекламу, которая увеличивает интенсивность обсуждений онлайн, одновременно снижая количество негативных высказываний»^{141}.

Чем еще чреват стыд

Один из главных рисков, связанных с применением стыда против отступника от норм, – еще большая его изоляция вместо желаемой интеграции в социум. Алая буква «словно проклятие вырывала [Эстер Принн] из нормальных отношений с человечеством и замыкала в круг одиночества». В условиях изоляции отступнику проще и привлекательней так и идти путем отступничества, отказавшись от жизни в группе.

Каждый участник нашего эксперимента на общее благо, где исследовались эффекты социального признания и стыда, сыграл еще два дополнительных раунда после того, как были выявлены самый щедрый или самый жадный игроки. Как правило, в 11-м и 12-м раундах два самых несговорчивых и опозоренных участника вели себя еще более асоциально, а игроки, удостоившиеся признания за наибольшую готовность к кооперации, продолжали выступать филантропами. Таким образом, поступки игроков упрочивали приобретенную репутацию.

Чрезмерное увлечение позорными наказаниями, как и демонстративное преобладание постыдного поведения, способны даже перекрыть социальные нормы. «В ней обнаружилось столько услужливости... что многие отказывались видеть в пурпурной "А" ее первоначальный смысл, – писал Готорн. – Они говорили, что "А" значит "Авель", так сильна была Эстер Принн в своей женской слабости». В штатах, законодательство которых требует ставить яркие номерные знаки на автомобили злостных приверженцев пьяной езды, иные даже гордятся такими знаками отличия, называя их «праздничными».

Представим теперь, что мы выставили на позор всех хозяев запущенных домов или загрязнителей окружающей среды. Не станет ли само их количество сигналом, что такое поведение – в порядке вещей, и не превратится ли оно в норму? Может сработать так называемый эффект бумеранга – люди перестают воздерживаться от нежелательного поведения, если по ошибке принимают его за нормальное. Чтобы этого избежать, следует напоминать, что есть норма. Именно так поступает налоговое ведомство Калифорнии, сообщая на своем сайте, что «почти 90 % налогоплательщиков платят все, что причитается».

Лучшая защита – нападение?

Некоторые готовы терпеть стыд, просто потому что финансовая отдача от постыдного поведения перевешивает любые издержки. «Отрицание социальных норм и сопутствующий риск позорных санкций даже в самых сплоченных обществах – удел прежде всего очень богатых и очень бедных», – писал Тони Массаро^[142]. Богачей «защищает богатство», а у бедняков «нет „общественного положения“, которое можно было бы утратить». Иначе говоря, эти люди не считаются с социальными нормами, потому что не могут себе позволить им следовать или же могут себе позволить им не следовать. Раскольников из романа Достоевского считал, что, как «сильная личность», имеет право совершить преступление, не понеся наказания. Но, как оказалось, ошибся и (осторожно, спойлер!), осужденный за убийство, отправился в Сибирь. Помните, мы говорили о риске того, что отступник перестанет ощущать принадлежность к социуму и поставит себя выше или ниже группы?

Чтобы совершенно избавиться от уколов стыда, можно выразить признательность или продемонстрировать раскаяние. После скандала, когда топ-менеджеры AIG потратили помощь от государства на роскошный отдых, организация решила создать себе позитивное паблицити. Кампания «Спасибо, Америка» – в благодарность за бюджетные деньги – пожалуй, могла бы хоть отчасти извинить AIG в глазах общественности, улучшить ее репутацию и облегчить бремя стыда за финансовый кризис. Но всего лишь через неделю AIG решила присоединиться к иску против федерального правительства по поводу упущенной выгоды из-за ограничений, связанных с получением финансовой помощи, – той самой помощи, за которой компании пришлось обращаться вследствие финансового кризиса, спровоцированного в том числе и ее действиями. Реакция была мощнейшей. Заголовок в *New York Times* гласил: «AIG, спасенная санацией, собралась засудить своего спасителя». В *Gothamist* высказались еще доходчивее: «Спасибо, Америка, – и пошла в жопу». На следующий день совет директоров AIG передумал присоединиться к иску, однако бывший президент компании при участии других шишек с Уолл-стрит впоследствии все равно обратился в суд.

Другой способ деятельного раскаяния – извиниться. Это часть процесса восстановления после лечения стыдом как для самого отщепенца, так и для общества. В 2010 году Джеймс Фрей добавил к изданным в 2003 году мемуарам «Миллион маленьких кусочков» (*A Million Little Pieces*) три страницы, на которых извинялся за то, что изрядную часть «воспоминаний» выдумал. Возможно, на это его сподвиг стыд, испытанный после шоу Опри и серии «Южного парка» под названием «Миллион тонких нитей» (в которой Полотенчик пишет книгу воспоминаний и настаивает на том, что оно человек). Но проверить, насколько искренни извинения, так же трудно, как и понять, действительно ли виновнику стыдно. Иные люди просто понимают по реакции окружающих, что те находят их поступок дурным, и приносят извинения лишь потому, что их приперли к стенке. Например, Клинтон: «Думаю, совсем непросто сказать, что согрешил», – или Тайгер Вудс: «Я знал, что поступаю неправильно, но убедил себя, что обычные правила здесь не действуют».

В идеале страх стыда заставляет привести свое поведение в соответствие с ожиданиями группы, пускай даже чисто внешне. В ноябре 2008 года GM, Ford и Chrysler потеряли 25 %-ную долю рынка, которую занимали в предыдущее десятилетие, и главы трех американских автогигантов отправились в Вашингтон просить \$25 млрд из бюджетных средств. Все трое полетели – каждый на собственном реактивном самолете. Во время встречи члены Конгресса указали управленцам на их бесстыдство. Это все равно что «явиться за бесплатным супом в цилиндре и смокинге», – сказал один, а другой попросил поднять руку тех из них, кто готов

продать свой лайнер и купить обратный билет на обычный рейс (никто руки не поднял). Но именно угроза стыда заставила всех троих через месяц прибыть на слушания бюджетной комиссии Сената США на самых экономичных моделях автомобилей своих компаний. Все пообещали продать самолеты (хотя неизвестно, сдержали ли они обещание), и через какое-то время Конгресс одобрил многомиллиардную санацию.

Если стыд достигает цели, не разрушая ничью жизнь, если ведет к преобразованию и воссоединению с обществом, а не к конфронтации – или, еще того лучше, удерживает от дурного поведения, – это и есть оптимальное его применение. (Другой вопрос – оптимальна ли сама норма, которую он побуждает соблюдать.) Истинная цель применения стыда – это предотвращение поведения, считающегося в данной группе дурным.

Именно стыд заставил хозяина Microsoft Билла Гейтса создать крупнейший в мире благотворительный фонд и стать одним из самых видных филантропов. В конце 1990-х Гейтс навлек на себя всеобщее осуждение вздорным поведением во время антимонопольного судебного процесса и крайне несдержанной реакцией на приговор, объявивший Microsoft монополистом. Гейтса неоднократно «угощали» тортом в лицо. В 1999 году фонд Уильяма Г. Гейтса (Уильям Генри – полное имя Билла и его отца) был преобразован в фонд Билла и Мелинды Гейтс, и Гейтс-младший удвоил его целевой капитал.

Публичность – ключевое условие как пристыживания, так и признания – была использована самим Биллом Гейтсом как стимул для других миллиардеров активнее участвовать в благотворительности. В 2010 году стартовала филантропическая кампания Гейтса и Уоррена Баффета «Клятва дарения». На сайте движения выложен список супербогатых людей, давших, как и двое основателей, обещание (юридически никак не оформленное) пожертвовать на благотворительность большую часть своего состояния. Разумеется, в СМИ сообщалось не только о присоединившихся, но и об отвергнувших предложение, среди которых оказались Опра Уинфри и семейство Уолтон (владельцы сети магазинов Wal-Mart). В качестве стимула к филантропии Гейтс использовал и репутацию.

Гейтса стыдили за монополизацию рынка, рыбаков – за уничтожение дельфинов, товаропроизводителей – за плохие условия труда. В результате поведение виновников становилось более приемлемым в глазах общества, следовательно, во всех этих случаях стыд применялся эффективно. Вот она, подлинная сила стыда: одна лишь его угроза может заставить человека или организацию вести себя так, как считает правильным общество. Стыд – это оружие, служащее общественным интересам, и если применять его умело и в нужный момент, само общество становится лучше.

Глава 10

Лучшие мишени для стыда

Важно не то, какое оно сейчас. Важно, каким оно может стать.

Слова Находкинса из сценария «Лоракса» (2012)

Прежде чем стать мэром Боготы, Антанас Моккус занимался наукой – он магистр математики и философии – и был президентом Колумбийского национального университета. Его переходу на правительственную работу предшествовал демонстративно бесстыдный жест. В 1993 году Моккус заставил агрессивную толпу студентов обратить на себя внимание, прилюдно сняв штаны. Внимания он добился. Работу потерял.

«Стыд и бесстыдство – сквозная тема в жизни Моккуса», – рассказывает Фелипе Кала. Кала родился и вырос в Боготе, а Моккусу он посвятил главу своей диссертации о культуруобусловленной правозащитной деятельности в Латинской Америке. По его мнению, Моккус «приобрел политический вес благодаря бесстыдному поступку». Скандальная известность и \$8000 (это самая дешевая избирательная кампания в истории Колумбии) сделали Моккуса мэром. Он вступил в должность в январе 1995 года и за шесть лет во власти (1995–1997 и 2001–2003 годы) показал себя столь же нетривиальной фигурой, какой был и на университетском поприще.

Хозяйство Моккусу досталось хлопотное. Огромный город, где процветали политические похищения, заказные убийства и взрывы, устраиваемые боевиками наркокартелей. В середине 1990-х годов уровень насильственных смертей в Колумбии был в пять раз выше среднего по Латинской Америке (где он в целом выше, чем в остальном мире). Выступая в 2012 году в Массачусетском технологическом институте, Моккус посетовал, что жители Боготы в частной жизни ведут себя прилично, однако «на публике анонимность провоцирует на дурные поступки». Он надеялся сделать город более безопасным, сформировав культуру самоконтроля.

Одной из целей Моккуса стала безопасность дорожного движения для водителей и пешеходов. С его подачи среди горожан было распространено больше миллиона карточек, красных с одной стороны и белых – с другой: пешеходов призывали с их помощью сообщать водителям о своем неодобрении или одобрении (нечто подобное используют судьи на футбольных матчах). В июле 1995 года исследование показало, что почти четверть горожан имеют такие карточки, а две трети о них наслышаны. При этом 70 % осведомленных считали, что это удачная идея, которая поможет покончить с опасной ездой.

Моккус нанял 20 профессиональных мимов, чтобы те привлекали внимание к нарушениям правил перехода проезжей части, опасному вождению, непристегнутым ремням безопасности и злоупотреблениям клаксоном. Мимы завоевали такую популярность, что городские власти обучили еще 400 человек. Несомненно, и их заслуга есть в том, что количество смертей в дорожных авариях с 1995-го по 2002-й год снизилось на 50 %. Нанятые Моккусом мимы стали «одной из его визитных карточек», считает Кала.

В 2001 году Моккус спонсировал проведение «вечера женщин» – горожанам-мужчинам предписывалось в это время сидеть с детьми или просто оставаться дома. Еще одна его идея – добровольный комендантский час как способ борьбы с пьянством и уличным насилием, – и чтобы дать ей удачный старт, мэр самолично занялся агитацией, обходя жилые кварталы с часами на шее. Когда в городе возникла проблема нехватки воды, Моккус снялся в социальной рекламе, продвигающей нормы экономного водопользования. Стоя голышом в душе,

он разъяснял, что выключает воду, когда намыливается, и призывал сограждан поступать так же. Сниженный расход воды в быту наблюдался и два месяца спустя.

«Его принцип действий заключался в том, чтобы заставить людей задуматься», – полагает Кала. С помощью стыда Моккус показывал, какое поведение дурно, и шел на публичное самоуничижение, бесстыдно демонстрируя голый зад или позируя в душе. Самый потрясающий символ его смиренности – прорезь в форме сердца в пуленепробиваемом жилете, который ему часто приходилось носить. Прорезь располагалась как раз над его сердцем, так что его телохранители были не в восторге от этого жеста. Моккус часто прибегал к юмору и самоуничижению, о чем свидетельствует почти все, о нем написанное. Умел он и играть в игры на внимание, и использовать изобразительное искусство ради достижения стратегических целей – этот дар обеспечил ему приглашение на Берлинское биеннале 2012 года. Мэр Моккус часто находил наилучшие мишени для стыда.

Как найти лучшие мишени для стыда

Некоторые считают стыд устаревшим средством воздействия – порой бесполезным, но отжившим свое. Для других стыд сродни ядерным технологиям – штука эффективная, но потенциально опасная, особенно если попадет не в те руки (что весьма вероятно). Чтобы найти место стыду в XXI веке, нужно отрешиться от традиционных форм его применения – колодок и алых букв – и сосредоточиться на возможной новой роли. Благодаря мимам, стыдившим неосторожных водителей в Боготе, уменьшилось количество аварий. Стыд, нацеленный на недобросовестных налогоплательщиков, повысил собираемость налогов. Ярлыки на пересоленных продуктах помогли значительно снизить потребление соли в Финляндии.

Чтобы предотвратить такие проблемы, как избыток соли, бывает достаточно одного только пристыживания. Если же наши ценности меняются скорее, чем общественные институты, призванные их защищать, то стыд, направленный на компании или власти, может стать первым шагом к правовому оформлению новых правил и наказаний за их нарушение. Примером служит запрет на эксплуатацию детского труда. Иногда стыд с успехом закрепляет норму в обществе – скажем, полтора десятка лет назад стало стыдно носить меха, – но без формальных законов возможен откат назад (с мехом так и случилось).

Давайте вспомним семь навыков эффективного воздействия стыдом. Нарушение должно, во-первых, тревожить общественность, во-вторых, значительно отклоняться от желательного поведения и, в-третьих, не грозить формальным наказанием. В-четвертых, нарушитель должен быть членом группы, прибегающей к воздействию стыдом, в-пятых, оно должно исходить из уважаемого источника, в-шестых, нацеливаться на достижение максимального результата и, в-седьмых, применяться обдуманно.

Но лучшая мишень для стыда определяется не только эффективностью. Необходимо, чтобы применение стыда в данной ситуации было допустимым. Как и в отношении многих других неопределенностей, здесь стоит руководствоваться принципом Златовласки: стыдить не слишком сильно и не слишком слабо, не слишком кратко и не слишком долго, не слишком редко и не слишком часто. Дело осложняется тем, что само представление о том, что значит «слишком», постоянно меняется. Чтобы правильно стыдить, нужно постоянно оставаться в рамках норм и системы ценностей аудитории. Давайте поговорим о том, как же пользоваться этим оружием, по крайней мере на Западе, а еще конкретнее – в США (не забывая, однако, что этот вопрос требует дальнейшего изучения).

Прежде всего следует помнить, что для стыда нужен объект – нарушитель норм. Во многих ненормальных ситуациях невозможно указать конкретного виновника. Независимо от культурного контекста стыд не применим для решения таких проблем, как массовая бедность, болезни, голод или нехватка воды. Чтобы начать кампанию на основе стыда надлежащим образом, важно действовать справедливо и без нарушений. С чисто утилитарной точки зрения, казалось бы, если общество в результате оздоровится – какая разница, кто при этом пострадал. Но такой прагматизм противоречит нормам справедливости и у очень многих вызовет отторжение. Кроме того, объектом осуждения должна быть, прежде всего, недобросовестная практика, а не просто конкретные люди или организация.

Стыдить учреждения, компании или страны за недобросовестную практику более эффективно, поскольку это ведет к масштабным изменениям поведения. (Задумайтесь: половина из сотни крупнейших экономик мира – это корпорации. Скажем, прибыли Wal-Mart сопоставимы с ВВП Аргентины.) Кроме того, это и более приемлемо, чем обрушиваться на отдельных людей. Группа не станет эмоционально страдать от стыда, поскольку лишена

«человеческого достоинства» в том смысле, какой вкладывается в это понятие применительно к индивиду. Однако группы бывают разные, и одних в моральном отношении стыдить легче, а других – сложнее.

Общество с большей готовностью принимает воздействие стыдом на сильных мира сего. Кампания, подвергающая остракизму тех, кто и так уже отторгнут от социума, или клеймящая позором заклеянных, многим покажется неоправданной. Никому не нравится смотреть, как высшие третируют низших (хотя до определенной степени мы с этим, разумеется, миримся). Так, было бы ошибкой стыдить конкретных рабочих на фермах за практику жестокого обращения с сельскохозяйственными животными.

Мы уже не приемлем стыда, направленного на физическую сферу человека. Клеймение, дурацкие колпаки и алые буквы недопустимы – это не воздействие стыдом, а унижение. В некоторых штатах до сих пор выносятся подобные приговоры, – например, обязывающие магазинного вора какое-то время носить значок с соответствующей надписью, – однако это спорная практика. Не далее как в 2007 году в Белфасте (Северная Ирландия) обмазали дегтем и вывалили в перьях подозреваемого в сбыте наркотиков детям, и освещение в СМИ свидетельствовало о массовом неодобрении этого деяния.

Сегодня стыд потенциально более действенен, поскольку мы научились, не посягая на человеческую природу, обходиться без унижения и не доводить дело до конфронтации. Теперь у нас есть надувные крысы! Самое важное нефизическое средство воздействия, которое нужно освоить, – это цифровые технологии, позволяющие отслеживать гораздо больше негодных поступков, чем когда-либо прежде, апеллировать к огромной аудитории и сохранять информацию навсегда. В виртуальном пространстве, как и в реальном, важно верно выстроить кампанию, со всей ответственностью подойдя к выбору методов и платформ.

Растущая популярность опосредованных форм воздействия не означает отказа от прямых, непосредственных контактов. Всегда будут востребованы инструкции из таких книг, как «Пирог как оружие борьбы: рецепты от Биотической бригады пекарей» (Pie Any Means Necessary: The Biotic Baking Brigade), повествующей об «изящном искусстве залепить свежайшей выпечкой в реакционное, чванливое и прочее подобное лицо». Важно только помнить, что пирог стыда должен состоять главным образом из крема – начинив его крупными орехами, вы рискуете нанести виновному лицу повреждения. «Все, что выражено телом, действует сильнее, чем выраженное одними только словами», – сказал Антанас Моккус в приветственной речи. А вот слова профессора Нью-Йоркского университета Эда Отта, бывшего профсоюзного организатора и активного пользователя надувных крыс: «Нам по-прежнему нужно видеть, осязать и обонять друг друга, чтобы понять истинные желания другого человека».

Как сохранить стыд в качестве оружия общественного воздействия

Стыд – один из самых действенных инструментов ненасильственного сопротивления, которым можно пользоваться в отсутствие формального наказания. Но, как любой инструмент, от долгого использования он приходит в негодность. Хотя бы поэтому нужно по мере сил избегать его неоправданного применения.

Важно также понимать: чтобы эффективно применять стыд, организация должна быть независимой от группы-мишени. «Гринпис» упорно отказывается получать финансирование от корпораций или правительств – это залог ее права стыдить других. Участие в коммерческих структурах при государственной кормушке, членство в советах директоров и благотворительные пожертвования – все это скрытые заслоны против стыда. Документальный фильм «Парк-авеню: деньги, власть и американская мечта» (Park Avenue: Money, Power, and the American Dream) рассказывает о растущем экономическом неравенстве Америки и о людях на вершине, в том числе о миллиардере Дэвиде Кохе, владельце Koch Industries. Фильм был показан в 2012 году нью-йоркским общественным телеканалом WNET, в совете директоров которого в 2006 году состоял Кох. И вот что рассказала Джейн Мейер в еженедельнике *New Yorker* (это издание – главный обличитель всего, связанного с Koch). Перед тем как выпустить фильм в эфир, президент WNET Нил Шапиро позвонил Коху «в порядке вежливости» и разрешил спикеру Koch Industries сразу после показа выступить с заявлением, в котором картина была объявлена «разочаровывающей и спорной».

Давайте спросим зрителей

Если общество – обязательный участник наказания стыдом, уместно поинтересоваться, согласно ли оно с такими наказаниями. В 2008 году *Seattle Times* задала читателям вопрос, считают ли они допустимым устанавливать на транспортные средства лиц, пойманных на вождении в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, ярко-желтые номерные знаки, – такая практика существует во многих других штатах. В опросе участвовало более 5000 человек: 45 % одобрили эту меру, 52 % ее осудили, а остальные пребывали в сомнениях.

Четверть века в Нью-Йорке приклеивали неоновые стикеры на машины, препятствующие уборке улиц. Власти утверждали, что это действенная мера: с ее внедрением улицы стали чище на 30 %. Надпись на стикере подчеркивала общественный характер правонарушения: «Это транспортное средство нарушает правила парковки города Нью-Йорка. Из-за этого невозможно как следует подмести улицу. В ваших силах сделать наш город чище». Мне казалось, эта кампания – пример попадания в яблочко. Однако в марте 2012 года городской совет единогласно проголосовал за объявление ее незаконной, отклонив вето тогдашнего мэра Блумберга. Интересно было бы поинтересоваться мнением других ньюйоркцев.

Мы с коллегами – психологами Джессикой Трейси и Дэвидом Пизарро и специалистом по математической биологии Кристофом Хауэртом – опросили в Интернете 111 граждан США, чтобы узнать их реакцию на различные сценарии воздействия стыдом. Нам было интересно, как лучше стыдить – в реале или онлайн. Вот один из сценариев: «Чарльз Уильямс совершил мошенничество с налогами и недоплатил обществу больше миллиона долларов. Решением судьи одним из наказаний для него стало обязательство вывесить перед своим домом плакат с описанием провинности». Альтернативный сценарий предполагал вместо плаката перед домом включение имени Чарльза Уильямса в список неплательщиков налогов на сайте властей штата. Это была единственная разница между двумя вариантами: появится ли имя нарушителя на плакате или на сайте.

В сумме по всем 16 предложенным сценариям результаты таковы: стыд – вполне допустимое средство воздействия (5,42 по шкале от 1 – «совершенно недопустимое» до 7 – «безоговорочно допустимое»). Так что общественность, в общем, не возражает против наказания стыдом. Следует иметь в виду, что в наших сценариях предусматривались весьма мягкие наказания за достаточно серьезные правонарушения: кража \$1 млн или неуплата налогов в том же размере. Кроме того, обнародование фамилии правонарушителя на сайте респонденты сочли значительно более приемлемой мерой воздействия, чем вывешивание описания его проступка у входа в дом. Любопытный результат, если вспомнить, что мы проводили опрос в Интернете, а значит, его участники знали, как велика онлайн-аудитория. Следовательно, сложнее обеспечить физическое присутствие зрителей, чем массовость. Впрочем, делать определенные выводы относительно Интернета еще рано. Представления о том, что в нем приемлемо, а что нет, еще могут измениться.

Почему стыд, а не прозрачность?

Итак, стыд чреват душевной болью и страданиями, а найти для него верную мишень нелегко. Так, может, лучше просто выставлять поведение всех и каждого на всеобщее обозрение? В наши дни прозрачность считается панацеей – универсальным средством от любых социальных болезней. Идея прозрачности состоит в том, что на виду люди ведут себя лучше, – следовательно, нужно сделать так, чтобы поведение каждого было видно всем. В отличие от стыда или признания, механизмы которых направлены лишь на самые худшие или лучшие прослойки популяции, политика прозрачности обнажает поведение всех без исключения элементов общественного организма и на первый взгляд кажется более демократичной и справедливой. Но в данном случае интуиция нас подводит: стыд бывает и более эффективным, и более приемлемым инструментом.

Начать с того, что политика прозрачности порождает слишком много информации. Ведь нужно отслеживать поведение всех и каждого, да еще и требовать от аудитории определить, что считать приемлемым. Непростая задача. Нужно ли нам знать, сколько выбросов в атмосферу приходится на долю абсолютно каждой компании? Или достаточно списка 100 самых злостных разрушителей экологии? Хотим ли мы знать всех без исключения уклоняющихся от уплаты налогов? И не ранит ли это тех, кто не заплатил только потому, что выдался исключительно неудачный год? В список неплательщиков Калифорнии попадают лишь те, кто задолжал не менее \$250 000. Это защищает от моральных страданий людей, причинивших штату незначительный ущерб, а также бедняков.

При воздействии стыдом вполне возможно лишь пригрозить оглаской и позволить тем, кто изменил поведение, избежать позора. У прозрачности такой возможности нет. У радиоприемника есть как кнопка «поиск», обеспечивающая доступ ко всем частотам вещания, так и кнопка «сканирование», выделяющая самые мощные сигналы. Нам нужны обе эти возможности. Прозрачность часто бывает полезна, но это не всегда оптимальный выбор.

В определенных случаях прозрачность работает почти так же, как и стыд, поскольку люди сильнее всего интересуются негативной информацией. «Стыд – это не выход» называлась статья Билла Гейтса, вышедшая в *New York Times* в 2012 году. Так он отреагировал на решение штата Нью-Йорк разрешить публичный доступ к результатам аттестации преподавателей. В действительности это мера политики прозрачности, и стыд здесь совершенно ни при чем. Гейтс назвал решение суда штата «огромной ошибкой» и заметил: «В Microsoft создана очень строгая система оценки персонала, но нам бы и в голову не пришло использовать ее результаты, чтобы позорить людей».

Действительно, в Microsoft действует система профессиональной аттестации – вариант той самой политики прозрачности, из-за которой разгорелся весь сыр-бор. Во многом именно из-за нее компании последние 10 лет не давались инновации. В Microsoft применялось групповое ранжирование – каждые несколько месяцев некоторые сотрудники объявлялись худшими работниками, и каждый жил в страхе оказаться слабейшим в группе. Если отстающие не улучшали результаты, им указывали на дверь. В том же 2012 году, работая над статьей «Потерянное десятилетие Microsoft» для *Vanity Fair*, Курт Айхенвальд опросил бывших сотрудников корпорации. И написал, что все они без исключения «назвали групповое ранжирование самым деструктивным процессом в Microsoft, из-за которого на улице оказалось великое множество людей».

Microsoft позаимствовала идею группового ранжирования из руководства Джека Уэлча, гендиректора General Electric в 1981–2001 годах, наискромнейшего соавтора книг с говорящими

названиями вроде «Джек: мои годы в GE» (Jack: Straight from the Gut), «К победе: единственное бизнес-руководство, которое вам нужно» (Winning: The Ultimate Business How-To Book) и (грамматически невообразимое) «К победе: ответы: как справиться с 74 труднейшими вызовами современного бизнеса» (Winning: The Answers: Confronting 74 of the Toughest Questions in Business Today). Под контролем Уэлча за 20 лет рыночная стоимость GE выросла с \$14 млрд до \$484 млрд – неудивительно, что даже в далекой Хорватии люди выкладывают селфи с его книгами в руках. Однако его система группового ранжирования – иначе называемая принудительным ранжированием, системой «сортируй и выбрасывай» или, что говорит само за себя, «кривой выживания» – утвердила в Microsoft атмосферу вражды и скрытности, в которой инновации не живут. Наверное, есть какие-то социальные проблемы, решению которых помогут и такие жесткие варианты прозрачности, но разработка программного обеспечения к ним явно не относится. Угроза позора и прозрачность несовместимы с творческим поиском. Любой творческий коллектив гораздо лучше мотивируют механизмы вознаграждения. А задача негативного паблисити – кооперация и социальная сплоченность, особенно в отсутствие других средств ее решения.

Не забывайте о социальном характере стыда

Чем более общественный характер носит правонарушение, тем лучшая это мишень для стыда, ведь обществу свойственно обращать внимание на дурное поведение. Пусть даже одним стыдом проблемы не решить, куда хуже – особенно в отношении таких проблем, требующих коллективных действий, как изменение климата и хищнический лов рыбы, – пытаться решать их в одиночку. Мы одержимы духом индивидуализма и ослеплены идеей свободного рынка, мы привыкли думать, что наибольшее влияние индивид имеет в качестве потребителя. И стали жертвами вины, помогающей продавать морепродукты, выловленные без ущерба для океанской экосистемы, продукцию органического земледелия и измерители углекислого газа. Потребители кинулись пользоваться хозяйственными сумками из вторсырья и выключать лампочки. Это все равно что принимать витамин С, расшибив голову в автоаварии, – в витаминах нет ничего плохого, просто это совершенно не то, что на самом деле нужно в подобных случаях. Для решения масштабных проблем, требующих совместных усилий, недостаточно, чтобы кучка людей почувствовала себя виноватыми. И уж точно не выход, если эта кучка людей начнет избавляться от чувства вины в качестве потребителей. Нам нужны более быстродействующие и сильные средства.

Все мы живем на одной планете. И, насколько известно, являемся единственным видом живых существ, который это осознает. Уравновесить интересы человечества и всех остальных обитателей Земли – наша обязанность. Стыд – один из инструментов, который нам в этом поможет. Но кто такие эти «мы»? Наши соседи? Жители крохотных островных государств, рискующих уйти под воду из-за повышения уровня Мирового океана? Горные гориллы Центральной Африки? Клыкач в море Росса? Калифорнийская лучистая сосна? Победителями в процессе станут виды, осознающие или подсознательно чувствующие взаимозависимость всех проявлений жизни.

В силу неразрывной связи стыда с нормами его роль в будущем остро зависит от будущих норм. «Один вид оплакивает вымирание другого – это нечто доселе небывалое, – писал Альдо Леопольд в 1947 году. – Кроманьонец, убивший последнего мамонта, думал только о мясе. Охотник-любитель, подстреливший последнего странствующего голубя, думал лишь о том,

чтобы похвастаться меткостью. Моряк, забивший последнего чистика, вообще ни о чем не думал. Но мы, лишившиеся странствующих голубей, оплакиваем эту потерю. Если бы вымерли мы, голуби едва ли скорбели бы по нам»^{143}.

Такова наша участь в современном мире: мы прекрасно знаем, как устроена Земля и какие у нее размеры, знаем ее место во Вселенной, понимаем, насколько уникальна земная жизнь. Мы знаем, какие проблемы создаем на планете и какие решения не воплощаем в жизнь, а главное – сознаем всеокрушающий факт, что на сегодняшний день это наш единственный дом и единственный шанс на выживание. В таких условиях нам нужны новые нормы – высокие нормы, – и мудрое применение стыда поможет сформировать и утвердить их.

Приложение

Позорный тотемный столб, версия 2.1

Решив прибегнуть к стыду с учетом семи навыков высокоэффективного воздействия, я начала с обращения к общественности. В ходе анонимного онлайн-опроса я предложила 500 американцам выбрать из списка 50 крупнейших публичных компаний десять, оказывающих самое разрушительное влияние на общество. Но мне хотелось пойти дальше составления списка преступников и найти более действенный способ привлечь к ним внимание.

Я семь лет прожила в канадской провинции Британская Колумбия. В Центре сохранения культурного наследия народа хайда на архипелаге Хайда-Гуаи – группе канадских островов к югу от Аляски – я узнала о позорных тотемных столбах. Это один из восьми типов тотемных столбов, которые с XVIII века и по сей день вырезают из красного или желтого кедра и серебристой ели почти все племена Тихоокеанского Северо-Запада. Понять зашифрованные в них сообщения невозможно, не зная языка символов. Поселенцев тотемные столбы неизменно восхищали своим великолепным видом, однако, как свидетельствуют устные предания аборигенов и этнографические исследования, они устанавливались не только для красоты.

Позорные столбы сообщали обществу, что те или иные люди или кланы отступили от норм. Один из самых известных столбов – три лягушки одна над другой – изображает трех женщин из клана киксади (тотемным животным которого является лягушка), вопреки обычаю переселившихся в другой клан. Вождь киксади отказался оплачивать содержание этих женщин, а чтобы заставить родной клан покрыть расходы, и был установлен этот столб. Многие позорные столбы связаны с долгами, некоторые так и называются – «столб должника»^[144]. Сравнительно недавно, в 2007 году, Майк Уэббер установил в Кордове на Аляске позорный столб из-за отказа Exxon оплачивать ущерб от разлива нефти при крушении танкера Exxon Valdez. На тотеме вырезано «вверх ногами» лицо тогдашнего генерального директора Exxon Ли Реймонда с носом, как у Пинокио. Столб Уэббера натолкнул меня на мысль о позорном столбе, стыдящем худшие корпорации.

У кланов есть особые символы, ни с чем дурным не связанные, пока они не обернутся против своих носителей. А у корпораций есть логотипы и визуальные признаки, завладевшие нашим вниманием. Их знает каждый, и, значит, их тоже можно использовать против владельцев. Я вооружилась логотипами компаний, набравших больше всего баллов в моем антирейтинге, и попросила специалиста по 3D-анимации Оскара Беклера создать позорный тотемный столб версии 2.0. И он сделал потрясающее трехмерное цифровое изображение тотема, которое мы показали на выставке в лондонской галерее «Серпентайн» в 2011 году. Там мне выпал шанс познакомиться с Брайаном Ино, и тот написал для нашей демонстрации звуковое сопровождение, составленное из замедленных туземных песнопений, финансовых данных из пресс-релизов и собственных музыкальных тем. В январе 2013 года я снова опросила 500 американцев по другому списку 500 крупнейших корпораций. В него вошли только американские компании (так что BP туда не попала), продолжившие бизнес-деятельность (так что и Enron там не оказалось). Иначе выглядела и борьба за «лидерство»: вперед вырвалась Wal-Mart, а Apple сдвинулась к хвосту. Автором позорного тотема версии 2.1, представленного здесь, является Брендан О'Нил, художник-оформитель этой книги.

Благодарности

Прежде всего я хочу поблагодарить Вас, читатель, за то что проявили заинтересованность и не пожалели усилий. Огромное спасибо за внимание. Мне повезло с первыми читателями: их доброжелательность, увлеченность и нужная мера критичности помогли сделать книгу лучше. Далтон Конли, Брендан О'Нил Коль и Джеймс Маккиннон прочли отдельные главы, а Пол Смальдино (спасибо!), Кейт Баррет (большущее спасибо!) и Ник Лепард (тысяча благодарностей!) – всю книгу целиком. Джордж Дайсон – редкий человек, на мудрость которого можно положиться в любой трудной ситуации, от сочинительства до кораблекрушения. Он прочел весь текст, подсказал множество источников, да и вообще без него у меня едва ли что-нибудь вышло.

То, что эта книга оказалась у Вас в руках, читатель, а не осталась 385-килобайтным файлом у меня в компьютере, – результат титанического труда моих друзей и агентов Джона Брокмана, Катинки Мэтсон, Макса Брокмана и Рассела Уайнбергера. Она приняла свой нынешний вид благодаря замечательным и очень талантливым сотрудникам Pantheon, с эффективностью которых не сравнится никакой компьютер. Мои редакторы Дэн Франк и Джеф Александер (Pantheon) и Хелен Конфорд (Penguin UK) сумели понять: чтобы справиться с этой работой, мне нужно верное соотношение автономности и поддержки. Спасибо им всем!

Написать эту книгу меня заставила внутренняя борьба с колоссальным чувством вины и скорби из-за того, что люди сотворили с планетой и ее обитателями. Отсюда мой интерес к феномену вины – сначала применительно к экологическим проблемам, а затем и в более широком смысле. Вина потянула за собой стыд, заинтересовавшись которым я провела во время магистратуры исследование по двум направлениям: рыболовецкая отрасль и стыд. Странная комбинация, однако мне повезло: и организации, и люди на моем жизненном пути шли мне навстречу, позволяя заниматься тем, что мне интересно. Первыми в этом ряду стали родители, которые поддерживали все мои начальные эксперименты и принимали мои взгляды, даже когда они стали отличаться от их собственных. И в Университете Британской Колумбии, и в Нью-Йоркском университете царит редкая, хрупкая атмосфера свободного поиска. Мне немыслимо повезло и с возможностью вести магистерскую работу с биологом и специалистом по рыболовству Дэниелом Поли, человеком редкостного ума и души. Он направлял и вдохновлял меня в работе над диссертацией и в дальнейшем. В Университете Британской Колумбии я обрела замечательного коллегу Кристофа Хауэрта, ставшего наряду с Арне Траулсеном и Манфредом Милински (оба из Института эволюционной биологии Макса Планка) соавтором экспериментов по изучению стыда. Я также благодарна всем, кто дал мне интервью, за время, которое они потратили на то, чтобы рассказать мне о своей деятельности.

Все мы являемся продуктом своей культуры и личного опыта, в чем я окончательно убедилась благодаря этим исследованиям. Надеюсь, из текста также ясно, где мои личные воззрения, а где более широкий научный взгляд. На всякий случай уточню, что все высказанные мнения являются моими собственными. Так что и все ошибки тоже мои. Я излагаю свое представление о стыде, несовершенное и изменчивое, как и сам стыд. Но все-таки надеюсь, что эта книга послужит и жертвам стыда, и тем, кто надеется мудро им пользоваться, пособием по справедливому суду и грамотной защите.

Об авторе

Дженнифер Джекет – доцент кафедры экологических исследований Нью-Йоркского университета. Темы ее исследований – трагедия общинного поля и кооперация. Это ее первая книга.

Об иллюстраторе

Брендан О'Нил Коль – художник и строитель из Беркли (Калифорния).

notes

Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. – М.: Наука, 2007.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999.

Межправительственная комиссия по проблемам климатических изменений. – *Прим. ред.*

В переводе с английского «священные продукты». – *Прим. ред.*

План «сокращения зарплаты» – сберегательный план, позволяющий работнику фирмы вносить часть зарплаты до налогообложения в инвестиционный пул под управлением работодателя. – *Прим. пер.*

Речь идет о данных, что 1 % богатейших жителей США контролируют львиную долю богатства страны, тогда как участники акции воплощают интересы и пользуются поддержкой «остальных 99 %» – что, впрочем, не соответствовало действительности. – *Прим. пер.*

Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. – М.: Астрель, Corpus, 2011.

Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.

Carl D. Schneider, *Shame, Exposure, and Privacy* (New York: Norton, 1992).

Mary M. Herrald and Joe Tomaka, «Patterns of Emotion-Specific Appraisal, Coping, and Cardiovascular Reactivity During an Ongoing Emotional Episode,» *Journal of Personality and Social Psychology* 83, no. 2 (2002): 434–450.

Christine R. Harris and Ryan S. Darby, «Shame in Physical-Patient Interactions: Patient Perspectives,» *Basic and Applied Social Psychology* 31, no. 4 (2009): 325–334.

Stephen Bates, «Jonathan Franzen: Shame Made It Impossible for Me to Write for a Decade,»
The Guardian, October 29, 2010.

Virginia Morell, *Animal Wise: The Thoughts and Emotions of Our Fellow Creatures* (New York: Crown, 2013).

Polly Wiessner, «Norm Enforcement Among the Ju/'Hoansi Bushmen,» *Human Nature* 16, no. 2 (2005): 115–145.

Robin Dunbar, «Co-Evolution of Neocortical Size, Group Size and Language in Humans,»
Behavioral and Brain Sciences 16, no. 4 (1993): 681–735.

Jennifer Jacquet, Christoph Hauert, Arne Traulsen, and Manfred Milinski: «Shame and Honour Drive Cooperation,» *Biology Letters* 7 (2011): 899–901.

June Price Tangney and Ronda L. Dearing, *Shame and Guilt* (New York: Guilford Press, 2002), 58.

Daniel M. T. Fessler, «Shame in Two Cultures: Implications for Evolutionary Approaches,» *Journal of Cognition and Culture* 4, No. 2 (2004): 207–262.

Marvin Spevack, *A Complete and Systematic Concordance to the Works of Shakespeare* (Hildesheim, Germany: Georg Olms, 1968).

Roy F. Baumeister, Harry T. Reis, and Philippe Delespaul, «Subjective and Experiential Correlates of Guilt in Daily Life,» *Personality and Social Psychology Bulletin* 21, no. 12 (1995): 1256–1268.

Herant Katchadourian, *Guilt: The Bite of Conscience* (Stanford, Calif.: Stanford General Books, 2011).

Robert L. Trivers, «The Evolution of Reciprocal Altruism,» *Quarterly Review of Biology* 46, no. 1 (1971): 35–57.

Toni M. Massaro, «Shame, Culture, and American Criminal Law,» *Michigan Law Review* 89, no. 7 (1991): 1880–1944.

Martha Nussbaum, *Hiding from Humanity: Disgust, Shame, and the Law* (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2006).

James Q. Whitman, «What Is Wrong with Inflicting Shame Sanctions?» *Yale Law Journal* 107, no. 5 (1998): 1055–1092.

Adam Duhachek, Shuoyang Zhang, and H. Shanker Krishnan, «Anticipated Group Interaction: Coping with Valence Asymmetries in Attitude Shift,» *Journal of Consumer Research* 34, no. 3 (2007): 395–405.

Daniel Kahneman and Amos Tversky, «Choices, Values, and Frames,» *American Psychologist* 39, no. 4 (1984): 341–350.

Tara L. Gruenewald, Margaret E. Kemeny, Najib Aziz, and John L. Fahey, «Acute Threat to the Social Self: Shame, Social Self-Esteem, and Cortisol Activity,» *Psychosomatic Medicine* 66, no. 6 (2004): 915–924.

Michael Lewis, «Self-Conscious Emotions: Embarrassment, Pride, Shame, and Guilt,» in *Handbook of Emotions*, ed. Michael Lewis and Jeannette M. Haviland-Jones (New York: Guilford, 1993), 353–364.

Jonathan Haidt and Dacher Keltner, «Culture and Facial Expression: Open-Ended Methods Find More Expressions and a Gradient of Recognition,» *Cognition and Emotion* 13, no. 3 (1999): 225–266.

Peter De Jong, Madelon L. Peters, and David De Cremer, «Blushing May Signify Guilt: Revealing Effects of Blushing in Ambiguous Social Situations,» *Motivation and Emotion* 27, no. 3 (2003): 225–249.

Charles Darwin, *The Expressions of Emotions in Man and Animals* (London: John Murray, 1872).

Jessica L. Tracy and David Matsumoto, «The Spontaneous Expression of Pride and Shame: Evidence for Biologically Innate Nonverbal Displays,» *Proceedings of the National Academy of Sciences* 105, no. 33 (2008): 11655–11660.

Dacher Keltner, Randall C. Young, and Brenda N. Buswell, «Appeasement in Human Emotion, Social Practice, and Personality,» *Aggressive Behavior* 23, no. 5 (1997): 359–374.

Dacher Keltner and Brenda N. Buswell, «Evidence for the Distinctness of Embarrassment, Shame, and Guilt: A Study of Recalled Antecedents and Facial Expressions of Emotion,» *Cognition and Emotion* 10, no. 2 (1996): 155–171.

Michael Lewis and Douglas Ramsay, «Cortisol Response to Embarrassment and Shame,» *Child Development* 73, no. 4 (2002): 1034–1045.

Stanley T. Asah and Dale J. Biahna, «Motivational Functionalism and Urban Conservation Stewardship: Implications for Volunteer Involvement,» *Conservation Letters* 5, no. 6 (2012): 470–477.

Alan S. Gerber, Donald P. Green, and Christopher W. Larimer, «An Experiment Testing the Relative Effectiveness of Encouraging Voter Participation by Inducing Feelings of Pride or Shame,» *Political Behavior* 32, no. 3 (2010): 409–422.

Marion Long, «George Schaller's Grand Plan to Save the Marco Polo Sheep,» *Discover*, March 2008.

Peter Schweizer, «Offset Away Our Guilt,» *USA Today*, April 7, 2011.

Michael P. Vandenbergh, Thomas Dietz, and Paul C. Stern, «Time to Try Carbon Labelling,» *Nature Climate Change* 1, no. 1 (2011): 4–6.

Stephanie Strom, «Has 'Organic' Been Oversized?» *New York Times*, July 7, 2012.

Nicole Charky, «Wal-Mart Removes Mislabeled Organic Products from Shelves,» *Daily Finance*, April 23, 2010.

Keith Bradsher, «Chinese City Shuts Down 13 Wal-Mart's,» *New York Times*, October 10, 2011, www.nytimes.com/2011/10/11/business/global/wal-marts-in-china-city-closed-for-pork-mislabeled.html.

Nina Mazar and Chen-Bo Zhong, «Do Green Products Make Us Better People?» *Psychological Science* 21, no. 4 (2010): 494–498.

Kirk Kristofferson, Katherine White, and John Peloza, «The Nature of Slacktivism: How the Social Observability of an Initial Act of Token Support Affects Subsequent Prosocial Action,» *Journal of Consumer Research* 40, no. 6 (2014): 1149–1166.

David Sutton, «An Unsatisfactory Encounter with the MSC – A Conservation Perspective,» in *Eco-Labeling in Fisheries: What Is It All About?* ed. Bruce Phillips, Trevor Ward, and Chet Chaffee (Oxford, UK: Blackwell Publishing, 2003), 114–119.

Shahzeen Z. Attari, Michael L. Dekay, Cliff I. Davidson, and Wändi Bruine De Bruin, «Public Perceptions of Energy Consumption and Savings,» *Proceedings of the National Academy of Sciences* 107, no. 37 (2010): 16054–16059.

Peter Whoriskey, "SUVs Lead U. S. Auto Sales Growth Despite Efforts to Improve Fuel Efficiency," *Washington Post*, December 29, 2010.

Robert Paine, «A Note on Trophic Complexity and Community Stability,» *The American Naturalist* 103, no. 929 (1969): 91–93.

Эта фраза принадлежит ученому Льюису Ричардсону, опубликовавшему в 1969 году книгу с таким названием.

Anthony D. Barnosky, Nicholas Matzke, Susumu Tomiya, et al., «Has the Earth's Sixth Mass Extinction Already Arrived?» *Nature* 471, no. 7336 (2011): 51–57.

Richard Heede, «Tracing Anthropogenic Carbon Dioxide and Methane Emissions to Fossil Fuel and Current Producers, 1854–2010,» *Climate Change* 122 (2014): 229–241.

Naomi Oreskes and Erik M. Conway, *Merchants of Doubt: How a Handful of Scientists Obscured the Truth on Issues from Tobacco Smoke to Global Warming* (New York: Bloomsbury, 2010), 213.

David Berreby, *Us and Them: Understanding Your Tribal Mind* (New York: Little, Brown, 2005), 161.

Atul Gawande, «The Hot Spotters,» *The New Yorker*, January 24, 2011.

Jonathan Franzen, «Emptying the Skies,» *The New Yorker*, July 26, 2010.

Pierline Tournant, Liana Joseph, Koichi Goka, and Franck Courchamp, «The Rarity and Overexploitation Paradox: Stag Beetle Collections in Japan,» *Biodiversity and Conservation* 21, no. 6 (2012): 1425–1440.

Ian G. Warkentin, David Bickford, Navjot S. Sodhi, and Corey J. A. Bradshaw, «Eating Frogs to Extinction,» *Conservation Biology* 23, no. 4 (2009): 1056–1059.

Agnès Gault, Yves Meinard, and Franck Courchamp, «Consumers' Taste for Rarity Drives Sturgeons to Extinction,» *Conservation Letters* 1, no. 5 (2008): 199–207.

Elena Angulo, Anne-Laure Deves, Michel Saint Jalmes, and Franck Courchamp, «Fatal Attraction: Rare Species in the Spotlight,» *Proceedings of the Royal Society B* 276, no. 1660 (2009): 1331–1337.

Bryan L. Stuart, Anders G. J. Rhodin, L. Lee Grismer, and Troy Hansel, «Scientific Description Can Imperil Species,» *Science* 312, no. 5777 (2006): 1137.

Bernard W. Powell, «A Problem in Archaeology Too,» *Science* 313, no. 5789 (2006): 916.

Ernst Fehr and Simon Gächter, «Altruistic Punishment in Humans,» *Nature* 415 (2002): 137–140.

Xiao-Ping Chen and Daniel G. Bachrach, «Tolerance of Free Riding: The Effects of Defection Size, Defection Pattern and Social Orientation,» *Organizational Behavior and Human Decision Processes* 90, no. 1 (2003): 139–147.

Christel G. Rutte and Henk A. M. Wilke, «Goals, Expectations and Behavior in a Social Dilemma Situation,» in *Social Dilemmas*, ed. Wim Liebrand, David Messick, and Henk Wilke (Elmsford, N. Y.: Pergamon Press, 1992), 289–305.

См., например: Will Felps, Terence R. Mitchell, and Eliza Byington, «How, When, and Why Bad Apples Spoil the Barrel: Negative Group Members and Dysfunctional Groups,» *Research in Organizational Behavior* 27 (2006): 175–222. Фелпс также обсуждает свой эксперимент с Айрой Глассом в выпуске «Кто навредил нам всем» радиопередачи *This American Life*, впервые вышедшем в эфир 19 декабря 2008 года.

Президент Джордж Буш. «Письмо сенаторам Хейгелу, Хелмсу и др.», пресс-релиз, 13 февраля 2001 года.

Отметим, однако, что принявшие участие в исследовании 2009 года 888 американцев и несколько тысяч европейцев в огромном большинстве согласились с утверждением «Моя страна делает все возможное для решения проблемы изменения климата», даже когда речь шла о странах, не прикладывающих особых усилий в этом направлении.

Norbert L. Kerr, Ann C. Rumble, Ernest S. Park, et al., «How Many Bad Apples Does It Take to Spoil the Whole Barrel? Social Exclusion and Toleration for Bad Apples,» *Journal of Experimental Social Psychology* 45, no. 4 (2009): 603–613.

Alan Gerber and Todd Rogers, «Descriptive Social Norms and Motivation to Vote: Everybody's Voting and So Should You,» *Journal of Politics* 71, no. 1 (2009): 178–191.

Robert B. Cialdini, Linda J. Demaine, Brad J. Sagarin, et al., «Managing Social Norms for Persuasive Impact,» *Social Influence* 1, no. 1 (2006): 3–15.

James J. Choi, David Laibson, Brigitte Madrian, and Andrew Metrick, «Plan Design and 401 (k) Savings Outcomes,» *National Tax Journal* 57, no. 2 (2004): 275–298.

Martin Luther King, «Nonviolence and Racial Justice,» *Christian Century*, February 6, 1957.

Cited in Samuel Bowles and Herbert Gintis, *A Cooperative Species: Human Reciprocity and Its Evolution* (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2011).

Maciek Chudek and Joseph Henrich, «Culture-Gene Coevolution, Norm-Psychology and the Emergence of Human Prosociality,» *Trends in Cognitive Sciences* 15, no. 5 (2011): 218–226.

Elif Batuman, *The Possessed: Adventures with Russian Books and the People Who Read Them* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2010).

Nichola J. Raihani and Tom Hart, «Free-Riders Promote Free-Riding in a Real-World Setting,» *Oikos* 119, no. 9 (2010): 1391–1393.

Kees Keizer, Siegwart Lindenberg, and Linda Steg, «The Spreading of Disorder,» *Science* 322, no. 5908 (2008): 1681–1685.

Maciek Chudek and Joseph Henrich, «Culture-Gene Coevolution, Norm-Psychology and the Emergence of Human Prosociality,» *Trends in Cognitive Sciences* 15, no. 5 (2011): 218–226.

Jennifer N. Engler and Joshua Landau, «Source Is Important When Developing a Social Norms Campaign to Combat Academic Dishonesty,» *Teaching of Psychology* 38, no. 1 (2011): 46–48.

Peng Gong, «Cultural History Holds Back Chinese Research,» *Nature* 418, no. 7382 (2012): 411.

Eric Posner, «Symbols, Signals, and Social Norms in Politics and the Law,» *Journal of Legal Studies* 27, no. S2 (1998): 765–797.

Christine Ingebritsen, «Norm Entrepreneurs: Scandinavia's Role in World Politics,» *Cooperation and Conflict* 37, no. 1 (2002): 11–23.

Robert Metz, «Market Place; Aiding Hostile Takeover Bids,» *New York Times*, December 28, 1981.

David Skeel, «Shaming in Corporate Law,» *University of Pennsylvania Law Review* 149 (2001): 1811–1868.

Joseph Henrich, Jean Ensminger, Richard McElreath, et al., «Markets, Religion, Community Size, and the Evolution of Fairness and Punishment,» *Science* 327, no. 5972 (2010): 1480–1484.

Uri Gneezy and Aldo Rustichini, «A Fine Is a Price,» *The Journal of Legal Studies* 29, no. 1 (2000): 1–17.

Armin Falk and Nora Szech, «Morals and Markets,» *Science* 340, no. 6133 (2013): 707–711.

Roland Fryer, «Financial Incentives and Student Achievement: Evidence from Randomized Trials,» *Quarterly Journal of Economics* 126, no. 4 (2011): 1755–1798.

Michael J. Sandel, «What Isn't for Sale?» *The Atlantic*, February 27, 2012.

Josep Call, Juliane Bräuer, Juliane Kaminski, and Michael Tomasello, "Domestic Dogs (*Canis Familiaris*) Are Sensitive to the Attentional State of Humans," *Journal of Comparative Psychology* 117, no. 3 (2003): 257–263.

Arata Kochi, «Tuberculosis Control – Is DOTS the Health Breakthrough of the 1990s?» *World Health Forum* 18, no. 3–4 (1997): 225–232.

Azim F. Shariff and Ara Norenzayan, «God Is Watching You: Priming God Concepts Increases Prosocial Behavior in an Anonymous Economic Game,» *Psychological Science* 18, no. 9 (2007): 803–809.

Jesse M. Bering, «The Folk Psychology of Souls,» *Brain and Behavioral Sciences* 29, no. 5 (2006): 453–462.

Max Ernest-Jones, Daniel Nettle, and Melissa Bateson, «Effects of Eye Images on Everyday Cooperative Behavior: A Field Experiment,» *Evolution and Human Behavior* 32 (2011): 172–198.

Damien Francey and Ralph Bergmüller, «Images of Eyes Enhance Investments in a Real-Life Public Good,» *PLOS ONE* 7, no. 5 (2012): e37397.

Kevin J. Haley and Daniel M. T. Fessler, «Nobody's Watching? Subtle Cues Can Affect Generosity in an Anonymous Economic Game,» *Evolution and Human Behavior* 26, no. 3 (2005): 245–256.

Adriaan R. Soetevent, «Anonymity in Giving in a Natural Context – A Field Experiment in 30 Churches,» *Journal of Public Economics* 89, no. 11–12 (2005): 2301–2323.

Barry Webb and Gloria Laycock, *Reducing Crime on the London Underground: An Evaluation of Three Pilot Projects*, Crime Reduction Unit Paper 30 (London: HMSO, 1992).

Dominique J.-F. de Quervain, Urs Fischbacher, Valerie Treyer, et al., «The Neural Basis of Altruistic Punishment,» *Science* 305, no. 5688 (2004): 1254–1258.

Glenn Greenwald, «The Untouchables: How the Obama Administration Protected Wall Street from Prosecutions,» *Guardian*, January 23, 2013.

Jesse Eisenger, «Why Only One Top Banker Went to Jail for the Financial Crisis,» *New York Times Magazine*, April 30, 2014, http://www.nytimes.com/2014/05/04/magazine/only-one-top-banker-jail-financial-crisis.html?_r=0.

Hank Davis, "Theoretical Note on the Moral Development of Rats (*Rattus Norvegicus*)," *Journal of Comparative Psychology* 103, no. 1 (1989): 88–90.

Michael Lachmann and Carl T. Bergstrom, "The Disadvantage of Combinatorial Communication," *Proceedings of the Royal Society of London B* 271, no. 1555 (2004): 2337–2343.

Sievert Rohwer, «Status Signaling in Harris Sparrows: Some Experiments in Deception,» *Behaviour* 61, no. 1–2 (1977): 107–129.

Benjamin Alamar and Stanton A. Glantz, «Effects of Increased Social Unacceptability of Cigarette Smoking on Reduction in Cigarette Consumption,» *American Journal of Public Health* 96, no. 8 (2006): 1359–1363.

Alan S. Gerber, Donald P. Green, and Christopher W. Larimer. «Social Pressure and Voter Turnout: Evidence from a Large-Scale Field Experiment,» *American Political Science Review* 102, no. 1 (2008): 33–48.

Costas Panagopoulos, «Affect, Social Pressure and Prosocial Motivation: Field Experimental Evidence of the Mobilizing Effects of Pride, Shame and Publicizing Voting Behavior,» *Political Behavior* 32 (2010): 369–386.

Kenneth Roth, «Defending Economic, Social and Cultural Rights: Practical Issues Faced by an International Human Rights Organization,» *Human Rights Quarterly* 26, no. 1 (2004): 63–73.

Brian Elbel, Glen B. Taksler, and Tod Mijanovich, «Promotion of Healthy Eating Through Public Policy: A Controlled Experiment,» *American Journal of Preventive Medicine* 45, no. 1 (2013): 49–55.

Pirjo Pietinen, Liisa M. Valsta, Tero Hirvonen, and Harri Sinkko, «Labelling the Salt Content in Foods: A Useful Tool in Reducing Sodium Intake in Finland,» *Public Health Nutrition* 11, no. 4 (2007): 335–340.

Saira Mohamed, «Shame in the Security Council,» *Washington University Law Review* 90, no. 4 (2013): 1191.

Stephen J. Dubner, «Another Way to Encourage Voting,» *Freakonomics*, November 17, 2006, www.freakonomics.com/2006/11/17/another-way-to-encourage-voting.

Alexander Dyck, Natalya Volchkova, and Luigi Zingales, «The Corporate Governance Role of the Media: Evidence from Russia,» *Journal of Finance* 63, no. 3 (2008): 1093–1135.

Polly Wiessner, «Norm Enforcement Among the Ju/'hoansi Bushmen,» *Human Nature* 16, no. 2 (2005): 115–145.

Michiko Kakutani, «Is Jon Stewart the Most Trusted Man in America?» *The New York Times*, August 15, 2008.

David A. Skeel, «Shaming in Corporate Law,» *University of Pennsylvania Law Review* 149 (2001): 1811–1868.

Tiffany C. Davenport, Alan S. Gerber, Donald P. Green, et al., «The Enduring Effects of Social Pressure: Tracking Campaign Experiments over a Series of Elections,» *Political Behavior* 32 (2010): 423–430.

Я глубоко признательна Джорджу Дайсону за ценные мысли об истории и будущем цифровых технологий. См. также: *Turing's Cathedral* (New York: Pantheon 2012).

Marshall McLuhan, *The Gutenberg Galaxy* (Toronto: University of Toronto Press, 1962).

Associated Press, «Checking Cheats: China Plans Marriage Database,» *The China Post*, January 6, 2011, www.chinapost.com.tw/china/national-news/2011/01/06/286518/Checking-cheats.htm.

Milan Kundera, *Testaments Betrayed: An Essay in Nine Parts*, trans. Linda Asher (New York: Perennial, 1996), 257–258.

Toni Massaro, «The Meanings of Shame: Implications for Legal Reform Psychology,» *Psychology, Public Policy, and Law* 3, no. 4 (1997): 645.

Laura Holson, «The New Court of Shame Is Online,» *New York Times*, December 26, 2010.

«Top 500 Delinquent Taxpayers,» State of California Franchise Tax Board,
www.ftb.ca.gov/aboutFTB/Delinquent_Taxpayers.shtml.

Thomas Moyher and Robert T. Szyba, «From the Rat to the Mouse: How Secondary Picketing Laws May Apply in the Computer Age,» *Hofstra Labor and Employment Law Journal* 26 (2008): 271–300.

Mitchell Kapor, «Civil Liberties in Cyberspace: When Does Hacking Turn from an Exercise of Civil Liberties into Crime?» *Scientific American*, September 1991.

Barb Darrow, «Huffington Post to End Anonymous Comments,» Gigaom, gigaom.com/2013/08/21/huffington-post-to-end-anonymous-comments/.

Michele Ybarra, Marie Diener-West, and Philip J. Leaf, «Examining the Overlap in Internet Harassment and School Bullying: Implications for School Intervention,» *Journal of Adolescent Health* 41: S42 – S50.

Kipling D. Williams, Christopher K. T. Cheung, and Wilma Choi, «Cyberostracism: Effects of Being Ignored over the Internet,» *Journal of Personality and Social Psychology* 79, no. 5 (2000): 748–762.

Janis Wolak, Kimberly J. Mitchell, and David Finkelhor, «Does Online Harassment Constitute Bullying? An Exploration of Online Harassment by Known Peers and Online-Only Contacts,» *Journal of Adolescent Health* 41 (2007): S51 – S58.

Alexander Staller and Paolo Petta, «Introducing Emotions into the Computational Study of Social Norms: A First Evaluation,» *Journal of Artificial Societies and Social Simulation* 4, no. 1 (2001).

В Великобритании ученый наблюдал за посетителями игротеки с 303 игорными автоматами в течение четырех шестичасовых периодов. Лишь девять игроков проявляли агрессивность. В 38,2 и 37,6 % случаев соответственно наблюдалась вербальная и физическая агрессия, направленная на автомат, в 10,7 % – вербальная агрессия в адрес сотрудников игорной зоны и в 13,5 % – в адрес других игроков. Adrian Parke and Mark Griffiths, «Aggressive Behaviour in Slot Machine Gamblers: A Preliminary Observational Study,» *Psychological Reports* 95, no. 1 (2004): 109–114.

Richard A. Lanham, *The Economics of Attention: Style and Substance in the Age of Information* (Chicago: University of Chicago Press, 2007).

Alex Callinicos, *Theories and Narratives: Reflections on the Philosophy of History* (Durham, N. C.: Duke University Press, 1995).

Frances Wilson, *How to Survive the Titanic, or The Sinking of J. Bruce Ismay* (London: Bloomsbury, 2011). Это художественно изложенная биография Исмея, дополненная убедительной литературоведческой статьей, свидетельствующей, что Джозеф Конрад в своем четвертом романе «Лорд Джим», изданном в 1900 году, предвосхитил роковую судьбу Исмея.

Norbert L. Kerr, Ann C. Rumble, Ernest S. Park, et al., «How Many Bad Apples Does It Take to Spoil the Whole Barrel? Social Exclusion and Toleration for Bad Apples,» *Journal of Experimental Social Psychology* 45, no. 4 (2009): 603–613.

Redouan Bshary, «Biting Cleaner Fish Use Altruism to Deceive Image-Scoring Client Reef Fish,» *Proceedings of the Royal Society London B* 269, no. 1505 (2002): 2087–2093.

Adam Waytz and Liane Young, «The Group Member Mind Tradeoff: Attributing Minds to Groups Versus Group Members,» *Psychological Science* 23, no. 1 (2012), 77–85.

Milton Friedman, «The Social Responsibility of Business Is to Increase Its Profits,» *New York Times Magazine*, September 13, 1970.

Alan G. Sanfey, James K. Rilling, Jessica A. Aronson, et al., «The Neural Basis of Economic Decision-Making in the Ultimatum Game,» *Science* 300, no. 5626 (2003): 1755–1758. См. также: James K. Rilling, Alan G. Sanfey, Jessica A. Aronson, et al., «The Neural Correlates of Theory of Mind Within Interpersonal Interactions,» *NeuroImage* 22, no. 4 (2004): 1694–1703.

Mascha van't Wout, René S. Kahn, Alan G. Sanfey, and André Aleman, «Affective State and Decision-Making in the Ultimatum Game,» *Experimental Brain Research* 169 (2006): 564–568.

Olwen A. Bedford, «The Individual Experience of Guilt and Shame in Chinese Culture,» *Culture & Psychology* 10, no. 1 (2004): 29–52.

Kalvero Oberg, «Crime and Punishment in Tlingit Society,» *American Anthropologist* 36, no. 2 (1934): 145–156.

Michael Grabell and Sebastian Jones, «Off the Radar: Private Planes Hidden from Public View,» ProPublica.

Jennifer L. Jacquet and Daniel Pauly, «Trade Secrets: Renaming and Mislabeling Seafood,» *Marine Policy* 32 (2008): 309–318.

Graeme Wood, «Scrubbed,» *New York Magazine*, June 16, 2013.

Seshadri Tirunillai and Gerard J. Tellis, «Does Chatter Really Matter? Dynamics of User-Generated Content and Stock Performance,» *Marketing Science* 31, no. 2 (2012): 198–215.

Toni Massaro, «Shame, Culture, and American Criminal Law,» *Michigan Law Review* 89, no. 7 (1991): 1880–1944.

Aldo Leopold, «On a Monument to the Pigeon,» написано в 1947 году и опубликовано в *A Sand County Almanac* (London: Oxford University Press, 1949).

Kalvero Oberg, «Crime and Punishment in Tlingit Society,» *American Anthropologist* 36, no. 2 (1934): 145–156.